

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ. 2015. №1 (1)

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2015 №1 (1)

Основан в 2015 году

Казань
Издательство КНИТУ

2015

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2015 №1 (1)

Издается с ноября 2015 года

Выходит шесть раз в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-62437 от 27 июля 2015 г.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

Адрес редакции: 420015, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, ФГБОУ ВПО «КНИТУ»,
Редакция журнала «Управление устойчивым развитием», тел. 8(843) 231-43-43, e-mail: development_knrtu@mail.ru.

Главный редактор: Зинурова Р. И. – д.соц.н., проф., КНИТУ
Заместители главного редактора: Тузиков А. Р. – д.соц.н., проф., КНИТУ,
Осипов П. Н. – д.п.н., проф., КНИТУ

Редакционная коллегия:

Авилова В. В. – д.э.н., проф., КНИТУ
Аксянова А. В. – д.э.н., проф., КНИТУ
Валеева Н. Ш. – д.п.н., проф., КНИТУ
Иванов В. Г. – д.п.н., проф., КНИТУ
Ивченков С. Г. – д.соц.н., проф., СГУ
Киселев С. В. – д.э.н., проф., КНИТУ
Кондратьев В. В. – д.п.н., проф., КНИТУ
Курашов В. И. – д.ф.н., проф., КНИТУ
Локосов В. В. – д.соц.н., проф., ИСЭПН РАН
Мингалеев Г. Ф. – д.э.н., проф., КНИТУ-КАИ
Семенов Г. В. – д.э.н., проф., КНИТУ
Сергеев С. А. – д.пол.н., проф., КНИТУ
Шагеева Ф. Т. – д.п.н., проф., КНИТУ
Шинкевич А. И. – д.э.н., проф., КНИТУ

Ответственный секретарь: Алексеев С. А.

Editor-in-Chief: Zinurova R. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU
Deputies of the editor-in-Chief: Tuzikov A. R. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU
Osipov P. N. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Editorial Board:

Avilova V. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Axyanova A. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Valeyeva N. S. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Ivanov V. G. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Ivchenkov S. G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., SSU
Kiselev S. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Konratyev V. V. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Kurashev V. I. – Dr. Sci. (Philosop.), Prof., KNRTU
Lokosov V. V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., ISESP RAS
Mingaleev G. F. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU-KAI
Semenov G. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Sergeev S. A. – Dr. Sci. (Polit.), Prof., KNRTU
Shageeva F. T. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Shinkevich A. I. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU

Executive Secretary: Alekseev S. A.

К читателям и авторам журнала

Уважаемые читатели, коллеги, перед вами первый номер журнала «Управление устойчивым развитием». Как известно, в 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию на уровне глав государств и правительств, которая указала на возникающие перед мировым сообществом проблемы и на необходимость глобального **устойчивого развития**. Председатель Конференции Президент Бразилии Фернандо Коллор де Мелло так определил цели ее проведения: «Мы собрались, чтобы обеспечить прогресс в решении общей задачи, основанной на двух фундаментальных положениях – развитие и окружающая среда. Мы принимаем историческую необходимость и нравственную обязанность сформировать новую модель (развития), в которой благополучие всех и сохранение окружающей среды были бы обязательно синонимами... Мы не можем обеспечить экологическую безопасность планеты в социально несправедливом мире». На Йоханнесбургском саммите ООН в сентябре 2002 г., который подтвердил приверженность концепции устойчивого развития, принятой в Рио-де-Жанейро, проблема взаимоотношений общества и природы была поставлена в контексте сохранения не только

окружающей среды и природных ресурсов, но и человеческой цивилизации как таковой. Идеи устойчивого развития получили адекватную реакцию со стороны российской федеральной власти. В апреле 1996 г. Указом Президента РФ № 440 была утверждена «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Однако трудностей на этом пути предостаточно и многие из них еще не получили адекватного научного осмысления.

Дискурс устойчивого развития (sustainable development) в современных условиях неразрывно связан с контекстами инновационного роста, экологии, биоэтики, энерго- и ресурсосбережения, качества государственного управления, народосбережения, бережного отношения к культуре, качества жизни, «экономики знаний», «умных городов» (smart cities), качества образования, социальной ответственности бизнеса, развития гражданского активизма и ответственности. Данная проблематика находит свое отражение как в социологических и экономических науках, так науках об образовании (педагогике).

Перед современной Россией стоит «сдвоенный вызов»: обеспечить инновационный рост и при этом ориентироваться на устойчивое развитие. Видимо, не случайно в оборот введено понятие «устойчивое инновационное развитие», предполагающее одновременную ориентацию на две цели. Ресурсо-сбережение, энергосбережение, демографическое развитие и другие черты, присущие устойчивому развитию, в рамках такого подхода опираются на инновации.

Инновации в социально-экономической и социально-культурной сферах не менее важны, а точнее, зачастую обеспечивают результативность научно-технических инноваций, так как, во-первых, придают смысловую окраску их целям и практике применения, во-вторых, влияют на характер и формы взаимодействия людей в процессах совместной деятельности, в-третьих, способны формировать потребителя таких инноваций, в-четвертых, обеспечивают научно-технические инновации соответствующими кадрами и, в-пятых, «технологизируют» процесс управления инновационной деятельностью на основе постоянной научной рефлексии ее эффективности.

На страницах нашего журнала мы будем приветствовать статьи, посвященные научным исследованиям на указанную проблематику, выполненные в рамках социологических, экономических и педагогических наук, и/или в междисциплинарной рамке. Также будут приветствоваться научные дискуссии и обмен передовым опытом в исследовании, преподавании и внедрении научных результатов в практику управления. Именно поиск эффективных стратегий и методов управления устойчивым развитием является главной целью и отражен в самом названии журнала, первый номер которого вы держите в руках.

Мы надеемся на Ваш интерес и плодотворное сотрудничество!

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кудрявцева С. С., Шинкевич А. И.</i> Оценка национальных инновационных систем: теоретико-методологические аспекты	6
<i>Андреева Е. С., Дырдонова А. Н., Фомин Н. Ю.</i> Роль и значение государства в реализации проектов государственно-частного партнерства	14
<i>Аксянова А. В., Филиппова Н. К.</i> Многомерный статистический анализ эффективности деятельности банков	18
<i>Берман С. С.</i> Формирование системного подхода к управлению качеством на промышленном предприятии	26
<i>Нежметдинова Ф. Т.</i> Роль междисциплинарных исследований социально-экономической направленности в устойчивом развитии современного общества (обзор мировых тенденций науки и технологий)	33

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Тузиков А. Р., Зинурова Р. И.</i> Концептуализация социокультурных аспектов формирования идентичности современной молодежи в рамках теории идеологии	39
<i>Бурганова Л. А., Акмалова Э. М.</i> Стратегии проведения молодежи на неформальном рынке труда: анализ экспертного мнения	45
<i>Гарафиев И. З.</i> Применение теории человеческого капитала к анализу образовательного фактора социальной стратификации общества	50
<i>Тузиков А. Р.</i> Социология в технических и технологических университетах: «неформат» или университетский формат?	54
<i>Лисина О. В.</i> Оздоровительные практики молодежи и религиозность	59
<i>Фролова И. А.</i> Инновационная активность молодых предпринимателей как фактор конкурентоспособности МИП в России (на материалах Казанского национального исследовательского технологического университета)	68
<i>Шагиахметова А. Х.</i> Международный опыт оценки управленческого лидерства: компетентностный подход	72

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Шакирова Д. М.</i> Критерии и психолого-педагогические стратегии развития инновационного потенциала	78
<i>Осипов П. Н.</i> Роль С. Я Батышева в становлении казанской научной школы профессиональной педагогики	88
<i>Мухаметзянова Ф. Ш., Левина Е. Ю.</i> Управление устойчивым развитием современных образовательных систем	93
<i>Галиханов М. Ф., Городецкая И. М., Иванов В. Г., Шагеева Ф. Т., Низамова Г. А.</i> Непрерывное профессиональное образование как инструмент развития инновационных компетенций персонала регионального территориально-промышленного кластера	97
<i>Зиятдинова Ю. Н., Осипов П. Н., Валеева Э. Э., Безруков А. Н., Султанова Д. Ш.</i> Проектирование и реализация модели интернационализации инженерного образования в Республике Татарстан	102
<i>Зинурова Р. И., Берман С. С.</i> Управление системой ресурсного обеспечения устойчивого развития вуза.	108
<i>Шимановская Л. А.</i> Актуальность использования аутентичных рекламных образовательных изданий типа Prospectus для повышения лингвострановедческой компетенции	114

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

О роли экономических наук в переходе к устойчивому развитию

Экономический раздел журнала «Устойчивое развитие» решает важные методологические задачи по исследованию механизмов обеспечения устойчивого развития, критериев и оценки результатов. Концепция устойчивого развития формулируется на базе осмысления специфики современной модели российской экономики с учетом ее научного, инновационного, инвестиционного, кадрового, финансового потенциалов; поиска источников оживления экономики и восстановления темпов ее роста.

Падение цен на нефть делает вероятными невысокие темпы экономического роста в ближайшее время. Тем важнее исследования, снижающие неопределенность экономического развития, формирующие возможность снижения влияния негативных тенденций

как отток капитала. Статьи должны не только анализировать ситуацию, но и предлагать механизмы регулирования экономических процессов, прогнозировать возможные преимущества и риски улучшения предпринимательского климата, снижение барьеров, переход к открытой экономике.

Устойчивое развитие территорий базируется по конкурентоспособности субъектов всех уровней хозяйствования. Это ставит перед экономической наукой задачу поиска механизмов интенсификации деятельности по приобретению конкурентных преимуществ как в традиционно развитых отраслях экономики Республики Татарстан (нефтедобыча, нефтехимия, машиностроение), так и в перспективных (биотехнологическое производство, нанопромышленность, фарминдустрия, производство композитов). Новые технологии генерируют массив данных, нуждающихся в осмыслении и способных стать базой научного прогноза. При этом вектор исследований в теории и практике поиска конкурентных преимуществ должен ориентироваться на интеллектуальную компоненту в обеспечении устойчивых конкурентных преимуществ, решений по коммерциализации интеллектуальной собственности, поскольку темпы экономического роста во многом зависят от уровня применения экономики знаний.

Экономическая наука мирового уровня активно использует математические методы, позволяющие разрабатывать достоверные прогнозы. Соответственно эта тенденция также должна проявиться в публикуемых статьях. В экономически развитых странах деятельность 60% работников связана с анализом, обработкой, применением информации. Для российских публикаций характерным является мониторинг лучших зарубежных достижений, его критический анализ на предмет возможной адаптации к российской экономике, формирование концепций и парадигм устойчивого роста, оценки эффективности мер государственной политики.

Устойчивое развитие определяется эффективностью распоряжения инновациями. В институте управления инновациями сформирована научная школа, посвятившая себя управлению инновационной деятельностью. Большой вклад ученые института управления инновациями внесли в разработку стратегии инновационного развития региона и региональной инновационной системы, механизмов усиления инновационной восприимчивости, развития инновационной инфраструктуры. Продолжение научного поиска в этом направлении также представляется весьма перспективным, а результатом может стать целостная парадигма инновационной экономики. Многие научные результаты получены в институте управления инновациями в сфере менеджмента. На базе этих результатов появляются исследования в формате концептуального менеджмента.

Мировая экономическая теория в настоящее время анализирует причины экономических кризисов, их глубину и ритмичность. Современная экономическая наука научилась предсказывать их и только учится выработать рекомендации, позволяющие избежать кризисные явления. Сегодняшняя экономическая ситуация предполагает анализ с последующей стратегией входа в фазу роста и устойчивого развития, изложенные в статьях.

Одобрение вызывает тематика публикаций, представленных в первом выпуске журнала в разделе «Экономические науки». Это теоретико-методические аспекты оценки национальных инновационных систем, роль государства в реализации проектов государственно-частного партнерства, важный в условиях экономического кризиса анализ устойчивости деятельности банков и значимый для повышения уровня конкурентоспособности системный подход к управлению качеством на промышленных предприятиях.

С пожеланием творческих успехов, д-р экон. наук, проф. В. В. Авилова

УДК 338.24

С. С. Кудрявцева, А. И. Шинкевич

ОЦЕНКА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: национальная инновационная система, инновационная экономика, Европейское инновационное табло, экономический рост.

Статья содержит авторские исследования об уровне развития национальных инновационных систем. На основе авторской методики, предложен метод позиционирования национальных инновационных систем с использованием интегрального индекса по затратам и результатам инновационной деятельности.

S. S. Kudryavtseva, A. I. Shinkevich

EVALUATION OF NATIONAL INNOVATION SYSTEMS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Keywords: national innovation system, innovative economy, European innovation scoreboard, economic growth.

The article contains author's research about the level of development of national innovation systems. On the basis of the author's technique, a method of positioning of national innovation systems using the integral index of the costs and benefits of innovation is proposed.

В настоящее время в экономической литературе обсуждается широкий спектр вопросов, связанных с определением уровня развития национальных инновационных систем (НИС). Проблемам формирования национальных инновационных систем посвящены многие работы отечественных и зарубежных исследователей. Так, К. Фрименом делал акцент на институциональном контексте инновационной деятельности, подчеркивая, что национальная инновационная система представляет собой «сеть институтов в общественном и частном секторах, чья деятельность и взаимосвязь способствует разработке, импорту и проникновению новых технологий» [1, с.57].

Согласно точке зрения Б.-А. Лундвалла, «система инноваций формируется из элементов и отношений, которые взаимодействуют в производстве, распространении и использовании нового и экономически полезного знания... национальная система включает элементы и отношения, расположенные внутри границ национального государства» [2].

Пател и Павитт определяют НИС как «национальные институты, их системы стимулов и компетенций, которые определяют степень и направления технологического

обучения (или деятельности, генерирующей изменения) внутри страны» [3].

Институциональный подход к определению НИС прослеживается у С. Меткалфа – «это набор различных институтов, в совокупности и индивидуально вносящих вклад в развитие и распространение новых технологий и создающих рамки, в которых правительства формируют и реализуют политику влияния на инновационные процессы. Как таковая, это система взаимосвязанных институтов для создания, хранения и трансфера знаний, навыков и инструментов, определяющих развитие новых технологий» [4].

Российский ученый Н. Маренков определяет национальную инновационную систему как «целостную систему, которая эффективно преобразует «новые» знания, не важно чьи – «свои» или «чужие» – в новые технологии, продукты и услуги, которые находят своих реальных потребителей на национальных или глобальных рынках» [5, с.181].

В определении Н. Бекетова «национальная инновационная система подразумевает определенную форму движения и использования общественных ресурсов, систему взаимодействующих воспроизводственных звеньев,

внепроизводственных форм деятельности, участвующих в инновационном процессе и, в конечном итоге, определяющих его динамику» [6].

Б. Кузык указывает на единство иерархической, функциональной и обеспечивающей структуры в составе НИС [7, с. 435].

Вопрос о том, какая система статистических показателей в наибольшей степени отражает развитие «новой» экономики и соответствует задачам научно-технической, экономической и социальной политики государств, возник еще в середине 1950-х годов XX века. Для координации усилий стран в 1957 г. в рамках Организации экономического сотрудничества и развития была создана группа национальных экспертов по показателям науки и технологий (NESTI), которая в 1963 г. в городе Фраскати обсудила и приняла единую методику проведения статистических обследований научных исследований и разработок – «Руководство Фраскати» [8]. Учитывая потребность в разработке специальных стандартизированных рекомендаций по вопросам статистического изучения актуальных аспектов развития науки, технологий, их влияния на экономический рост, экспертами ОЭСР была подготовлена серия методологических руководств, образовавших «Семью Фраскати». В их число входят: рекомендации по измерению данных баланса платежей за технологии, использованию патентной статистики, измерению кадровых ресурсов, сбору и интерпретации данных о технологических инновациях, стандартная практика обследований исследований и разработок.

В настоящее время Евросоюз оценивает уровень развития инновационной экономики по группе индикаторов и дает сравнительную оценку эффективности ее развития по странам. Для составления ежегодного Европейского инновационного табло (European Innovation Scoreboard – EIS), используются как регулярные статистические данные, так и выборочные обследования.

Показатели, отражающие уровень развития инновационной экономики, объединены в три блока:

– блок «Инновационный потенциал» включает основные внешние «двигатели» инновационного развития и делится на три подблока – «Человеческие ресурсы», «Открытые исследовательские системы» и «Финансы и государственная поддержка», охватывающие 8 показателей;

– блок «Деятельность фирм» состоит из трех подблоков («Инвестиции фирм», «Сотрудничество и предпринимательство», «Интеллектуальные активы», включая права интеллектуальной собственности и технологический баланс потоков платежей), содержащих 9 показателей;

– блок «Выпуск (результаты)» характеризует результаты инновационной деятельности фирм и состоит из двух подблоков, использующих 8 показателей: «Инноваторы» (число фирм, использующих технологические и нетехнологические инновации) и «Экономические эффекты» (занятость, экспорт, продажи) [9].

Представленные индикаторы позволяют выделить основные направления национальных инновационных процессов, а также в определенной мере учесть такие социально-экономические факторы, как роль государства, рынка, спрос – предложение инноваций. Первостепенное значение в методике отводится оценке уровня развития интеллектуальных ресурсов и трансформации последних в интеллектуальный капитал, что выражается в приросте инновационных благ. В связи с этим целесообразным представляется оценить уровень развития национальных инновационных систем по принципу «затраты – выпуск».

Российская инновационная система может быть охарактеризована по полному перечню показателей EIS на основе официальных статистических данных.

Для проведения сравнения уровня развития национальных инновационных систем (на примере стран Евросоюза и России) воспользуемся методом матричного позиционирования. Данный метод широко применяется в стратегическом менеджменте для определения позиции стратегической хозяйственной единицы относительно конкурентов и весьма полезен при получении аналитических оценок в экономической теории. Для этого зададим двумерное пространство координат, оси которого будут определять затраты и результаты инновационной деятельности в национальных экономиках. При этом к интегральному индексу затрат на инновационную деятельность будем относить показатели блоков «Инновационный потенциал» и «Деятельность фирм», а к интегральному индексу результатов инновационной деятельности – показатели блока «Выпуск (результаты)».

Поскольку затраты и результаты описываются несколькими параметрами, необходимо преобразовать их так, чтобы

получить по одному интегральному значению. Данные значения могут быть рассчитаны на основании регрессионных моделей, где в качестве результирующей переменной будем использовать темп роста национальных экономик, а входными переменными – показатели по блокам «затраты» и «результаты», соответственно.

Для построения регрессионной модели зависимости темпов роста экономики от затрат и результатов инновационной деятельности, на первом этапе были рассчитаны частные коэффициенты корреляции и уровень их значимости по блокам: «Человеческие ресурсы», «Открытые исследовательские системы», «Финансы и государственная поддержка», «Инвестиции фирм», «Сотрудничество и предпринимательство», «Интеллектуальные активы», «Инноваторы», «Экономические эффекты». В целях адекватной оценки представленных показателей было определено наличие мультиколлениарности (тесной зависимости между факторными признаками), которая может существенно исказить результаты исследования. Одним из индикаторов определения наличия мультиколлениарности между факторными признаками является превышение величины парного коэффициента корреляции 0,8.

Результаты корреляционного анализа позволяют сделать вывод, что в блоке «Инноваторы» наблюдается тесная положительная связь между параметрами

«организации, осуществляющие технологические инновации – организации, осуществляющие организационные и маркетинговые инновации» – коэффициент парной корреляции составил 0,8272 и является статистически значимым. Поскольку индикатор «организации, осуществляющие организационные и маркетинговые инновации» с выходным параметром связан меньше (коэффициент парной корреляции с темпом роста национальной экономики составил 0,1095), то в модели будет присутствовать индикатор «организации, осуществляющие технологические инновации» (коэффициент парной корреляции с темпом роста национальной экономики – 0,1182).

На втором этапе по регрессионной модели были получены значения весовых коэффициентов соответствующих индикаторов по затратам и результатам [10, 11]. Имея интегральные оценки затрат и результатов инновационной деятельности в национальных экономических системах, построим матрицу позиционирования стран. Зададим систему координат, в которой по оси абсцисс расположим интегральные индексы по затратам, а по оси ординат – по результатам. Найдем медианы рядов распределения интегральных оценок и проведем через эти значения на графике пунктирные линии, отделяющие зоны высоких и низких затрат и результатов инновационной деятельности (рис. 1).

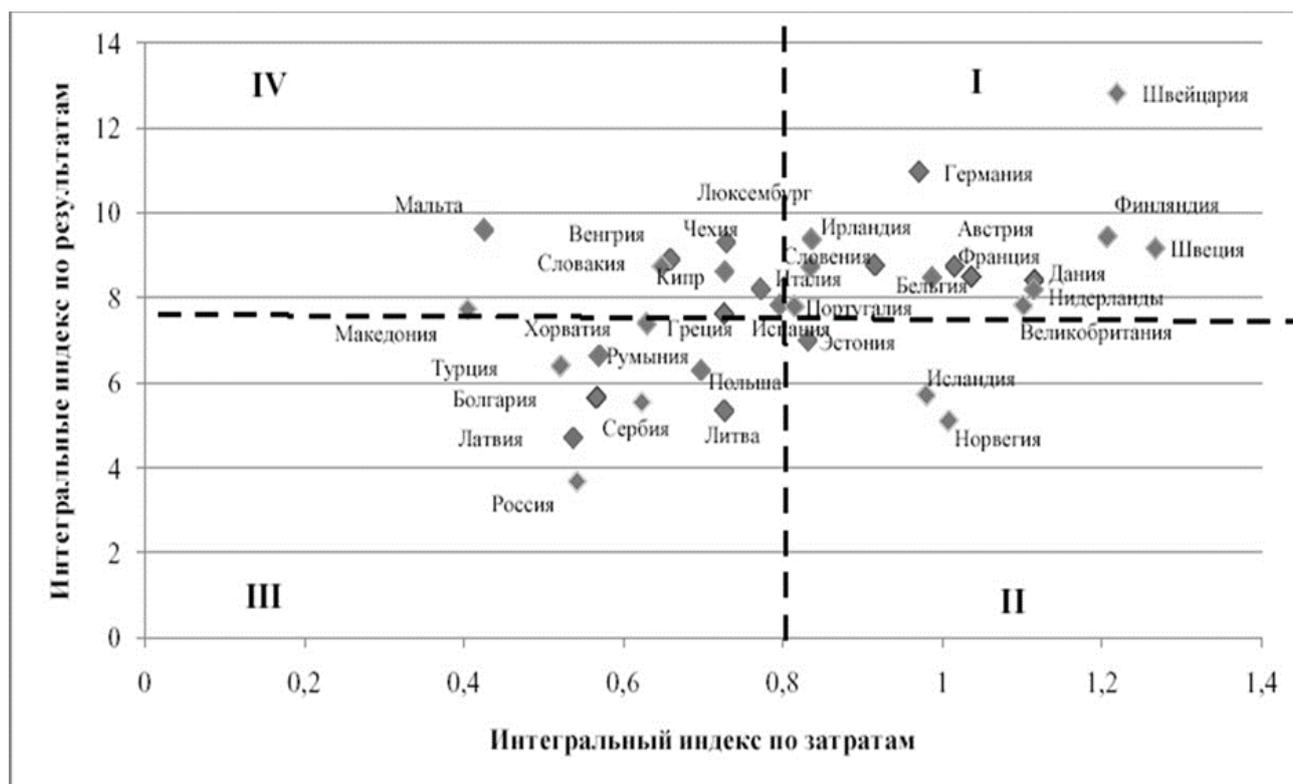

Рис. 1 – Матрица позиционирования стран Евросоюза и России по интегральным показателям затрат и результатов инновационной деятельности

Все страны распределены по четырем квадрантам, каждый из которых характеризует, с одной стороны, затраты на инновационную деятельность, с другой стороны – ее результаты. Рассмотрим их подробнее.

Первый квадрант представлен странами, высокие затраты на инновационную деятельность соответствуют высокому уровню результатов – интегральные индексы превышают среднее значение показателей. Здесь присутствуют страны с высокоразвитой национальной инновационной системой (Швейцария, Германия, Швеция, Финляндия и другие). Общей характеристикой этих стран является сбалансированная система затрат интеллектуальных, финансовых, инвестиционных ресурсов и результатов инновационной деятельности в виде инновационных благ.

Во втором квадранте расположились страны, в которых затраты на инновации превышают средний уровень по странам, а результаты инновационной деятельности отстают от медианного значения (Исландия, Норвегия, Эстония). Нарращивание ресурсного потенциала не находит выражения в виде инновационных товаров, услуг, технологий. Наблюдается «разрыв» между наукой, образованием, инвестициями, с одной стороны, и экономическими эффектами, с другой. Государственная политика этих стран ориентирована на поддержку инновационного сектора экономики, создание системы наукоемких производств, отвечающих критериям экономики знаний, хотя в целом экономика стран данного квадранта далеки от лидирующих позиций.

В третий квадрант объединены страны с низкими интегральными индексами затрат и результатов инновационной деятельности: Латвия, Литва, Болгария, Хорватия и другие. Национальная инновационная система данных государств не имеет адекватной государственной поддержки. В отличие от второго квадранта государство здесь не предпринимает значимых усилий по ускорению инновационного развития. Среди причин такой ситуации можно выделить следующие. Во-первых, эти страны находятся на относительно низких уровнях экономического развития. Часть стран пока не перешла к экономике знаний. Во-вторых, характерной чертой этих стран является низкий уровень развития института образования, научных исследований и интеллектуальной собственности. Оба этих фактора препятствуют развитию национальных инновационных систем, превращая эти страны в инноваторов-последователей. В данном

квадранте представлена и Россия. Вместе с тем, несмотря на очевидные проблемы, Россия в последние годы активно стремится перейти к инновационной модели развития. Правительством Российской Федерации главная модернизационная задача определена как смена сложившейся модели экономического роста: вместо «нефтяного» роста перейти к инновационному. В отдельных субъектах (например, в Республике Татарстан) делаются успешные попытки формирования инновационной инфраструктуры: создаются технопарки, технополисы, инновационные кластеры и т.д. Но пока результаты данной работы проявляются фрагментарно.

Наконец, в четвертом квадранте представлены страны, в которых интегральные индексы затрат и результатов инновационной деятельности находятся примерно на уровне медианных значений или интегральный индекс результатов незначительно выше среднего уровня: Венгрия, Чехия, Кипр, Мальта и другие. Эти страны занимают нестабильное положение по уровню инновационного развития. Активная государственная политика в области поддержки национальной инновационной системы, укрепление связи научного и образовательного сектора с производственным сектором в обозримом будущем могут способствовать перемещению стран данного квадранта в первый квадрант в один ряд со странами-лидерами инновационного развития. Противоположная ситуация – если национальная инновационная система не будет признана правительством данных государств в качестве приоритетной стратегии развития экономики, это приведет к ослаблению инновационных стимулов и перемещению стран данного квадранта в третий квадрант с низкими интегральными индексами затрат и результатов инновационной деятельности.

Однако матрица позиционирования посредством представления системы координат, разбитой только на четыре квадранта, не позволяет выделить однородные группы, поскольку в один квадрант могут попасть страны, отличающиеся по уровню развития национальных инновационных систем. Устранить данный недостаток в методике позиционирования позволяет использование кластерного анализа, а именно «дерево кластеров». Используя данный анализ, страны были разбиты на относительно однородные группы, схожие по своему составу (рис. 2).

При исследовании национальных инновационных систем выявление позиции

страны имеет ключевое значение. С помощью матрицы позиционирования можно определить положение стран по затратам и результатам инновационной деятельности, а также их соответствие/несоответствие друг другу. Определение стратегической позиции страны может служить основой для исследований и разработок в области государственной инновационной политики. Объединение

национальных инновационных систем в однородные группы позволяет лучше понять логику и тенденции их развития, а также эффективность государственной инновационной политики. Данный метод широко используется для проведения сравнительного анализа и первичной оценки уровня развития национальных инновационных систем.

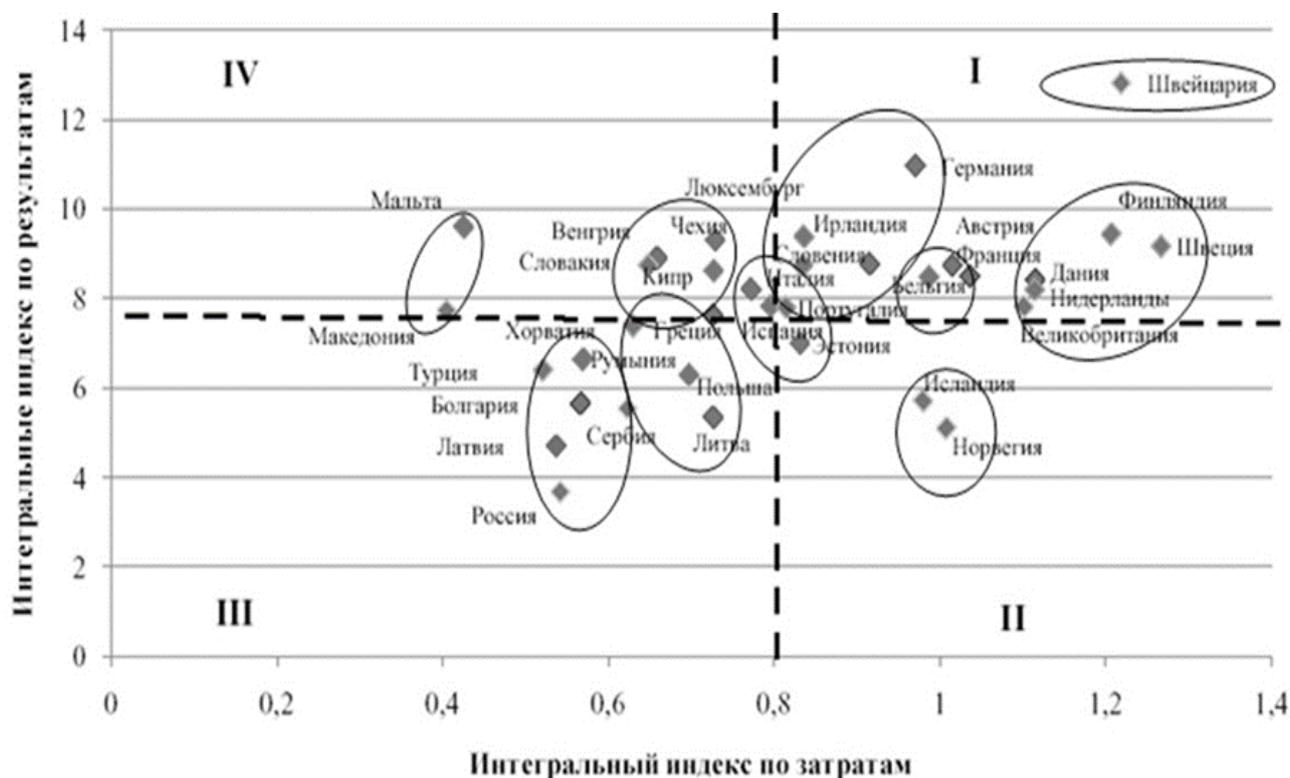

Рис. 2 – Страны, развитые на группы методом «дерево кластеров»

Как показал анализ, для стран-лидеров характерно соответствие высоких затрат и результатов на инновационную деятельность. При этом страны, занимающие ключевые позиции по развитию человеческого и интеллектуального капитала (Швейцария, Швеция, Финляндия, Дания), находятся в числе лидеров по результатам инновационной деятельности.

Для стран первого квадранта (стран-лидеров инновационной деятельности) представляется целесообразным оценить уровень рентабельности инновационной деятельности как отношение интегрального индекса по результатам и интегрального индекса по затратам. Анализ рентабельности проводился исключительно для стран-лидеров инновационного развития, поскольку для «экономики знаний» характерны высокие затраты и соответствующие им результаты инновационной деятельности. При этом самый

высокий уровень рентабельности отмечен в Германии (11,3), Швейцарии (10,5) и Ирландии (9,6). Примечательной является позиция России – непропорциональность затрат и результатов инновационной деятельности является одной из причин, препятствующих переходу отечественной экономики к новому качеству экономического роста. Россия расположилась в группе стран с низкими значениями показателей по затратам и результатам инновационной деятельности, образуя кластер с Сербией, Латвией, Болгарией, Турцией, Румынией, Хорватией.

Важнейшим институтом в «экономике знания» является институт высшей школы, поскольку именно она дает новые знания и готовит «общество будущего». Образовательная среда предопределяет качество воспроизводства интеллектуального капитала. Следовательно, государство должно

оказывать постоянную и действенную поддержку развитию института высшей школы.

Высшая школа имеет высокую значимость в формировании национальной инновационной системы. В основе группы показателей инновационного развития (инновационный потенциал, трудовые ресурсы, интеллектуальный капитал, инвестиционная привлекательность и развитость инфраструктуры) находится тот объем теоретических, практических и научных знаний, которыми обладает инновационная система, что во многом определяется состоянием высшей школы и ее специализацией. Следовательно, чем более развита система высшей школы, тем больше возможностей приобретает инновационная система в сфере использования новых технологий, сокращения издержек и получения дополнительных конкурентных преимуществ. Отсутствие или слабое развитие высшей школы означает, что система будет заимствовать «чужие» технологии, что снижает ее эффективность использования ресурсов и конкурентоспособность.

Институциональное поле России в сфере науки имеет характерные признаки инерционности, незаполненности и неоднородности. Под инерционностью понимается устойчивость институциональной траектории развития. Фундаментальная наука развивается по законам, которые предписывает она сама, практика может лишь стимулировать ее. Однако в инерционность часто обращается к потребителю научной продукции и услуг своей негативной стороной – отсутствием изменений [12].

Незаполненность научного поля означает отсутствие продвинутого обучения по всему спектру специализаций данной отрасли знаний. В частности, немногие российские вузы ведут подготовку по узкоспециализированным, но востребованным на рынке специальностям: управление консалтингом, страхование и другие.

Неоднородность означает неравномерность распределения обучения по имеющемуся спектру специальностей. Нарращивание усилий по развитию нескольких уже лидирующих отраслей науки обесценивает весь интеллектуальный капитал инновационной системы.

Главная роль в решении указанных проблем высшей школы, безусловно, принадлежит государству. Соответствующим вкладом в образование может стать инновационное государственное финансирование программы стратегического

научного поиска фундаментальных дисциплин. Программы такого рода будут способствовать укреплению и накоплению новым реальным содержанием процессов подготовки специалистов.

Система ресурсных потоков высшей школы включает в себя две подсистемы – информационные ресурсы и материальные ресурсы [12]. К информационной сфере относится генерация и трансформация инноваций в инновационные потоки, управление потоками, создание и внедрение технологических циклов – интеллектуальные ресурсы, а также соответствующая инфраструктура, на которую накладываются информационные потоки, формируя специфический актив – интеллектуальные ресурсы. Базовым условием функционирования информационной подсистемы является доминирование интеллектуальных ресурсов над трудовыми.

К материальной сфере относятся источники сетей, системы жизнеобеспечения всех циклов информационной сферы, находящиеся в процессе постоянного воспроизводства – материальные ресурсы, а также системы финансовых потоков, обслуживающих указанное воспроизводство – финансовые ресурсы.

Взаимодействуя с институтом бизнеса, сфера высшей школы приобретает ресурсы предпринимательской активности. В данном аспекте на первый план выходит проблема поиска точек приложения этой активности, т.е. проблема осваивания бизнеса образованием. Будучи замкнутой внутри сферы образования, такая активность может существенно деформировать ресурсы ее воспроизводственного цикла.

Среди основных характеристик развития интеллектуального капитала в российской экономике можно выделить сублимативность и рассеяние [12]. Сублимативность характеризует развитие качества самовыражения. Она отражает традициональность соответствующей информационной среды, заключающейся в переходе исследований от инновационных к имитационным по мере достижения исследователем определенного возраста или статусных позиций. Осознавая свою невостребованность и отсутствие среды и стимулов для дальнейшего развития как своеобразный «потолок», специалист пытается трансформировать свою активность в сфере бизнеса.

Рассеяние отражает высокую вероятность рассеяния научных направлений.

Когда трудности создания научной школы во многом обусловлены недостатком ресурсов для ее формирования и требуют высоких затрат, научные направления переходят в стадию стагнации и рассеивается их идейная составляющая.

В постиндустриальной экономике ядром национальной инновационной системы являются государственные вузы, прежде всего потому, что именно в системе вузов исторически оказались саккумулированными основные базы научных знаний. В то же время преимущественно именно вузы занимаются фундаментальными исследованиями, формируя качественно новые знания, необходимые для интенсивного развития науки и экономики.

Государственные вузы – это связующий элемент национальной инновационной системы, который объединяет ее элементы в единое целое. В качестве основного элемента инновационной системы можно выделить интеллектуальный капитал. В качестве другого уровня элементов – второго уровня, можно отметить такие, как государственная поддержка инновационной деятельности, система ее финансирования. Таким образом, государственные вузы следует рассматривать как элементы, образующие «ядро» национальной инновационной системы, определяющие стратегические возможности и приоритеты ее развития.

Следующую группу элементов стратегически значимых для развития национальной инновационной системы составляют научно-исследовательские институты, конструкторские бюро и проектные центры. Эти элементы, в отличие от вузов непосредственно не занимаются формированием человеческого и интеллектуального капитала. При этом их деятельность во многом является определяющей в развитии инновационной системы, поскольку она определяет качество знаний, возможность и эффективность их практического применения.

К третьей группе элементов национальной инновационной системы можно отнести технопарки, технополисы и бизнес-инкубаторы. Цель их функционирования – обеспечить интеграцию науки, образования и производства, а также создание условий для реализации предпринимательского потенциала.

Четвертую группу элементов национальной инновационной системы

образуют инновационные фирмы, деятельность которых носит преимущественно прикладной характер. Инновационные фирмы обеспечивают развитие инновационной системы путем трансформации входных потоков (интеллектуальных ресурсов) в выходные – результаты научной деятельности, которые являются общественно значимыми и имеют конкретного общественного потребителя.

Таким образом, структурно значимая часть национальной инновационной системы является четырехуровневой (вузы как ядро, научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, проектные центры, технопарки, технополисы, бизнес-инкубаторы, инновационные фирмы). Очевидно, что существуют элементы, не принадлежащие ядру инновационной системы, но в то же время являющиеся значимыми. Вместе с тем данные элементы не формируют сущность инновационной системы, а всего лишь используются ее основными элементами для реализации базовых стратегических целей. В качестве таких вспомогательных элементов можно выделить финансовые институты, институт интеллектуальной собственности, институт венчурного финансирования, политико-правовые институты и др.

Основу инновационной системы составляют люди, генерирующие новое знание. Этот элемент является системообразующим. Периферийные институты образуют институциональное поле, обеспечивающее трансформацию интеллектуальных ресурсов в интеллектуальный капитал. Первостепенная роль, на наш взгляд, здесь принадлежит государству, которое с помощью законодательных мер может прямо изменять или с помощью косвенных методов стимулировать инновационную активность, разрабатывать долгосрочные цели инновационного развития и стратегии их реализации. При этом основные приоритеты инновационной политики генерирует внешняя среда – заказчики, общество и само государство. Спроектированная таким образом национальная инновационная система отвечает интересам и возможностям всех институциональных единиц, обеспечивая экономическое развитие страны в русле экономики знаний.

Литература

1. Зверев В. Теория формирования национальных инновационных систем. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. – 438 с.

2. Lundvall B. A. Asia's innovation system in transition / B.A. Lundvall, P. Intaracumnerd, J. Vang. – USA: Edward Elgar, 2006.
3. Patel P., Pavitt K. The Nature and Economic Importance of National Innovation Systems // STI Review, No. 14, OECD, Paris, 1994.
4. Metcalfe, S. The Economic Foundations of Technology Policy: Equilibrium and Evolutionary Perspectives, in P. Stoneman (ed.), Handbook of the Economics of Innovation and Technological Change, Blackwell Publishers. – USA: Cambridge, 1995.
5. Маренков Н. Л. Инноватика. – М.: КомКнига, 2005. – 300 с.
6. Бекетов Н. В. Инновационная деятельность и инновационный процесс: сущность и основные этапы исследования в экономической литературе // Экономический анализ: теория и практика. – 2008. – № 3. – С. 11-16.
7. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва. – М.: Экономика, 2005. – 619 с.
8. Руководство Фраскати. – М.: ЦИСН, 1995, – 228 с.
9. Innovation Union Scoreboard 2014. URL: <http://europa.eu> (дата обращения: 15.10.2015).
10. Шинкевич А.И., Кудрявцева С.С., Шинкевич М. В. Институциональное обеспечение накопления интеллектуального капитала в экономике знаний: монография. – Казань: Изд-во Казан. нац. исслед. технол. ун-та, 2012. – 303 с.
11. Кудрявцева С. С. Методика управления интеллектуальным капиталом в интересах инновационно-модернизационного развития экономических систем // Экономический вестник Республики Татарстан. – 2012. – № 1. – С. 56-61.
12. Инновационные ресурсы вузов региона: потенциал и организационно-экономические механизмы его использования / Г. В. Семенов, М. Р. Сафиуллин, Р. Х. Миннегалиев, П. П. Викторов. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. – 156 с.

Сведения об авторах:

©**Кудрявцева Светлана Сергеевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры логистики и управления, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: sveta516@yandex.ru.

©**Шинкевич Алексей Иванович** - доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой логистики и управления, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: dlogscm@kstu.ru.

Information about the authors:

©**Kudryavtseva Svetlana Sergeevna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of logistics and management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: sveta516@yandex.ru.

©**Shinkevich Aleksey Ivanovich** – Doctor of Economic Sciences, Professor, The Head of the Department of Logistics and Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: dlogscm@kstu.ru.

Е. С. Андреева, А. Н. Дырдонова, Н. Ю. Фомин

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, государственный сектор, публичные блага, суверенные функции.

Основную роль в становлении и развитии институтов, механизмов и инструментов государственно-частного партнерства в нашей стране на сегодняшний момент в большей степени играет государство. Именно поэтому важно понимать, какую роль играет государственный сектор в совместно реализуемых проектах и какие функции должно выполнять государство как партнер частного сектора.

E. S. Andreeva, A. N. Dirdonova, N. Y. Fomin

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF THE STATE IN THE IMPLEMENTATION OF THE PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS

Keywords: public-private partnership, government sector, public goods, sovereign functions.

Today the main role in the formation and development of institutions, mechanisms and instruments of public-private partnership in our country largely played by the government. That is why it is important to understand the role of the public sector in jointly implemented projects and what functions should fulfill the state as a partner of the private sector.

Партнерами в проектах ГЧП являются государство, а именно представители федеральной, региональной и муниципальной власти, и частный сектор в лице малого, среднего и крупного бизнеса.

В российской практике при разработке и реализации инфраструктурных проектов на условиях партнерства госсектора с частным определяющую роль играет государство.

В большинстве случаев государство не может допустить своего полного исчезновения из определенных сфер, это вынуждает его или удерживать контроль над конкретными объектами имущества (быть их собственником), или контролировать определенные виды деятельности.

Исходя из этого, партнерские проекты это не просто сумма ресурсов сторон, а принципиально особая конфигурация интересов и соответствующих правомочий их участников.

Говоря о роли государства в совместных проектах, следует отметить, первое – государство всегда играло роль носителя публично важных интересов и целей, при этом исполняло как целеполагающую, так и контрольную функцию. Второе – будучи участником хозяйственного оборота, госсектор заинтересован как в высоких показателях

результатов деятельности ГЧП в целом, так и в получении собственного коммерческого эффекта. И, третье – партнер со стороны частного сектора, как любой адекватный предприниматель, всегда будет преследовать цели максимизации прибыли.

Вот почему в коммерческих отношениях, в противоположность реализуемым госсектором публичных интересов, между участниками всегда должен иметь место торг о возможных пропорциях разделяемых рисков, о содержании передаваемых полномочий, а также об условиях их делегирования и пользования ими. То есть сегодня роль госсектора в партнерских проектах состоит, в первую очередь, в определении своего рода правил «игры», а также условий разделения и распределения различных видов ресурсов (материальных, финансовых, интеллектуальных и т.д.). Это не совсем верный подход, потому как государство в ГЧП проектах является прежде всего партнером частного сектора и после определения приоритетных сфер направления ресурсов оно не должно удаляться из процессов принятия решений по проектам.

Анализ теории и практики, отечественного и мирового опыта такого взаимодействия позволяет утверждать, что с

ГЧП связаны принципиально новые суверенные функции государства, которые должны реализовываться на качественно новом уровне. И в этом случае важно обратить внимание на два аспекта, которые взаимосвязаны между собой.

В первую очередь, партнерские проекты способствуют некоторому пересмотру сущности понятия автономных государственных функций. Общественные и публично-правовые связи значительно сужаются, что происходит на основе значительно большего структурирования. Яркий тому пример – перестраивание естественных монополий, в результате чего естественно монопольное, находящееся под контролем государства ядро отслаивается от большого набора функций и передается представителям частного сектора. Сегодня ряд публичных благ население оплачивает самостоятельно либо полностью, либо их часть, то есть они рассматриваются как частные блага. К таким публичным благам относятся сфера образования, здравоохранения, ЖКХ и некоторые другие. Ввиду этого государственный суверенитет смещается с простого предоставления публичных благ в направлении гарантирования их в достаточном объеме и на должном качественном уровне.

Второй момент – сужение круга устоявшихся общественных интересов, их структурная трансформация, вероятное становление новых остро ставят вопрос, до какой степени государство в принципе готово отказаться от своих суверенных функций в пользу частного сектора. В развитых странах под публичное право попадает госсобственность, общественные службы, природные ресурсы и некоторые виды монопольной государственной деятельности. Публичное имущество является достоянием общественности в целом, но не принадлежит никому конкретно. Госсектор как носитель суверенных функций сохраняет необходимый объем властных полномочий в процессе осуществления партнерств. Но государство осуществляет свою деятельность в роли субъекта гражданского права, потому во всех отношениях оно должно соблюдать принципы равенства участников, прочности условий контрактов, ответственности по возложенным обязательствам. В таких формах партнерских отношений, как концессии и соглашения о разделе продукции, права государственного партнера, представляющего интересы всей общественности, не должны ограничиваться. В тех же партнерствах, где госсектор выступает субъектом гражданского права, должны

действовать заранее согласованные условия взаимоотношений между партнерами, а также должны быть прописаны способы разрешения конфликтных ситуаций.

Как носитель публичных функций госсектор в партнерских отношениях выполняет следующие функции: выявляет надобность заключения партнерских соглашений в конкретных областях деятельности; вырабатывает предложения и рекомендации по партнерствам; описывает значимые характеристики проектов, учитывая публичные интересы; организует процедуру отбора частных партнеров; готовит проектные документы, проводит переговоры и заключает договоры с представителями частного бизнеса; контролирует исполнение контрактов, проводит мониторинг и обеспечивает публичные интересы; проводит анализ исполнения предпринимателями условий договоров; вырабатывает рекомендации по продолжению партнерских отношений.

В целом, регулирование партнерских взаимоотношений со стороны госсектора необходимо осуществлять по трем направлениям.

Первое – государство должно разработать стратегию и принципы, на основании которых будут строиться отношения партнеров как между собой, так и каждого из них с обществом, что необходимо закрепить в официальных документах.

Второе – государственный сектор должен способствовать формированию эффективной институциональной среды, поскольку без нее достижение высоких показателей по проектам невозможно [1].

И, третье – государство занимается организацией и управлением ГЧП, разрабатывает его формы, методы, и конкретные механизмы.

Функции контроля и регулирования партнерских проектов со стороны государства могут осуществлять профильные министерства и ведомства или какие-нибудь специально уполномоченные органы. При этом специальные органы могут быть созданы для отдельных отраслей экономики, в которых преимущественно используются партнерские соглашения (как это происходит в Польше, где имеются соответствующие институты отдельно для автодорог, электроэнергетики, железных дорог и т.д.), а также можно создать единственный орган, объединяющий все или большинство отраслей (практика Сербии) [2].

Партнерство с организационной точки зрения может развиваться по двум путям:

– госсектор и представители частного

бизнеса могут присоединиться к действующему предприятию или совместно создать смешанную компанию. Основным принцип ГЧП – объединение инвестиций государственного и частного сектора. Очень часто участие госсектора распространяется до уровня получения блокирующего меньшинства, таким способом государство имеет достаточную степень влияния. Но не везде это возможно, поскольку, например, законы Франции предписывают, чтобы госсектор был собственником большей части активов;

– второй возможный вариант – партнеры подписывают соглашение – это может быть договор о сотрудничестве, контракт на управление компанией, договор о реализации, об уступке, лизинге, то есть одна из современных форм ГЧП.

Концепция ГЧП по своему экономическому содержанию представляет более глубокое развитие устоявшихся инструментов хозяйственного взаимодействия госсектора с частным по вопросам проектирования, планирования и финансирования партнерских проектов, и в том числе использования инфраструктурных объектов. Органы власти чаще всего оставляют за собой право распоряжения, а полномочия владения и пользования созданным имуществом, а также функции по административно-хозяйственному управлению им передают представителям частного бизнеса. Партнерство – это симбиоз, когда государство и частный сектор реализуют свои возможности и ресурсы, при этом каждый из контрагентов делает то, что получается у него делать лучше всего. В частности, ключевое направление деятельности госсектора – осуществление услуг в соответствии со стратегическими приоритетами. Для частного бизнеса важно оказывать услуги по наиболее приемлемым ценам.

Что касается роли частного партнера в совместных проектах, то его главный вклад – это прежде всего профессиональный опыт, эффективное управление, передовая техника и технология, гармоничная институциональная среда, гибкость и оперативность принятия решений, способность к инновациям и, безусловно, финансы. Вместе с тем происходит внедрение более эффективных методов работы, совершенствование технологий, формируются новые формы организации производственной деятельности, появляются новые предприятия, включая предприятия с участием иностранного капитала, отлаживаются кооперационные связи с поставщиками и подрядчиками, повышается их эффективность и т.д. Происходят изменения

и на рынке труда – растет спрос на высококвалифицированные кадры, повышается уровень оплаты труда и т.д.

Основной вклад государства – собственность, налоговые преференции, правовые гарантии представителям частного бизнеса, финансовые ресурсы.

Государство не может не оставить за собой контролируюшую и регулируюшую функции, чтобы соблюдались публичные интересы.

Госсектор должен обеспечить согласование общественных интересов, дать гарантии установки справедливых тарифов на долгосрочный период, обеспечить управление рисками, которые связаны с социально-экономическим развитием, а также установить стандарты на качество услуг и осуществлять контроль. Прибыли должны распределяться в соответствии с рисками, которые принимает на себя каждая сторона.

От участия в совместных проектах выигрывают оба партнера, получая при этом определенные преимущества.

Преимущества государства состоят в следующем:

- повышается бюджетная и социально-экономическая эффективность реализации партнерских проектов;

- привлекаются частные инвестиции для создания элементов инновационной инфраструктуры;

- снижаются социально-экономические риски в процессе осуществления крупных инвестиционных проектов;

- обеспечивается более быстрое инфраструктурное развитие и возможность предоставления услуг более высокого качества;

- привлекаются не только средств частного партнера, но и его опыт в области инвестиций и инноваций;

- снижаются расходы бюджета на реализацию проектов.

Преимущества частного бизнеса от участия в совместных проектах определяются следующими моментами:

- новые инвестиционные возможности и соответственно новые источники дохода;

- протекционизм со стороны государства и содействие в реализации инфраструктурных проектов с высокими ожидаемыми результатами и многочисленными рисками;

- гарантии государства по инвестиционным проектам и их софинансирование;

- возможности получения субсидий с

целью долгосрочного инвестирования;

- долевое участие и соответственно долевая ответственность за реализацию проекта ГЧП;
- возможности диалога с правительством.

Подводя итог всему вышесказанному, основной причиной участия государства в партнерских проектах является потребность общества в услугах, имеющих высокую социальную значимость, которые государство должно обеспечивать, но не имеет соответствующих организационных и финансовых возможностей. В рамках партнерств органы власти, во-первых, выступают как важнейшие пользователи услуг, которые оказываются в таких проектах, а во-вторых, в роли субъекта, определяющего рамки его реализации.

Государство помимо всего прочего имеет выгоды, связанные с увеличением доходов бюджета, а также имеет и косвенные эффекты, такие как оживление конъюнктуры и рост инвестиционной привлекательности региона. Оптимальное структурирование партнерских отношений в конкретных проектах предоставляет возможность получения выгоды, связанной со следующими факторами:

- скорейшее воплощение в жизнь наиболее значимых инфраструктурных проектов;
- ускоренное региональное развитие;
- рост народнохозяйственной

эффективности (которая зачастую не учитывается при проведении экономического анализа);

- повышение качества механизмов и моделей оказания услуг;
- снижение бремени, которое лежит на государстве;
- сокращение инвестиционных расходов (экономия может достигнуть 30%);
- оптимизированная структура финансирования за счет использования национальной и международной поддержки и более широкий доступ к новейшим финансовым источникам.

Изменения, происходящие в общественном секторе, безусловно, потребуют принятия адекватных решений, касающихся структуры и масштабов публично-правовых государственных функций. Необходимо проанализировать, насколько госсектор может «подвинуться» в пользу частного бизнеса и при этом не нанести ущерб исполнению своих суверенных прав. В сфере экономики ключевую роль должно играть дальнейшее развитие форм взаимодействия.

ГЧП способно снизить нагрузку на бюджеты различных уровней, при этом осуществлять реализацию значительного числа проектов, способствующих инновационному развитию территорий. В итоге качественно улучшится положение во многих отраслях народного хозяйства.

Литература

1. Андреева Е. С. Анализ институциональной среды реализации проектов государственно-частного партнерства / Е.С. Андреева, А. Н. Дырдонова, Н. Ю. Фомин // Научное обозрение. – 2015. – №18. – С. 253-256.
2. Андреева Е. С. Анализ распределения проектов государственно-частного партнерства по отраслям экономики / А. Н. Дырдонова, А. А. Стародубова, Р. И. Зинурова // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т.17. – №3. – С. 325–329.

Сведения об авторах

©**Андреева Елена Сергеевна** – старший преподаватель кафедры экономики и управления, Нижнекамский химико-технологический институт, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Нижнекамск, e-mail: esandreeva-nk@rambler.ru.

©**Дырдонова Алена Николаевна** – кандидат экономических наук, доцент, зав. каф. экономики и управления Нижнекамского химико-технологического института, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Нижнекамск, e-mail: danauka@lenta.ru.

©**Фомин Никита Юрьевич** – старший преподаватель кафедры экономики и управления Нижнекамского химико-технологического института, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Нижнекамск, e-mail: ya-juventino@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Andreeva Elena Sergeevna** – Senior lecturer of the Department of Economics and management, Chemical Technology Institute, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Nizhnekamsk, e-mail: esandreeva-nk@rambler.ru.

©**Dyrdonova Alena Nikolaevna** – Candidate of Economic Sciences, The Head for the Department of Economics and management, Chemical Technology Institute, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Nizhnekamsk, e-mail: danauka@lenta.ru.

©**Fomin Nikita Yourievitch** – Senior lecturer of the Department of Economics and management, Chemical Technology Institute, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Nizhnekamsk, e-mail: ya-juventino@yandex.ru.

А. В. Аксянова, Н. К. Филиппова

МНОГОМЕРНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКОВ

Ключевые слова: статистический анализ, анализ рисков, финансовая устойчивость.

Банки выступают основой финансовой системы устойчивого развития. Рассмотрены актуальные проблемы финансовой деятельности банков РФ. Проанализированы теоретические подходы к оценке эффективности и устойчивости банковской деятельности. Выполнен анализ взаимосвязи между показателями финансовой деятельности коммерческих банков. Используются статистические методы многомерной классификации, снижения размерности. Проведен сравнительный анализ эффективности и устойчивости отечественных коммерческих банков с использованием рейтинговой методики.

A. V. Axyanova, N. K. Filippova

MULTIVARIATE STATISTICAL ANALYSIS OF THE BANK'S EFFICIENCY

Keywords: statistical analysis, analysis of risks, financial stability.

Bancs are the basis of financial system of sustainable development. The issues of the day of financial activity of banks of Russian Federation are considered. The theoretical going is analysed near the estimation of efficiency and stability of bank activity. The analysis of intercommunication between the indexes of financial activity of commercial banks is executed. The statistical methods of multidimensional classification, declines of dimension, are used. The comparative analysis of efficiency and stability of domestic commercial banks is conducted with the use of rating method.

Введение

Для эффективной деятельности кредитной организации требуется проводить глубокий анализ всех видов рисков, способных в значительной мере оказать влияние на финансовые показатели. Результаты такого анализа определяют индивидуальный для каждого банка комплекс мер и задач по повышению эффективности и устойчивости финансовой деятельности.

Целью исследования является многомерный статистический анализ финансовой деятельности коммерческих банков РФ и построение банковского рейтинга.

Анализ теоретических подходов к оценке эффективности и устойчивости банковской деятельности

Основой принятия управленческих решений, выработки стратегии развития деятельности банка является анализ эффективности его состояния [1].

Банковская деятельность подвергается большому числу рисков разного характера, которые необходимо учитывать. В

современной экономике коммерческие банки совершают кредитные, расчетные, вкладные и прочие операции, вступают во взаимоотношения друг с другом и субъектами экономики.

Риск – неотъемлемая часть банковской деятельности. Характеристики, которые отличают банковские организации от остальных коммерческих предприятий, а также подтверждают рискованность их деятельности:

- банки управляют крупными активами, выпускают и торгуют финансовыми инструментами, которые обладают рыночной стоимостью. Падение рыночной стоимости может оказать значительное влияние на капитал и платежеспособность банка;

- банки привлекают заемные средства, что при наличии низкого соотношения собственного капитала к совокупным активам, при наступлении форс-мажорных ситуаций может привести к утрате доверия вкладчиков, кризису ликвидности, а что еще хуже - банкротству;

- банки реализуют доверительное управление активами, которые принадлежат третьим лицам;

- банки принимают участие в

транзакциях, которые инициируются в одной юрисдикции, регистрируются в другой и управляются в третьей. При этом транзакции могут быть инициированы и завершены клиентом без вмешательства банка;

- банки владеют исключительным доступом к клиринговым и расчетным системам для чеков и переводов средств, валютных операций и т.д., представляют неотъемлемую часть национальных и международных расчетных систем. Таким образом, они могут вызвать системный риск [2].

Понятие «эффективность» представляет собой многозначный термин показывающий отношение разных аспектов деятельности: результата и затрат, результата и целей, результата и потребностей, результата и ценностей. «Эффективность» как характеристика деятельности показывает отношение результата как одного из «элементов» деятельности ко всем остальным ее «элементам», при этом каждое из выделенных отношений выступает как частный критерий эффективности.

Как правило, выделяют параметрические (Stochastic Frontier Approach (SFA), Distribution-Free Approach (DFA), Thick Frontier Approach (TFA)) и непараметрические методы оценки эффективности финансовой деятельности банковских учреждений (Data Envelopment Analysis (DEA), Free Disposal Hull (FDH)). В отечественной литературе описание данных методов можно встретить в трудах таких ученых как Ф. Т. Алескерова и В. М. Солодкова [3].

Индекс эффективности» наблюдаемых банков определяется мерой расстояния точки, которая описывает производственный процесс отдельной кредитной организации от некоторого предела производственных возможностей. Кредитные организации, достигающие этого предела, являются эффективными, а неэффективность прочих банков увеличивается с ростом их расстояния от заданного производственного предела. Вместе с тем величина значения указанного индекса изменяется в пределах от 0 до 1 (например, банк с индексом 0,91 будет эффективнее, нежели банк с индексом 0,88). Высшим критерием эффективности финансовой деятельности банка является степень близости рассчитанного показателя к пределу производственных возможностей.

Таким пределом могут выступать финансовые результаты кредитной организации - лидирующей в своей отрасли. В данном случае показатели лидера берутся в качестве

условного предела, а расстояние, которое отделяет остальные фирмы от этого предела, отражает степень их эффективности либо неэффективности.

С помощью этого инструментария можно более или менее точно утверждать о скрытых резервах конкретного банковского учреждения или же, говоря другими словами, о том, каковы дополнительные возможности повышения эффективности финансовой деятельности банка в рамках конкретных, заданных условий его деятельности [4].

Основные признаки "финансовой устойчивости" коммерческого банка

Под финансовой устойчивостью банка подразумевается его способность противостоять деструктивным колебаниям, выполняя при этом операции по привлечению во вклады денежных средств физических и юридических лиц, открытию и ведению банковских счетов, а также размещению привлеченных средств от своего имени и за свой счет на условиях платности, срочности и возвратности [5].

Традиционно оценка финансовой устойчивости банка предполагает использование набора показателей, которые могут быть сгруппированы следующим образом:

- показатели достаточности капитала и ликвидности;
- показатели, характеризующие качество пассивов и активов;
- показатели прибыльности и эффективности.

На практике для оценки данных показателей применяется немалое количество коэффициентов. Поэтому возникает задача выбора из существующего множества именно тех коэффициентов, которые в наибольшей мере определяют финансовую устойчивость банка.

Обзор методик составления рейтингов банков для оценки их устойчивости и эффективности

В последние десятилетия наибольшее распространение в странах с развитыми кредитно-финансовыми отношениями получили следующие подходы к организации систем банковского мониторинга:

- система CAMELS;
- система PATROL;
- система ORAP.

Также можно отметить рейтинговые

системы, основанные на коэффициентном анализе и анализе однородных групп. Среди них:

- рейтинговые системы комплексной оценки банковского риска;
- статистические модели.

Самый известный в мире рейтинг для оценки на местах CAMELS. Он используется американскими организациями, осуществляющими надзор за банками, - FRS, OOC и FDIC. CAMELS формируется из шести интегральных компонентов: [6].

1. Capital Adequacy (достаточность капитала).
2. Asset Quality (качество активов).
3. Management factors (факторы управления).
4. Earnings (доходы).
5. Liquidity (ликвидность).
6. Sensitivity to market risk (чувствительность к рыночному риску).

Каждое из указанных направлений оценивается по пятибалльной системе на основе расчета и анализа группы показателей. Рейтинг банков в целом складывается исходя из оценок, полученных по направлениям анализа.

Банки, получившие рейтинг «1», оцениваются как высоконадежные и неуязвимые при неблагоприятных изменениях внешних условий.

Банки, получившие рейтинг «2», также характеризуются как надежные, стабильные и способные успешно преодолевать неблагоприятные изменения во внешней среде.

Банки, получившие рейтинг «3», рассматриваются как проблемные, уязвимые при неблагоприятных изменениях экономической ситуации.

Банки, получившие рейтинг «4», относятся к очень проблемным банкам, имеющим большую вероятность разорения, требующим составления конкретного плана преодоления выявленных недостатков и тщательного контроля за его выполнением со стороны надзорных органов.

Банки, получившие рейтинг «5», близки к разорению в ближайшее время.

Принципиально отличная классификация применяется во французской рейтинговой системе ORAP (Organization and Reinforcement of Preventive Action). В ней 14 показателей делятся на пять групп: [7].

- пруденциальные коэффициенты (капитал, ликвидность и т.д.);
- балансовая и внебалансовая деятельность (качество активов и плохие займы);

- рыночный риск;

- доходы;

- качественные критерии (держатели акций, управление и внутренний контроль).

Одной из самых развитых систем коэффициентного анализа является BAKred Information System (BAKIS), применяемая с 1997 г. Центральным банком Германии (Deutsche Bundesbank). BAKIS включает в себя 47 коэффициентов, 19 из которых относятся к кредитному риску (в том числе коэффициент платежеспособности), 16 - к рыночным рискам, 2 - к рискам ликвидности и 10 связаны с прибыльностью банковских операций. Всем этим показателям присвоены одинаковые весовые коэффициенты значимости [8].

Применяемая в США система анализа Bank Monitoring Screens (BMS), объединяет 39 финансовых показателей и 35 параметров, относящихся рынку капиталов.

Весьма интересен опыт Нидерландов, где определение надежности кредитных учреждений осуществляется через макроэкономические показатели, влияющие на развитие банковской отрасли в целом (рост ВВП и промышленного производства, уровень безработицы, курс евро, индикатор количества банкротств в течение последнего года и т.п.).

Система поддержки банковского анализа (SAABA) Французской банковской комиссии состоит из трех диагностических модулей. Первый из них - модуль количественного анализа на основе банковской отчетности и иных сведений, хранящихся в базах данных комиссии, - исследует кредитный портфель банка и вычисляет вероятность невозвращения различных типов кредитов. С его помощью оцениваются ожидаемые потери на протяжении ближайших трех лет. Если при таких потерях нормативы достаточности капитала продолжают соблюдаться, банк считается надежным. Второй модуль исследует качество владельцев акций банка (включая готовность этих юридических и физических лиц поддерживать кредитное учреждение). Третий модуль на основе рейтинговых данных, результатов исследований на местах и сведений по рынкам диагностирует качество управления банком, внутренний контроль и ликвидность. Используя информацию, полученную от всех трех модулей, система вырабатывает синтетический диагноз банка, в том числе дает оценку его надежности (по пятибалльной шкале).

Таким образом, основным содержанием нового этапа в развитии банковской сферы

должно стать повышение качества банковской деятельности, включающее расширение состава банковских продуктов и услуг и совершенствование способов их предоставления, обеспечение долгосрочной эффективности и устойчивости бизнеса кредитных организаций.

Проведенный сравнительный анализ зарубежных методик показал, что при всем своем многообразии использовать их затруднительно. Тем не менее следует отметить что идеи, на которых основаны наиболее известные зарубежные рейтинговые методики, могут быть адаптированы для анализа банковской деятельности в российских условиях.

Многомерный статистический анализ финансовой деятельности коммерческих банков

Финансовое состояние коммерческого банка характеризуется системой показателей, Анализ финансового состояния может дать информацию о работе банка, его способности своевременно выполнять свои обязательства, соответствии его действующему законодательству, то есть отвечает на вопрос об устойчивости и эффективности банка.

Для проведения многомерного статистического анализа в качестве эмпирической базы взяты данные по 40 крупнейшим банкам России (за исключением "Сбербанка") по состоянию за 2014 год [9]:

X_1 – отношение всего остатка вложений в ценные бумаги ко всему остатку чистых активов, %;

X_2 – отношение всего остатка кредитов всем клиентам без просрочки ко всему остатку чистых активов, %;

X_3 – отношение всего остатка средств на к/с в прочих банках (с ЦБ) ко всему остатку чистых активов, %;

X_4 – отношение всего остатка чистой прибыли ко всему остатку чистых активов, %;

X_5 – отношение всего остатка просроченных кредитов всем клиентам ко всему остатку чистых активов, %;

X_6 – отношение всего остатка собственных средств ко всему остатку чистой прибыли, %;

X_7 – отношение всего остатка собственных средств ко всему остатку чистых

активов, %;

X_8 – отношение всего остатка чистой прибыли ко всему остатку собственных средств, %;

X_9 – отношение всего остатка кредитов клиентам к всему остатку всех обязательств, %.

Как известно, проведение многомерных классификаций требует отсутствия коррелированности выбранных признаков. С этой целью на первом шаге исследования был проведен корреляционный анализ.

Анализ матрицы корреляционных связей показал, что имеется наличие явных признаков мультиколлинеарности между отдельными показателями (то есть $|r_{ij}| \geq 0.8$).

Наиболее тесно связаны между собой следующие показатели: отношение всего остатка кредитов клиентам ко всему остатку всех обязательств и отношение всего остатка кредитов всем клиентам без просрочки ко всему остатку чистых активов, коэффициент корреляции между которыми составили 0,97; отношение всего остатка чистой прибыли ко всему остатку чистых активов и отношение всего остатка кредитов всем клиентам без просрочки ко всему остатку чистых активов, коэффициент корреляции между которыми составил 0,43; отношение всего остатка кредитов клиентам ко всему остатку всех обязательств и отношение всего остатка чистой прибыли ко всему остатку чистых активов, коэффициент корреляции между которыми составил 0,47).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что полученная матрица исходных данных неортогональна.

Для повышения адекватности результатов, а также с целью снижения размерности исследуемой совокупности было принято решение о проведении классификации банков по главным компонентам.

Компонентный анализ проводился при помощи пакета прикладных программ «Statistica», где использовались процедуры [10]:

- КМО and Bartlett test of sphericity (Критерии КМО и сферичности Бартлетта) – два критерия: на многомерную нормальность (Бартлетта) и адекватность выборки (КМО определяет применимость факторного анализа к выбранным переменным). (По умолчанию эти тесты не проводятся, но они обеспечивают процедуру важной начальной статистической

информацией);

- вращение Варимакс - является ортогональным вращением факторных осей с целью максимизировать дисперсию квадратов нагрузок фактора (колонки) по всем переменным (рядам) в факторной матрице, которое обладает эффектом дифференциации оригинальных переменных по извлеченным факторам. Каждый фактор будет склонен обладать либо большими, либо небольшими нагрузками со стороны любой конкретной переменной. Решение Варимакс обеспечивает

результаты, которые позволяют настолько, насколько это возможно, связать каждую переменную с каким-то одним фактором.

В связи с тем, что вклад первых 4 главных компонент в суммарную дисперсию составляет 77,43 %, классификация банков была осуществлена по данным 4 главных компонент.

Для интерпретации отобранных главных компонент была проанализирована матрица факторных нагрузок, представленная в табл. 1.

Таблица 1 – Матрица повернутых компонент

	Компонента			
	1	2	3	4
x5	0,113	0,706	0,265	0,324
x4	0,662	-0,439	0,022	0,157
x8	0,100	0,026	-0,901	0,193
x3	-0,052	-0,73 9	0,129	0,265
x6	-0,040	0,063	0,100	-0,914
x2	0,921	0,196	-0,113	0,048
x9	0,947	0,185	0,030	0,017
x1	-0,833	0,046	-0,125	0,026
x7	0,516	0,150	0,607	0,278

Первая главная компонента (интерпретирована как эффективность чистых активов) наиболее тесно связано с показателями:

- отношение всего остатка вложений в ценные бумаги ко всему остатку чистых активов;

- отношение всего остатка кредитов всем клиентам без просрочки ко всему остатку чистых активов;

- отношение всего остатка чистой прибыли ко всему остатку чистых активов;

- отношение всего остатка кредитов клиентам ко всему остатку всех обязательств.

Вторая главная компонента (интерпретирована как характеристика пассивов банка) наиболее тесно связана с показателями:

- отношение всего остатка средств на к/с в прочих банках (с ЦБ) ко всему остатку чистых активов;

- отношение всего остатка просроченных кредитов всем клиентам ко всему остатку чистых активов.

Что, касается третьей главной компоненты (интерпретирована как эффективность использования собственных средств банка), то она наиболее тесно связана

со следующими показателями:

- отношение всего остатка собственных средств ко всему остатку чистых активов;

- отношение всего остатка чистой прибыли ко всему остатку собственных средств.

Последняя четвертая главная компонента наиболее тесно связана с показателем:

- отношение всего остатка собственных средств ко всему остатку чистой прибыли.

Для дальнейшего анализа устойчивости и эффективности коммерческой деятельности банков был применен кластерный анализ. С его помощью были упорядочены объекты (банки) в сравнительно однородные группы.

По полученным значениям четырех главных компонент был проведен иерархический кластерный анализ. Выявлено, что наиболее адекватные результаты были получены при использовании комбинации метрики «Евклидово расстояние» и принципа «метода Варда».

В первый кластер вошли крупные банки с государственным участием «Банк ВТБ24», «РОССЕЛЬХОЗБАНК», «ГАЗПРОМБАНК», «АК БАРС», «ТАТФОНДБАНК», «БАНК ЗЕНИТ» и наиболее крупные частные банки

«БИНБАНК», «СИТИБАНК», «АЛЬФА-БАНК», «РЕНЕССАНС КРЕДИТ», «УРАЛСИБ, ХАНТЫ-МАНСКИЙ БАНК ОТКРЫТИЕ», «СВЯЗЬ-БАНК», «ВОЗРОЖДЕНИЕ», «БАНК ФК ОТКРЫТИЕ», «РОСГОССТРАХ БАНК», «АБСОЛЮТ БАНК», ВНЕШПРОМБАНК», а также банки с участием иностранного капитала «РОСБАНК», «ЛОКО – БАН», «ЮНИКРЕДИТ БАНК».

Вышеперечисленные банки имеют наибольшие по сравнению с другими банками валюту баланса, активы, депозиты частных лиц, средства на счетах в других банках. Они наиболее активно кредитуют небанковский сектор. Их обязательства перед различными экономическими субъектами также огромны. Эти банки ведут активную деятельность с зарубежными клиентами и партнёрами.

Во второй кластер вошел один крупный банк с государственным участием («ЛЕТО БАНК») и два частных банка («ВОСТОЧНЫЙ» и «ЮГРА»), а также банки с участием иностранного капитала «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК», «ХОУМ КРЕДИТ БАНК», «РУСФИНАНС БАНК». Их отличает большой объём активов и депозитов частных лиц, а также кредитов физическим лицам.

В третий кластер вошли средние коммерческие банки «РУССКИЙ СТАНДАРТ»,

«МТС-БАНК», «ПЕТРОКОММЕРЦ», «МДМ-БАНК», «СВЯЗНОЙ БАНК» и банк с государственным участием «БАНК МОСКВЫ». Для них характерна работа преимущественно с физическими лицами и некрупными юридическими лицами.

В четвёртый кластер вошел банк, который является частным кредитным учреждением «ТРАСТ». Для него характерно работа с не очень большим объёмом активов и депозитов частных лиц, меньший объём кредитов, чем у банков предыдущего кластера. Он имеет мало средств для приобретения государственных и негосударственных ценных бумаг.

В пятый кластер вошел только один банк, как и в четвертом кластере, он тоже является частным кредитным учреждением «ПРОМСВЯЗЬБАНК». Для него характерен наименьший объем активов и обязательств чем у остальных банков, а также валютного баланса.

Анализ профилей каждого кластера (рис. 1) позволил выявить существенные различия в кластерных группах. Так, лидирующую позицию по первой компоненте (эффективность чистых активов) занимает «кластер 2»; наихудший результат - «кластер 3» и «кластер 4».

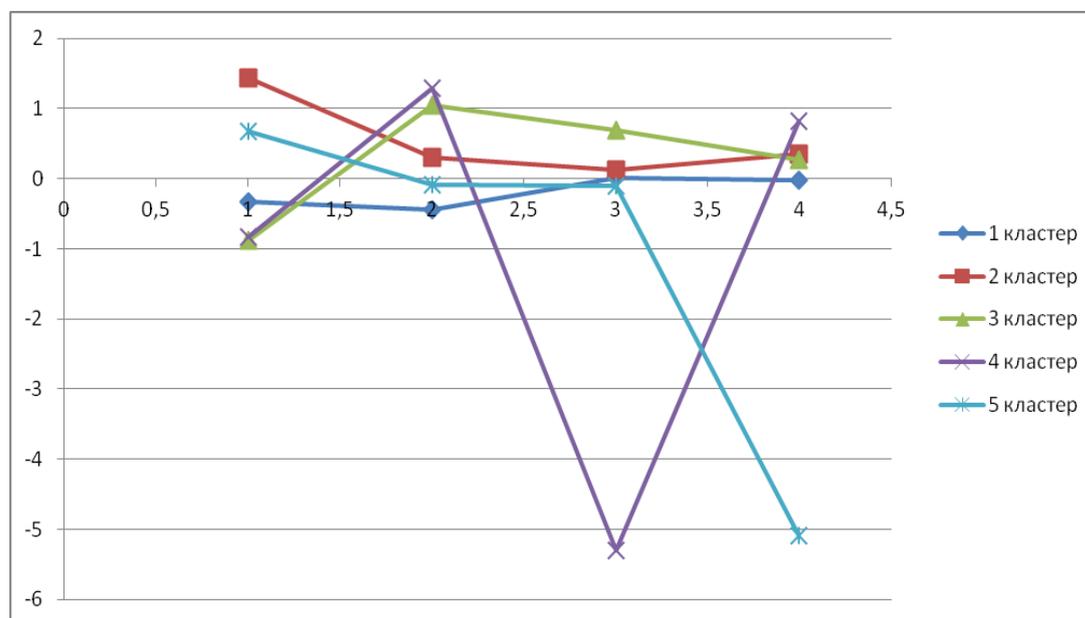

Рис. 1 – Профили кластеров

По второй компоненте (пассивная часть) лидирующую позицию занимает «кластер 3» и «кластер 4», наихудший результат у «кластера 1».

По использованию собственных средств (третья компонента) сильно отличается в сторону более низкого уровня «кластер 4». Также и «кластер 5» имеет существенные

различия по показателю отношения всего остатка собственных средств ко всему остатку чистой прибыли.

Построение рейтинга коммерческих банков по финансовой устойчивости

Рейтинг банков по финансовой

устойчивости построен согласно методике, CAMELS. Совокупность коммерческих банков делится на однородные группы при помощи кластерного анализа. Затем строится рейтинг финансовой устойчивости банков внутри однородной группы.

Банки, входящие в состав однородной группы, ранжируются по каждому показателю в отдельности. Баллы выставляются по принципу «от лучшего к худшему», то есть самому лучшему банку присваивается рейтинг

«1».

Для дальнейшего анализа выбраны три наиболее крупных кластера №1 (23), №2 (9), №3 (6). По ним построен рейтинг между более устойчивыми и менее устойчивыми банками (табл. 2).

Таким образом, выявлено, что наиболее финансово устойчивым среди исследуемых 40 банков является банк ПЕТРОКОММЕРЦ, а менее устойчивым - ЛОКО – БАНК.

Таблица 2 – Суммарные балльные оценки по 1,2 и 3 кластеру

Банки	Баллы	
БАНК ФК ОТКРЫТИЕ	71	Банки, вошедшие в 1 кластер
ЛОКО – БАНК	148	
КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК	41	Банки, вошедшие во 2 кластер
ХОУМ КРЕДИТ БАНК	51	
ПЕТРОКОММЕРЦ	18	Банки, вошедшие в 3 кластер
РУССКИЙ СТАНДАРТ	40	

В рыночных условиях финансовая устойчивость банка выступает залогом его выживания и основой стабильности.

Исходя из вышесказанного, были представлены следующие рекомендации для увеличения финансовой устойчивости банковской деятельности:

- необходима поддержка кредитной активности банков в приоритетных отраслях через рефинансирование;

- в условиях стагнации экономики одним из основных каналов формирования денежного предложения должны стать механизмы долгосрочного рефинансирования банковской системы;

- система долгосрочного рефинансирования должна быть нацелена в большей степени не на сглаживание непродолжительных циклических колебаний, а на структурные сдвиги в экономике через стимулирование отдельных направлений кредитования;

- рефинансирование может иметь проинфляционный эффект, и для его ограничения важно концентрировать долгосрочное рефинансирование кредитов на секторах, генерирующих немонетарную инфляцию, при этом реализующих проекты по снижению себестоимости и (или) росту производства;

- для снижения инфляционных рисков при долгосрочном рефинансировании важно также вводить дополнительные ограничения (ковенанты) для банков, участвующих в программе, на операции на рынках, отличных

от рынка корпоративного кредитования;

- долгосрочное рефинансирование инвестиционных кредитов способно стать важнейшим инструментом промышленной политики государства, с помощью которого можно стимулировать развитие отдельных отраслей, поддерживать инновационные разработки, формировать новую структуру отечественной экономики.

Для большинства банков необходимо развитие механизмов выпуска ценных бумаг (секьюритизация), которая поддержит рост долгосрочных кредитов физическим лицам. Стимулом для развития непотечной секьюритизации может стать закон №379-ФЗ, вступивший в силу с 1 июля 2014 года. Он регулирует сделки секьюритизации прав требования, проектного финансирования, выпуска облигаций, обеспеченных залогом прав требования, и закрепляет возможность создания двух новых видов специальных юридических лиц (SPV), которые ранее могли функционировать только в виде ипотечного агента.

Также расширение государственной поддержки кредитования субъектов малого и среднего бизнеса поможет создать предпосылки для снижения количества крупных кредитных рисков в банковской системе.

Банковский сектор является основополагающим, ключевым элементом экономического регулирования. Также за последние пять лет банковский сектор продемонстрировал достаточно высокие темпы

роста, которые помогли значительно расширить предложение и обеспеченность банковскими услугами внутри страны.

Для выявления однородных групп банков из первоначально отобранных наиболее крупных 40 коммерческих банков России был применен кластерный анализ.

Проведенный анализ показал, что финансово наиболее устойчивыми среди анализируемых 40 банков являются банки: ПРОМСВЯЗЬБАНК, ТРАСТ, СВЯЗНОЙ

БАНК, РУСФИНАНС БАНК, ОТЪ БАНК; самые слабые позиции имеют банки – СВЯЗЬ БАНК, БАНК ФК ОТКРЫТИЕ, АК БАРС, БАНК ЗЕНИТ, ХАНТЫ–МАНСКИЙ БАНК ОТКРЫТИЕ.

Внедрение результатов исследования в банковскую практику позволит снизить банковские риски и увеличить устойчивость и эффективность деятельности при работе с постоянными банками – контрагентами, а также при выборе новых контрагентов.

Литература

1. Батракова Л. Г. Экономический анализ деятельности коммерческого банка. – М.: Логос, 2002. – 344 с.
2. Мисюлин Д. Дистанционный анализ финансового состояния коммерческого банка / Д. Мисюлин, А. Смирнов, А. Крутов // Финансист. – 1997. – №5/6. – С. 24-28.
3. Масленченков Ю. С. Мониторинг финансовой деятельности банка на основе моделирования его баланса и идентификации традиционных банковских рисков // Банковское дело. – 1997. – № 8.
4. Макарова Г. Л. Система банковского маркетинга. – М.: Финстатинформ, 1997. – 110 с.
5. Лаптырев Д. А. Планирование финансовой деятельности банка: необходимость, возможность, эффективность. – М.: АСА, 1995. – 194 с.
6. Ковалев В. В. Финансовый анализ: Управление капиталом. Выбор инвестиций. Анализ отчетности. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 512 с.
7. Иванов В. В. Анализ надежности банка. Практическое пособие. – М.: Русская Деловая Литература, 1996. – 50 с.
8. Буздалин А. В. Проблема ранней диагностики финансового состояния коммерческих банков / Буздалин, А.В. // Банковское дело – 1997 – № 11. – С. 24-28.
9. <http://www.cbr.ru> (дата обращения 17.10.2015).
10. Буреева Н. Н. Многомерный статистический анализ с использованием ППП “STATISTICA”. – Нижний Новгород: ННГУ, 2007. – 112 с.

Сведения об авторах:

©**Аксянова Анна Владимировна** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бизнес-статистики и математических методов в экономике, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: axyanova@rambler.ru.

©**Филиппова Надежда Константиновна** – кандидат технических наук, доцент кафедры бизнес-статистики и математических методов в экономике, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: filippova61@bk.ru.

Information about the authors:

©**Axyanova Anna Vladimirovna** – Doctor of Economic Sciences, Professor, The Head for the Department Business Statistics and Mathematical Methods in Economics, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: axyanova@rambler.ru.

©**Filippova Nadezhda Konstantinovna** – Candidate of Technology Sciences, Associate Professor of the Department Business Statistics and Mathematical Methods in Economics, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: filippova61@bk.ru.

УДК 338.2

С. С. Берман

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ КАЧЕСТВОМ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Ключевые слова: система управления качеством, промышленное предприятие, технологический процесс, оценка качества.

В работе обоснована необходимость применения системного подхода к управлению качеством продукции. На примере промышленного предприятия проводится анализ создания и функционирования системы менеджмента качества. Предложены рекомендации по совершенствованию существующей системы менеджмента качества.

S. S. Berman

FORMATION OF SYSTEM APPROACH TO QUALITY MANAGEMENT AT THE INDUSTRIAL ENTERPRISE

Keywords: control system of quality, industrial enterprise, technological process, quality assessment.

In article need of application of system approach to product quality control is proved. On an example. the industrial enterprise the analysis of creation and functioning of quality management system is carried out. Recommendations about improvement of the existing quality management system of the enterprise are offered.

Проблема качества является одним из главных критериев роста уровня жизни, экономической, технологической, социальной и экологической безопасности. Качество - понятие комплексное, характеризующее эффективность всех сторон деятельности предприятия: от разработки стратегии, организации производства и маркетинга до послепродажного обслуживания и работы сервисной службы. [1]. В современных условиях в управлении качеством ключевое значение имеет сертифицированная система менеджмента качества, являющаяся одной из элементов гарантии высокой стабильности и долгосрочной устойчивости качества продукции, а кроме того, позволяющая фирме сохранить конкурентные преимущества на рынке.

Обращаясь к истории становления системного подхода к управлению качеством, необходимо отметить, что такая необходимость фактически была осознана к середине 1960-х гг., когда практический опыт предприятий по управлению качеством показал, что сам по себе контроль качества даже при его огромном усилении, расширении масштабов, увеличении числа объектов и участников не может существенным образом изменить состояние работ в лучшую сторону.

Именно в середине нашего столетия начинает реализовываться весьма значимая тенденция, связанная со становлением и все

более широким использованием системного подхода к управлению качеством в рамках управленческой деятельности на промышленном предприятии. Первой попыткой использования такого подхода к управлению качеством в нашей стране считают разработку и внедрение в 1955 году на предприятиях Саратовской области, и прежде всего на Саратовском авиационном заводе, системы бездефектного проектирования – системы БИП. В последующем на ее основе на предприятиях Львовской области была разработана система бездефектного труда (СБТ). Вслед за ними появилась горьковская система КАНАРСПИ (качество, надежность, ресурс с первых изделий), получившая дальнейшее развитие на Ярославском моторном заводе. В 1963 году была разработана и внедрена система НОРМ (научная организация работ по увеличению моторесурса). А начиная с 1972 года, на предприятиях СССР начинают внедряться комплексные системы управления качеством – КСУКП. Тенденция заключается в том, что работы по качеству в своей совокупности неуклонно, объективно, естественным образом стали преобразовываться, и на настоящий момент уже преобразовались, в уникальную функцию организации и управления производством [2].

В настоящее время системный подход к управлению качеством на промышленном

предприятия предусматривает функционирование системы качества, направленное на реализацию политики в области качества посредством осуществления основных управленческих функций на различных стадиях жизненного цикла объекта управления в этой системе. Важнейшей составляющей данного подхода является устойчивость функционирования системы управления качеством. Из-за изменения параметров системы, вследствие наличия не предусмотренных при создании системы воздействий внешней среды либо из-за нарушения связей в системе может произойти потеря устойчивости. [3].

Содержание системного подхода именно к управлению качеством заключается в том, что в рамках системы менеджмента

предприятия необходимым является формирование и последующая реализация целевой подсистемы качества, которая является самостоятельной системой со всеми присущими ей признаками. Необходимость достижения конкурентоспособности определяет в условиях рынка направленность всей управленческой деятельности на исследование потребностей, удовлетворение спроса на продукцию и запросов заказчиков и потребителей [4].

Как и другие системы управления, система управления качеством имеет субъекты и объекты. В теории системного подхода к управлению качеством трактовка этих понятий имеет немаловажный смысл. Общая модель системы управления качеством в таком случае может быть представлена на рис.1 [4].

Рис.1 – Общая модель системы управления качеством на предприятии [4]

Приведенная модель отражает основные составляющие системы управления качеством. Субъектом управления выступают руководители различных уровней, осуществляющие управление качеством на соответствующем уровне. Объектами управления являются процессы, которые преобразуют исходные ресурсы в конечные результаты деятельности (производственный процесс, технологические процессы и т.д.); выпускаемые товары как конечный результат деятельности организации; сотрудники в лице как отдельных исполнителей, так и отдельных структурных отделов, осуществляющих определенные функции в системе управления качеством. Из этого следует, что управляющая и управляемая подсистемы представляют собой составные части системы, взаимодействующие друг с другом и взаимовлияющие друг на друга, что обеспечивает единство в рамках системы управления качеством [5].

На данное время международные стандарты ИСО серии 9000 как системы управления качеством приняты в качестве национальных стандартов без существенных

изменений более чем в 80 странах мира. Цель таких решений – это выпуск продукции высокого и более стабильного качества, что способствовало росту объемов продаж компаний, внедривших указанные системы управления качеством на внутреннем и внешнем рынках. Стандарты ИСО 9000 фактически стали нормативной базой для сертификации продукции и систем качества предприятий.

Примечательно, что в российской экономике, как и в мировой, почти одинаковый перечень отраслей с наибольшим числом сертифицированных предприятий, за единственным исключением: вместо инженерных услуг в мировом хозяйстве присутствует сектор производства бытовых изделий и предметов личного пользования. По данным Международной организации стандартизации, в 2012 году в группу отраслей российской экономики, демонстрирующих наименьшую заинтересованность в сертификате ИСО 9001, вошли: газоснабжение (18 сертификатов); водоснабжение, гостиницы и рестораны (по 15 сертификатов в каждом

секторе); производство кожи и изделий из кожи (11), сельское хозяйство, рыболовство и лесное

хозяйство (9), издательская деятельность (4) [6,7].

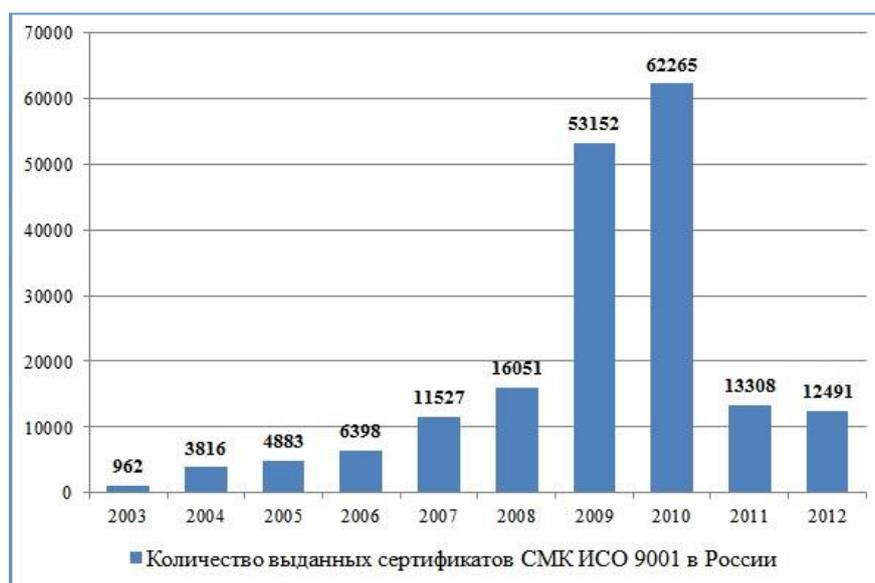

Рис. 2 – Количество выданных сертификатов СМК ИСО 9001 в России [6,7]

Концентрация сертификатов в отраслях российской промышленности существенно различается. Например, в 2013 г. в нефтегазовом комплексе свыше 70% предприятий внедрили и сертифицировали СМК на соответствие основному документу серии – стандарту ИСО 9001, в обрабатывающей промышленности таких предприятий было 47%, в электроэнергетике – 38%, в строительстве – 14%, в добывающей промышленности – только 4%.

Использование базы данных совместного исследования Европейского банка реконструкции и развития и Всемирного банка [8] за 2002, 2005, 2009, 2012 гг. также показывает неравномерность распределения предприятий – обладателей сертификата ИСО

9001 по отраслям национального хозяйства России (см. таб.1). Данные о доли сертифицированных предприятий в отраслях экономики России позволяют объективно судить о степени заинтересованности российских предприятий из различных сегментов рынка в последующей сертификации СМК ИСО 9000. В рейтинге отраслей за все годы лидирует обрабатывающая промышленность, за ней с двукратным отрывом – оптовая и розничная торговля, ремонт, затем – с тем же двукратным отрывом – строительная отрасль. Наименьшее число сертификатов ИСО 9001 имели предприятия добывающей промышленности, предприятия транспорта и связи, а также отели и рестораны.

Таблица 1 – Распределение российских предприятий с сертификатом ИСО 9001 по отраслям экономики, % (Составлено автором на основе данных проекта ВЕЕПС)

Отрасль	2002	2005	2009	2012
Добывающая промышленность	2	1	9	4
Строительство	18	15	5	14
Обрабатывающая промышленность	45	25	76	47
Транспорт и связь	7	7	2	6
Оптовая и розничная торговля, ремонт	20	29	6	25
Недвижимость, аренда	1	10	0	0
Отели и рестораны	3	6	0,4	2

Вышеописанные теоретические подходы к разработке комплексных систем менеджмента качества можно проиллюстрировать на практическом опыте

создания такой системы на промышленном предприятии в Татарстане. Всю деятельность по формированию системы менеджмента качества, проводимую на ООО «Поволжский

фанерно-мебельный комбинат» (ПФМК), можно поделить на следующие этапы:

В 2012-2014 гг. координационно-рабочей группой, сформированной из состава работников предприятия, было разработано руководство по качеству, которое помогает решить следующие задачи:

- оценка степени соответствия качества изготавливаемых товаров требованиям нормативно-технической документации;
- определение эффективности существующей организационной системы управления качеством;
- оценка степени влияния качества изготавливаемой продукции на ее себестоимость и другие технико-экономические параметры;
- определение уровня обеспеченности комбината качественными материалами, сырьем, оборудованием;
- оценка эффективности существующей системы технического контроля;
- определение уровня стабильности характеристик технологических процессов и степени их соответствия требованиям технических нормативов;
- анализ и выявление издержек на устранение дефектов и потерь от брака;
- выбор вариантов решения отдельных проблем обеспечения и повышения качества изделий для наиболее рационального использования материальных, трудовых, экономических ресурсов.

Как правило, при дальнейшей разработке системы менеджмента качества продукции оговариваются задачи по каждому аспекту управления. Далее на основе установленных таким образом задач, которые решаются в рамках управления качеством основными подразделениями комбината с дополнительным включением в некоторых случаях других отделов, определяется состав организационно-технических мероприятий, которые обеспечивают их грамотное решение.

Окончательным этапом разработки системы менеджмента качества на ПФМК является совокупность материалов, регламентирующих порядок и правила деятельности по управлению качеством, куда входят: пересмотренные положения о функциональных отделах, должностные инструкции; утвержденные планы мероприятий по внедрению системы управления качеством; разработанная организационная структура системы; порядок решения задач по всем управляющим и обеспечивающим функциям структуры; разработанная система информационного обеспечения и документооборота.

Ниже указан процесс распределения издержек в 2011-2013 гг., которые возникали в процессе реализации подхода управления качеством на ООО «Поволжский фанерно-мебельный комбинат» (табл. 2).

Таблица 2 – Структура затрат на обеспечение качества производства продукции на ПФМК в 2011-2013 гг. (Составлено автором на основе данных Поволжского фанерно-мебельного комбината)

Показатель	2011 год	2012 год	2013 год
Общий объем произведенной продукции, тыс. руб.	3381,27	3153,50	3333,40
Общий объем произведенной продукции с несоответствиями, тыс. руб.	717	816	3177
Общий объем рекламаций и возвратов	806	895	2284
Объем общих затрат на обеспечение достигнутого уровня качества, тыс. руб.	274,54	181,48	268,84
Внутренние затраты на производство с выявленными несоответствиями, тыс. руб.	714,1	560,6	981,4
Внешние затраты на производство с выявленными несоответствиями, тыс. руб.	160,64	96,59	123,17
Затраты на контроль, тыс. руб.	256,1	110,0	252,3
Затраты на предотвращение, тыс. руб.	168,7	178,3	223,1

Как следует из данных, затраты на производство с отклонениями (внутренние и внешние) могут достигать почти 80%. При этом в эту совокупность затрат входит стоимость несоответствующих произведенных товаров, а также лишнее производственное время,

перераспределение обязанностей, просмотр жалоб, возмещение ущерба по рекламациям и т.д. Однако руководство комбината, несмотря на большие объемы производства продукции с дефектами, не выделяет финансовых средств на вышеуказанные дополнительные затраты и не

берет их в учет, что в итоге приводит к необоснованному удорожанию производства, которое впоследствии выпадает из-под контроля и становится рабочей нормой.

Фанерно-мебельный комбинат не проводит систематизированные работы по увеличению и стабилизации качества, предпринимаемые предупреждающие действия, включая деятельность для обеспечения стабильности технологических параметров, носят скорее относительный характер. Искажение характера и распределения средств на обеспечение качества во многом зависит от того, что информация о производимой продукции с несоответствующим качеством в большинстве случаев не анализируется. В некоторых случаях некачественные услуги, выявленные до завершения технологического процесса, не описываются и не вносятся в

итоговые отчеты предприятия. Производимый анализ недоработок, несоответствий и причин их возникновения в целом сводится к материальному наказанию виновных. Этот факт не только не мотивирует предупреждения возникновения несоответствий, но и заставляет сотрудников скрывать сам факт производства продукции плохого качества. Подтверждением этому выводу служат выявленные на производстве факты того, что в процессе производства, осуществления заказов и реализации изделий были случаи, когда ранее известные неявные отклонения не устранялись, а специально утаивались во избежание получения штрафов и снижения премий.

Ниже приведена таблица распределения затрат по причине возникновения несоответствий (табл. 3)

Таблица 3 – Распределение затрат на ПФМК по причинам возникновения несоответствий, %
(Составлено автором на основе информации отдела качества Поволжского фанерно-мебельного комбината)

Причины возникновения несоответствий	Доля в общем объеме затрат на продукцию с несоответствиями
Слабый уровень производства продукции	37%
Небрежность, недобросовестность или недостаток знаний рабочего персонала	23%
Недостаточное техническое оснащение помещений, оборудования	12%
Недоброкачественные или неконтролируемые сырье, материалы и пр.	10%
Прочее	6%

Большую часть затрат (до 37%) занимает слабый уровень производства продукции. До 23% занимает причина возникновения несоответствий под группой «недостаток знаний у сотрудников». Персонал сервисного центра ПФМК, вследствие низкой квалификации, в большинстве случаев не разбирается в назначении и технологических свойствах сырья и материалов, поэтому не может «распознать» причины появления отклонений. Недовольство работников предприятия, их низкая квалификация и отсутствие интереса и мотивированности к осуществляемым операциям и работе в целом неизбежно приводит к невнимательности действий.

Источниками информационного обеспечения при анализе функционирования системы управления качеством на предприятии являются результаты опроса персонала ПФМК; оперативная, плановая, учетная и отчетная статистическая документации; используемые нормативно-технические, методические

материалы и т.д. Исходя из проблем и задач системы управления качеством продукции, полученные в результате анализа данные систематизируются и фиксируются в отчете о проделанной работе. Такая структуризация проводится по разным объектам, видам изготавливаемой продукции, организационно-техническому и нормативному обеспечению. Так, в итоговом отчете, сформированном по результатам анализа системы менеджмента качества, фигурируют предложения, сгруппированные по следующим направлениям: внедрение и совершенствование системы бездефектной работы и системы материальной мотивации повышения качества продукции; усовершенствование технологии производства и оборудования; повышение уровня управления качеством продукции; повышение квалификации инженеров; развитие системы технического контроля, его материально-технического обеспечения; повышение уровня материально-технического обеспечения качества производства продукции;

повышение уровня нормативно-технического и методического обеспечения всех отделов фанерно-мебельного комбината.

Анализ и обобщение опыта работы ООО «Поволжский фанерно-мебельный комбинат» в рамках разработки и внедрения системы управления качеством позволило выявить ряд отрицательных факторов в деятельности комбината. Среди основных недостатков можно выделить:

- проведение несвязанных между собой мероприятий по улучшению качества;
- отсутствие достоверной информации о качестве изделий в потреблении;
- отсутствие понимания руководством предприятия необходимости жесткого контроля технологического процесса выпуска продукции;
- несовершенство механизмов учета издержек и потерь, которые вызваны плохим качеством выпускаемой продукции;
- отсутствие систематической аналитической работы по выявлению причин дефектов, поиску резервов улучшения качества, изучению изменений показателей качества труда и выпуска изделий.

Направления развития существующей системы управления качеством должны обеспечивать её существование и функционирование на основе проверенной программы управления качеством, связанной с производством конкурентоспособной продукции, которая удовлетворяет требованиям настоящих и будущих потребителей ПФМК. Исходя из этого нужно руководствоваться следующими принципиально значимыми аспектами при реализации системного подхода к менеджменту качества:

1. Обеспечение качества функционирования всех бизнес-процессов предприятия. В течение длительного времени на ПФМК не существовала практика измерения показателей качества, аналитической и управленческой работы по созданию и поддержанию системы качества производства продукции. Поэтому усилия, затрачиваемые предприятием на обеспечение качества выпускаемой продукции, должны быть распределены таким образом, чтобы система менеджмента качества регулировала текущие бизнес-процессы с учетом критериев их эффективности.

2. Создание коллегиального органа для улучшения деятельности предприятия в области менеджмента качества. Руководящий совет или комиссия представляют собой группу из высших руководителей или их представителей, а также служащих и рабочих.

Совет изучает процесс совершенствования деятельности и приспосабливает его к условиям организации. Руководящий совет по улучшению работы играет роль разработчика процесса улучшения деятельности, подготавливает ПФМК к его внедрению и направляет реализацию этого процесса.

3. Разработка системы вовлечения всех работников предприятия в деятельность по улучшению качества (по примеру японской модели -Тойота).

4. Создание группы по совершенствованию технологического и производственного процесса на предприятии. Необходимо усовершенствовать существующую на ПФМК схему последовательности операций, а затем организовать измерения, проверки, обеспечить каналы обратной связи. При осуществлении каждого процесса, даже если он охватывает многие участки, должно быть одно лицо, ответственное за успешное функционирование данного процесса.

5. Вовлечение поставщиков в бизнес-процессы ПФМК с предъявлением к ним требований относительно качества товаров и услуг. Организация и управление совместными цепями поставок.

6. На Поволжском фанерно-мебельном предприятии необходимо разработать долгосрочную стратегию повышения качества, при этом одним из главных условий успешной реализации стратегии будет принятие руководством предприятия данного подхода в той мере, которая необходима для построения пошаговых краткосрочных планов, удовлетворяющих целям долгосрочной стратегии. Краткосрочные планы должны быть прописаны и учтены в годовом плане осуществления единой стратегии, а также закреплены в бюджете предприятия. Точно так же строго в течение года, как сроки выполнения отдельных работ, затрат производства и объемов реализации, должно проверяться выполнение требований краткосрочных планов каждой группой сотрудников.

7. Создание системы стимулирования и признания заслуг. Процесс совершенствования организации проводимых ежедневных работ – это изменение общепринятого подхода к ошибкам. Следует отметить, что руководящие лица ПФМК выделяют два вида проведения необходимых перемен. Во-первых, метод отрицательных санкций: можно наказывать каждого, кто допускает неисправности при выполнении своих обязанностей; во-вторых, положительные меры: отдавать должное

отдельным сотрудникам и группам, которые выполняют грамотно поставленную задачу или вносят положительный вклад в процесс улучшения производства и деятельности предприятия в целом.

Таким образом, необходимо отметить, что современные экономические условия обострили кризис управления производством, а формирование новой конкурентной среды заставило руководителей промышленных предприятий обратить внимание на качество и эффективность производимых товаров и услуг. Российские предприятия отстают от своих зарубежных аналогов в применении современных методов управления качеством. В

настоящее время перед отечественными производителями встала проблема выпуска продукции, не уступающей зарубежным аналогам по качеству и имеющей более низкую цену. Для решения проблемы повышения качества продукции многие предприятия приняли решение о внедрении системы менеджмента качества, основанной на системном подходе. Однако на практике внедрение СМК часто не приносит желаемых результатов, поскольку все внимание сконцентрировалось на повышении качества продукции без учета организационных, экономических и управленческих аспектов менеджмента качества.

Литература

1. Когут Б. М. Решение проблемы качества продукции. – СПб: Гаро. – 2010. – 251 с.
2. Гайдаров Г. М. Контроль качества продукции. Проблемы современных предприятий // Библиотека. – 2009. – № 3. – С.51-56.
3. Вишняков А. И. Современные стандарты качества продукции. – М. ЮНИТИ, ДАНА. – 2009. – 283 с.
4. Покровская Л. Н. Управление качеством с позиции системного подхода. – М.: Экономика – 2009. – 178 с.
5. Индейкин Е. Н. Социально-политические проблемы оказания качественных услуг // Экономика Российской Федерации – 2010. – №7. – С.14-17.
6. The ISO Survey of Certification for 2011. – Geneva, Switzerland: International Organization for Standardization, 2012.
7. The ISO Survey of Certification for 2011. – Geneva, Switzerland: International Organization for Standardization, 2012.
8. EBRD-World Bank Business Environment and Enterprise Performance Survey (BEEPS). – URL: <http://ebrd-beeps.com/> (дата обращения 10.09.2015).

Сведения об авторе:

©**Берман Светлана Сергеевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: sv180@mail.ru.

Information about the author:

©**Berman Svetlana Sergeevna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Innovative Entrepreneurship and Financial Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: sv180@mail.ru.

УДК 338

Ф. Т. Нежметдинова

РОЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (ОБЗОР МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ)

Ключевые слова: устойчивое развитие общества, ведущие страны мира, тенденции развития науки и технологий, глобальные риски, междисциплинарные исследования, форсайт, социально-экономические и гуманитарные науки, биоэтика.

На основе анализа основных зарубежных документов по результатам форсайта и имеющейся современной практики научных исследований ведущих стран мира показывается возрастание роли междисциплинарных исследований гуманитарной направленности. Обосновывается положение о том, что высокие темпы и интенсивность развития науки и технологий порождают условия неопределенности, приводят к возрастанию рисков для жизни и благополучия человека, устойчивого развития общества и природы.

F. T. Nezhmetdinova

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY AND THE ROLE OF SOCIAL ECONOMICS AND HUMANITARIAN INTERDISCIPLINARY STUDIES (REVIEW OF WORLD TRENDS IN SCIENCES AND TECHNOLOGIES)

Keywords: sustainability development of society, the world's leading countries, development trends of science and technology, global risks, interdisciplinary research, foresight, socio-economic Sciences and Humanities, bioethics.

The increasing role of interdisciplinary humanitarian studies is presented on the base of foresight results as well as on the base of contemporary foreign practice of research projects. The author argues that high intensity of science and technologies developing stipulates conditions of uncertainty and risks for people's life and well being as well as the sustainable development of a society as a whole.

Введение

В ближайшее десятилетие развитые страны перейдут к формированию новой технологической базы экономических систем, основанной на использовании новейших достижений в области биотехнологий, информатики и нанотехнологий, в том числе в сельском хозяйстве, медицине, ветеринарии, экологии и других сферах. Это даст человечеству возможности для решения четырех главных проблем устойчивого развития, с которыми в настоящее время оно сталкивается, - продовольственного обеспечения, качества здравоохранения, деградации окружающей среды и проблемы,

связанные с истощением, исчерпанием энергетических, сырьевых и иных ресурсов [1]. Вместе с тем в подавляющем числе исследовательских и прогнозных (форсайтах) аналитических документов, в которых принимают участие одновременно до 900 и более экспертов, высказываются серьезные опасения, связанные как с новыми технологиями, так и возможностью управления имеющимися или предполагаемыми рисками.

В данной статье использованы публикации и аналитические документы международных организаций, государственных учреждений, институтов, исследовательских центров, ассоциаций и фондов, в том числе таких, как: Всемирный экономический форум

(ВЭФ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Исследовательская организация McKinsey Global Institute, Национальный совет по разведке (НСР) США, Американская академия искусств и наук (США), Исследовательская компания Fast Future (Великобритания), ученых и исследователей.

Основная часть

Основные мировые тенденции и факторы, определяющие перспективы в развитии сферы междисциплинарных исследований социально-экономической и гуманитарной направленности, напрямую связаны с основными целями и потребностями современного общества на мировом уровне. Они были сформулированы еще в **Программе ООН «Цели развития тысячелетия»** (2000 г.) [2]. К ним относятся: ликвидация бедности и голода; всеобщее образование; равенство полов; здоровье детей и матерей; борьба с ВИЧ /СПИД; устойчивость окружающей среды; глобальное партнерство.

Эти потребности были подтверждены и расширены в результате опроса FTA (future-oriented technology analysis – анализ технологий, ориентированных на будущее) [3]. Консультанты – ведущие эксперты, участники международной научной тематической конференции в Севилье 2008г. (Испания) - отметили следующие тенденции: рост численности населения (влекущий за собой урбанизацию) и его старение; обеспеченность запасами воды и продовольствия; энергетическая безопасность; экономическая стабильность; здоровье населения и борьба с заболеваниями; устойчивость окружающей среды и изменение климата; терроризм и вооруженные конфликты.

В начале августа 2015 года 193 государства — члена Организации Объединенных Наций достигли консенсуса по итоговому документу новой повестки дня «Преобразуя наш мир: Повестка дня устойчивого развития 2030». 25 сентября 2015 года документ был одобрен на саммите по устойчивому развитию ООН в Нью-Йорке. Главы государств и правительств приняли новую глобальную повестку дня на ближайшие 15 лет, взяв на себя обязательства по достижению Целей устойчивого развития (ЦУР). Это согласованное международное видение приоритетных ориентиров в экономической, социальной и экологической областях. Более лаконично этот документ называют «Повестка дня 2030». Главными

отличительными особенностями Целей устойчивого развития (ЦУР) в сравнении с Целями развития тысячелетия (ЦРТ) можно выделить следующие.

Во-первых, они имеют более комплексный, системный и всеобъемлющий характер. Это выражается прежде всего в увеличении количества целей с 7 до 17, а количество сопутствующих или обеспечивающих задач доведено до 169. Безусловно, цифры дают какое-то представление о степени сложности этого проекта, хотя это далеко не главное. Новые цели имеют более широкую сферу охвата, так как в их рамках предусмотрено рассмотрение взаимосвязанных элементов устойчивого развития: экономического роста, социальной интеграции и защиты окружающей среды.

Во-вторых, ЦРТ были ориентированы на развивающиеся страны, в частности на беднейшие, в то время как цели устойчивого развития будут распространяться на весь мир, как на богатые страны, так и на бедные. Они становятся универсальными и по-настоящему глобальными, задающими общие для всех стран ориентиры прогресса и роста.

В ближайшее десятилетие, как отмечают ученые, развитые страны перейдут к формированию новой технологической базы экономических систем, основанной на использовании новейших достижений в области биотехнологий, информатики и нанотехнологий, в том числе в сельском хозяйстве, медицине, ветеринарии, экологии и других сферах. Это даст человечеству возможности для решения четырех главных проблем, с которыми в настоящее время оно сталкивается:

- продовольственного обеспечения;
- качества здравоохранения;
- деградации окружающей среды;
- проблемы, связанные с истощением, истощением энергетических, сырьевых и иных ресурсов [1, 4].

В аналитическом докладе ОЭСР «Видение 2060 года: Долгосрочные перспективы мирового роста», опубликованном в 2012 году, прогнозируется развитие мировой экономики до 2060 года. Согласно этому прогнозу, в течение следующих 50 лет баланс экономической мощи будет резко смещаться от Соединенных Штатов, Европейского Союза и Японии к странам Азиатско-Тихоокеанского региона с развивающейся экономикой. Смещение баланса мирового производства приведет к соответствующим улучшениям в уровне жизни населения развивающихся стран.

В 2014 году на смену Седьмой

рамочной программе ЕС пришла новая программа по научным исследованиям и инновациям «Горизонт 2020». Программа состоит из трех основных приоритетов: передовая наука, индустриальное лидерство, социальные вызовы [5].

Не менее важным представляется для темы данного исследования доклад McKinsey Global Institute «Прорывные технологии: достижения, которые изменят жизнь, бизнес и мировую экономику» (2013 г.) [6]. Примечательно, что большая часть из них связана с новыми технологиями и технологическими разработками в индустрии здравоохранения, медицины и сельского хозяйства, на развитие которых оказывает воздействие использование информационных технологий и роботов.

В конце 2012 года Национальный совет по разведке (НСР) США опубликовал доклад «Глобальные тенденции-2030: альтернативные миры», в котором представлены выводы футурологического исследовательского проекта.

Он является пятой масштабной генерацией прогностических усилий НСР. Ключевыми мегатрендами, определяющими облик будущего мира, по мнению экспертов НСР, являются развитие человеческой личности, диффузия силы, демографические изменения, недостаток пищи, воды и энергии.

Эксперты также выделили перечень потенциальных угроз «Черные лебеди» (Black Swans), которые могут оказать наиболее дестабилизирующее воздействие на мир, по мнению аналитиков НСР: *масштабные пандемии, быстрые климатические изменения, коллапс евро и Евросоюза, демократизованный или коллапсирующий Китай, реформированный Иран, ядерная война, использование оружия массового поражения и массовые кибератаки, солнечные геомагнитные бури, ослабление США.*

В январе 2013 года Всемирный экономический форум (ВЭФ) представил очередной ежегодный доклад из серии "Глобальные риски", приуроченный к предстоящей встрече мировых лидеров в швейцарском Давосе [7]. В дополнение к «Глобальным рискам 2013» ВЭФ представил две специальные части. Первой стал доклад о национальной устойчивости, который должен заложить фундамент нового рейтинга

устойчивости стран — он позволит сравнивать прогресс разных государств по этому показателю. Второй специальной частью был доклад «X-факторы». В нем отмечается появление новых проблем, требующих дополнительных исследований, чтобы оценить возможные последствия для экономики. Это проблемы с непредсказуемыми последствиями, которые пока можно лишь обозначить. Вот лишь некоторые из них: интернет-зависимость, эпигенетика, мега-аварии, устаревшее образование и финансовая безграмотность, неправильная информация и неотрибализм, ресурсные войны и вулканическая зима.

Но в Давосе пошли дальше и выделили «научные» риски, которые сейчас может быть кажутся нелепыми, но требуют внимания, а именно: вмешательство в мозг человека, попытки управлять климатом, стремительное изменение состояния атмосферы Земли, продление жизни и связанные с ним расходы на стариков, пренебрежение правилами человеческой этики подобно допингу в спорте. Эти факторы в будущем могут стать спусковым механизмом, который может запустить глобальную катастрофу.

Следует отметить, что в следующем докладе ВЭФ 2014 года главными рисками назывались экономические и социальные угрозы и экологические [8]. В 2015 году был опубликован новый доклад Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Глобальные риски 2015». В нем оценивается восприятие вероятности, воздействие и взаимосвязи 28 глобальных рисков на временном горизонте в 10 лет и о том, что геополитические, социальные и экологические риски являются главными опасностями для мира в ближайшие годы [9].

Вышеуказанные стратегии, проблемы и вызовы глобального научно-технологического развития общества, привели к появлению новых дисциплин и отраслей знания, в которых уровень мульти- и междисциплинарности исследований оказался много выше, чем в других, (например, науки о жизни). Как следствие, в развитых странах, таких как США, страны ЕС, Японии, Канаде, а также в иных государствах возросло количество междисциплинарных исследований социально-экономической и гуманитарной направленности [10, 11].

Говоря о технологических решениях, редко кто из современных исследователей, ученых не упустит возможности озвучить тревогу и призвать к бдительности. Это связано с рисками сохранения живыми организмами своей биологической сущности, биологических

качеств, системообразующих связей и характеристик, предотвращения широкомасштабной потери биологической целостности.

В этом случае ситуация «необратимости» и «невозвратности» живых систем порождает не только возможности в решении глобальных проблем, но и серьезные риски ухудшения качества жизни человека и сохранения биоразнообразия. Очевидно, что НБИК технологии несут с собой реальную опасность негативного изменения фундаментальных основ живых систем, включая человека и природу. Еще в докладе «Глобальные риски 2011» подчеркивалось, что системы XX века не способны управлять рисками XXI века [12]. В этом случае необходимы новые сетевые системы для выявления и устранения глобальных рисков до того, как они перерастут в глобальные кризисы. Совершенно очевидно, что по мере развития современной архитектуры науки, масштабного внедрения постбиологических технологий будет возрастать необходимость механизмов социального контроля, а значит, будет усиливаться актуальность таких инструментов этического регулирования, как биоэтика. Биоэтика определяется как междисциплинарная область знания, предметом которой является анализ, оценка и выбор нравственного критерия отношения к живому [13].

Именно такой подход характерен и для европейского взгляда на модель НБИК-конвергенцию. Эксперты ЕС считают ее излишне технократичной и полагают необходимым расширить сферу исследований путем интегративного дополнения технологического направления социальными, антропологическими, философскими и экологическими образами и моделями.

Создаются мультидисциплинарные институты и исследовательские центры, постоянно публикуются и научные статьи на мульти- и междисциплинарные темы. По данным Thomson Reuters, из 170000 статей, опубликованных в 60 мультидисциплинарных журналах (по классификации Thomson Reuters это журналы, не имеющие узкоспециального профиля, в. т.ч. такие издания как Science, Nature и т. д.) до 50% удовлетворяли тем или иным критериям мультидисциплинарности [14].

В 2013 году был опубликован новый доклад ОЭСР «Отчет о мировой социальной науке за 2013 год: Изменение глобальной среды», в котором обосновывалось утверждение, что изменения в экологии

находятся в тесной взаимосвязи с развитием экономики и принятием политических решений [15]. Правительства должны найти новые пути для обеспечения сохранения планеты, социального равенства и благосостояния граждан. Этому во многом могут способствовать социальные науки, роль которых представлена в докладе. Отмечается, что в России вкладываются значительные ресурсы в научно-технические исследования и гораздо меньше - в развитие социальных наук. Несмотря на то что со стороны правительства и бизнеса уделяется все больше внимания глобальным экологическим изменениям, многие научные исследования и проекты остаются мало известными.

С точки зрения перспективы, как отмечают отечественные исследователи, особый интерес представляет собой зарубежный опыт развития цифровой исследовательской инфраструктуры в области социально-гуманитарных наук, который связан с интернет-революцией и проникновением информационно-коммуникационных технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности, приведших к существенному изменению организации научных исследований. Так, в 2008 г. специалистами *Центра истории и новых медиа* университета Джорджа Мэсона (США) была предложена концепция международной сети неформальных семинаров для профессионалов в области цифровых гуманитарных наук. Сегодня речь идет не просто об информатизации тех или иных направлений исследовательской деятельности, реализации проектов по цифровому сохранению архивов, библиотек, объектов историко-культурного наследия, но о создании объединенных исследовательских инфраструктур, принципиально существующих только в виртуальном пространстве сети Интернет. Так, например, в Париже 19 мая 2010 г. было объявлено об учреждении *открытого сообщества* цифровых гуманитарных наук для совместной практической деятельности и принят «Манифест цифровых гуманитарных наук». В документе также подчеркивается, что сфера Цифровая гуманность образует собственную междисциплинарную область коллективных исследований, поэтому необходимо развивать и совершенствовать ее цифровую инфраструктуру «в интересах прогресса познания, обогащения общественного знания и культурного наследия» [16].

В последние годы за рубежом получили развитие социогуманитарные технологии,

построенные на методах проектирования и форсайта. Это междисциплинарные платформы, которые сочетают в себе научные исследования и социогуманитарные практики. Среди них можно назвать: RAND-corporation (США), Смитсоновский институт (США), Лемелсоновский центр по изучению открытий и инноваций (подразделение Смитсоновского института) (США), Edge Foundation (США и Великобритания), Augoville (Индия), TED (США и Великобритания), Баркемп (от англ. Bar Camp) — международная сеть конференций и др. [14]. Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным и гуманитарным дисциплинам в 1993–2008 гг. значительно уступают зарубежным.

Заключение

Междисциплинарные исследования социально-экономической и гуманитарной направленности демонстрируют подъем с середины 1980-х гг. Во многом это объясняется переходом ведущих стран мира к шестому технологическому укладу, ядром которого становится конвергенция НБИК - технологий.

Он характеризуется тем, что с помощью конвергентных технологий, основанных на синтезе технических систем с биосистемами с помощью нанотехнологий, проектированием живых организмов, новом природопользовании и робототехнике, новой медицине, а также на высоких гуманитарных технологиях и т.д. Вместе с тем высокие темпы и интенсивность развития порождают условия неопределенности, возрастание рисков для жизни и благополучия человека, устойчивого развития общества и природы. Мировой опыт развития науки и технологий показывает, что решение вопросов качества жизни, здоровья человека, социальных и этических последствий конвергентных технологий находится в центре интеллектуального осмысления и выработки прогнозных сценариев развития будущего человечества. К сожалению, доля российских ученых, которые занимаются этими проблемами, в настоящее время сильно уступает зарубежным коллегам. Представляется целесообразным разработку в России отдельной стратегии и механизма стимулирования и активизации междисциплинарных исследований гуманитарной направленности.

Литература

1. The Global Technology Revolution 2020, In-Depth Analyses: bio/nano/materials/information trends, drivers, barriers, and social implications. Technical Report. Richard Silbergliitt et al. RAND. National Security Research Division. Santa Monica, CA. 2006. URL: http://www.rand.org/pubs/technical_reports/2006/RAND_TR303.pdf (дата обращения: 23.05.2015).
2. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtm (дата обращения: 23.05.2015).
3. Цели устойчивого развития. Итоговый документ Саммита устойчивого развития ООН 2015 года. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/summit/> (дата обращения: 26.09.2015).
4. Нежметдинова Ф. Т. Гуманитарная экспертиза рисков внедрения современных технико-технологических достижений НБИК-технологий на основе биоэтики: методологический подход. // Инноватика и научная экспертиза. Вып.1 (8). – М: ФБГНУ НИИ РИНКЦЭ, 2013. – С. 132-139.
5. Рамочная программа ЕС «Горизонт 2020» URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/press_corner/all_news/news/2013/20131213_ru.htm (дата обращения: 23.05.2015).
6. «Прорывные технологии: достижения, которые изменят жизнь, бизнес и мировую экономику» McKinsey Global Institute. URL: http://www.mckinsey.com/insights/business_technology/disruptive_technologies (дата обращения: 23.05.2015). (6)
7. Доклад ВЭФ «Глобальные риски 2013». URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2013/> (дата обращения: 23.05.2015). (7)
8. Доклад ВЭФ «Глобальные риски 2014». URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2014/> (дата обращения: 23.05.2015).
9. Доклад ВЭФ «Глобальные риски 2015». URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2015/> (дата обращения: 23.05.2015).
10. Rhoten D. Interdisciplinary Research: Trend or Transition P. 10; тот же тезис: Yuk Fai Leung. The Essence of Interdisciplinary Research - Mindset Matters // Science Careers. 2003. January 31. URL: http://sciencecareers.sciencemag.org/career_magazine/previous_issues/articles/2003_01_31/noDOI.17989095503419373115 (дата обращения 23.05.2015)
11. Interdisciplinarity in research. EURAB 04.009-FINAL. European Union Research Advisory Board. April 2004. P.6

12. Доклад ВЭФ «Глобальные риски 2011». URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2011/> (дата обращения: 23.05.2015).
13. Нежметдинова Ф. Т. Биоэтика в контексте современных научных стратегий и как прикладная этика в эпоху современных технологий// Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. – 2009. – № 1. – С. 221-229.
14. Classification of Papers in Multidisciplinary Journals. ScienceWatch.com. URL: <http://sciencewatch.com/about/met/classpapermultijour/> (дата обращения: 23.05.2015)
15. Research Councils UK. Handling multidisciplinary proposals. URL: <http://www.rcuk.ac.uk/research/multidis/peer.htm> (дата обращения: 23.05.2015).
16. Попова С. М. Анализ отечественного и зарубежного опыта развития цифровой инфраструктуры социально-гуманитарных исследований // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 1. – С. 208-251.

Сведения об авторе:

©**Нежметдинова Фарида Тансыковна** – кандидат философских наук, зав. кафедрой философии и права, Казанский государственный аграрный университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: mrcpkrt@mail.ru.

Information about the author:

©**Nezhmetdinova Farida Tansikovna** – – Candidate of Philosophical Sciences, The Head of the Department of Philosophy and Law, Kazan State Agrarian University, Russian Federation, Kazan, e-mail: mrcpkrt@mail.ru.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О роли социологических наук в переходе к устойчивому развитию

Наряду с разделами по экономическим и педагогическим наукам он содержит и раздел, посвященный социологическим исследованиям и социологическому осмыслению процессов, субъектов, институтов и культурных оснований устойчивого развития.

Устойчивое развитие предполагает развитие и человеческого капитала страны и регионов, это, в конечном счете, обуславливает успешность внедрения инноваций. В процессе развития человеческого капитала неразрывно связаны с социальным институтом образования. Методологическим аспектам стратификации в этой сфере и специфике формирования специального отраслевого человеческого капитала (нефтехимическая отрасль) посвящена статья доц. И. З. Гаррафиева.

Не меньшее значение в устойчивом развитии принадлежит и социальному капиталу, он во многом определяет особенности поведения молодежи на рынке труда, особенно на неформальном, который в условиях кризисных явлений в экономике начинает играть заметную роль. Именно стратегиям поведения молодежи на неформальном рынке труда посвятили свою статью проф. Л. А. Бурганова и аспирантка Э. М. Акмалова. Основные выводы опираются на результаты экспертных интервью.

В успешном развитии общества всегда очень большое значение принадлежит системе управления. Доц. А. Х. Шагиахметова изучила технологические особенности и международный опыт оценки компетенций в области управленческого лидерства. Систематизируются многочисленные стандарты и модели, применяемые при оценке управленческих практик чиновников, бизнесменов и других профессиональных групп, связанных с управлением.

Предпринимательство, и особенно молодежное предпринимательство, в рамках малых инновационных предприятий вузов способно сыграть роль одного из важнейших драйверов инновационного роста экономики и обеспечения высококвалифицированной занятости. Данная проблема находится в фокусе внимания статьи аспирантки И. А. Фроловой. В основе ее анализа лежит кейс Казанского национального исследовательского технологического университета.

Социальное и экономическое развитие всегда происходит на фоне культурных факторов, то есть смыслов, ценностей, традиций, определяющих деловые и жизненные повседневные практики и мировоззрение людей и тех групп, в которые они входят. В современных обществах невозможно игнорировать религиозные и этнокультурные факторы развития. Они непосредственно влияют на устойчивое развитие и могут, к сожалению, при определенных обстоятельствах использоваться как факторы дестабилизации общества. О. В. Лисина на основе применения современных количественных и качественных методик исследования выявляет особенности здоровьесберегающих практик студентов в зависимости от факторов религиозности или атеизма. Еще одна важная проблема современности – осмысление процессов формирования идентичности молодежи, когда под влиянием социально-культурных обстоятельств складывается ситуация множественности идентификаций, влияющих на социальные действия. Данной проблеме посвящена наша совместная статья с Р. И. Зинуровой.

Устойчивое развитие общества предполагает постоянную научную рефлексию для своевременной коррекции управленческих, политических, социальных, экономических и культурных практик. Такая рефлексия создает функциональное место для комплексных социологических исследований и социально-гуманитарной экспертизы процессов устойчивого развития. Институционализация социологических наук в технических вузах имеет свою специфику и связана с пониманием сущности университетского образования в современном обществе. Технологический университет по определению интегрирует собственно производственно-технические технологии с социальными технологиями (управленческими, маркетинговыми, организационными, медийными и т.п.). Сама социология в технических вузах в таком случае становится вполне полноправной дисциплиной и научной практикой. О направлениях ее развития и перспективах говорится в статье вашего покорного слуги.

С пожеланием творческих успехов, д-р соц. наук, проф. А.Р. Тузиков

УДК 316.7

А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ ТЕОРИИ ИДЕОЛОГИИ

Ключевые слова: идентичность, идеология, типы идентичности, социокультурные аспекты идентичности, множественная (плавающая) идентичность, конфигурация идентичности.

В статье анализируется проблематика теоретического осмысления процессов формирования идентичности молодежи в современных условиях, когда под влиянием социально-культурных обстоятельств складывается ситуация множественности идентификаций. Авторы презентуют логическую схему концептуализации данной проблемы в рамках теории идеологии и предлагают подход, позволяющий более детально специфицировать конфигурации идентичности современной молодежи.

A. R. Tuzikov, R. I. Zinurova

CONCEPTUALIZATION OF SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS OF THE YOUTH IDENTITY BUILDING IN THE FRAMEWORK OF THE THEORY OF IDEOLOGY

Key words: identity, ideology, types of identity, social and cultural aspects of identity, plural (floating) identity, configuration of identity.

The article deals with the problems of theorizing of the youth identity building in contemporary conditions where we face with the situation of so-called "plural" or "floating" identity, which is the result of certain social and cultural circumstances. The authors present the logical scheme of conceptualization of this problem in the framework of the theory of ideology and put forward the approach that make it possible to specify the identity configurations of the youth in more details.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-03-00303 «Конфигурация новой российской идентичности молодежи: тенденции и региональная специфика».

В современном академическом и общественно-политическом дискурсах проблематика идентичности в целом и молодежи в частности занимает одно из ведущих мест. Это вполне объяснимо, учитывая, что идентичность и ее конфигурации прямо влияют на мировоззрение, социальное самочувствие и, в конечном счете, на социальные действия и практики как отдельных социальных групп, так и на социум целых стран и регионов.

Социокультурное измерение общественных явлений неразрывно связано с трендом отказа от рассмотрения «человека вообще», «индивида» в пользу подходов, акцентирующих ведущую роль культуры в развитии общественных институтов, группового и личностного поведения. Важнейшими социокультурными характеристиками идентичности являются мировоззрение и идеология. Мировоззрение – одна из ключевых социальных характеристик

личности и социальных групп, образующих общество. Мировоззренческие установки кроме общей «картины мира» имеют и идеологические составляющие, которые проявляют себя в процессах социальной идентификации, репрезентации, рационализации социальных действий и статусных притязаний.

Взаимосвязь категории «идентичность» и концепции «идеологии» была впервые выдвинута американским ученым Э. Эриксеном в контексте рассмотрения проблематики становления личности. Не случайно работа называлась «Идентичность: юность и кризис». Трактую идентичность как ролевую и идеологическую адаптацию к меняющимся этапам развития человеческого «Я», Эриксон четко проводит линию на изменчивый характер идентичности и одновременно подчеркивает, что юность – это важнейший период развития мировоззрения и связан с поисками ответов на вопросы типа:

«Кто я? Кем я хочу быть? Кем я не хочу быть?». Кризис идентичности, о котором так много говорилось после распада СССР, проявляет себя именно в утрате доверия к прежней идеологии. Для его преодоления также требуется новая идеология как «неосознанный набор ценностей и посылок, отражающий религиозное, научное и политическое мышление» [1].

Если на макрогрупповом уровне функционирование идеологий связывалось с легитимацией социальных интересов, то на индивидуальном и микрогрупповом уровне их проявление социологическая наука связывала с самосознанием (самоидентификацией) и функционированием стереотипов. Самоидентификация рассматривалась прежде всего как «социальное Я», которое представляло собой символическую связь между личностью и социальным окружением. Идеология в данном случае представляла собой важнейший способ самоидентификации посредством символических конструкций, с помощью которых личность или группа определяли себя в рамках социального контекста. Изучение идеологии в контексте понятия «идентичность» характеризовало феминистскую социологию мультикультуралистов и постмодернистов.

Понятие идентичности приобрело особое значение в рамках социокультурных исследований проблем этничности и гендера, сексуальных и расовых меньшинств. Идеология в данном случае трактуется как средство репрезентации и конструирования идентичности. Термин «идентичность», во многом сходный с понятиями «самость» и «самосознание», имеет определенную идеологическую нагрузку. С одной стороны, он обладает реифицирующим (овеществляющим) потенциалом, придавая онтологический оттенок тому, что существует только в контексте социокультурных взаимодействий. Это особенно наглядно проявляет себя в случае с использованием данного термина для анализа проблематики гендера, нации и этноса. С другой стороны, проблема легитимации групповых идентичностей (особенно в рамках новых социальных движений) предполагает использование идеологических техник и, следовательно, делает использование концепции «идеологии» вполне функциональной.

Большинство идеологий задают схемы интерпретаций не только социальных действий и явлений, но и схемы конструирования идентичностей. Кто такие МЫ и кто такие ОНИ? А чаще всего, почему МЫ хорошие, а

ОНИ, мягко выражаясь, не очень. Последний вопрос характерен прежде всего для ситуаций конфликта. Подобные базовые предпосылки, безусловно, оказывают влияние на «мнения» и НАШЕ отношение к НИМ в стандартных ситуациях социальных взаимодействий. Национализм всех оттенков способен координировать чувства и «мнения» социальных групп, разделяющих националистические ценности и националистические убеждения касательно меньшинств или иммигрантов. Все это может проявляться в контекстах проблем занятости, образования, мест проживания и предоставления гражданства. Практически главной когнитивной функцией идеологий является организация специфических групповых (или общенациональных) установок и отношений.

Схема групповой идентичности, определяемая идеологиями, может выглядеть в виде цепочки вопросов типа:

- Кто принадлежит к НАМ и почему? (групповая принадлежность)
- Что, как и почему МЫ должны делать? (целевая активность)
- Каково НАШЕ место в обществе и взаимоотношения с другими группами? (позиция)
- Что МЫ имеем в своем распоряжении, а чего нет? (какие ресурсы)

Конечно, ответы на эти вопросы могут иметь различные оттенки и полутона ввиду особенностей социализации того или иного члена группы. Например, отдельные представители группы могут быть более ортодоксальны или «продвинуты», чем другие, но это не меняет существа дела. Наконец, человек может принадлежать к нескольким группам одновременно и даже исповедовать несколько идеологий, каждая из которых по-своему влияет на социальную практику в зависимости от ситуации. Сегодняшняя эпоха дает нам немало примеров функционирования почти химерических с традиционной точки зрения образований типа эко-феминизма, эко-фашизма или социал-либерализма. В то же время стержневая в конкретной ситуации идеология группы может выражаться в дискурсе. Примером является скрытая коннотация в дискурсе этнонационализма, что меньшинства не могут быть патриотами и, следовательно, допускаться к управлению государством.

Если кратко рассмотреть основные теории идеологии, то они прямо или косвенно указывают на заметную роль идеологии в процессах идентификации. Причем это

одинаково присуще как традиционному марксизму (с его учением о классовом сознании, фактически классовой идентичностью), так и постмарксистским теориям, включая постмодернские опыты. Так, например, в теории идеологии Л. Альтюссера (французский неомарксизм) идентифицирующий механизм идеологии воплощается в технику интерпелляции, фактически вопроса «Кто я? С кем и против кого?» [2]. Для К. Гиртца [3], развивающего антропологический подход, идеология предстает символической реальностью, которая влияет на идентичность, задавая интерпретации совместной активности членов общества. То есть идентичность группы и ее членов в данном ключе можно трактовать как идеологически заданные схемы интерпретаций совместных действий и их результатов. Выглядит это примерно так: Мы – те, кто делает то-то и то-то, для того-то и того-то и это правильно и необходимо. Естественно действия подкрепляются символами и ритуалами, которые обретают «вещный смысл» и самооценку (демонстрации, одежды и т.п.). Как справедливо отметила А.Г. Санина «Задача исследователя, таким образом, заключается в определении совокупности признаков, которые сами люди считают значимыми и воспринимают в качестве маркеров принадлежности к своей или другой группе» [4].

Феноменологический и социолингвистический поворот в социологии (постструктурализм. П. Рикер, П. Бергер и Н. Лукман и др.) привнесли с собой идеи дискурсивного конструирования социальной реальности. Не остались в стороне и проблемы идентичности. Один из классиков школы Cultural Studies С. Холл подчеркивал, что идентичность чаще всего оказывается конвенциональной и случайной. Он ввел понятие «дискурсивная идентичность», отмечая, что в современном обществе любая идентичность «проявляется в игре особых модальностей власти и, таким образом, является в большей степени продуктом производства различия и исключения, чем знаком идентичной, естественно-конституированной общности “идентичности” в ее традиционном значении» [5].

Язык в его социально-символическом значении дискурсивных конструкций (что, как, где и кем говорится, а о чем принято умалчивать) стал рассматриваться важнейшим инструментом формирования социальных отношений. Одновременно язык является пространством и инструментом действия идеологий. Соответственно и идеологический

дискурс можно рассматривать как инструмент идеологического конструирования идентичностей. В качестве примеров могут быть названы феминистский дискурс, дискурс национализма, дискурс экстремизма и т.п.

С развитием современного общества идеи нормальной (единой) идентичности, стали уступать место идеям множественности идентичностей. Идеи множественной идентичности стали особенно набирать обороты в рамках нового научного подхода к изучению этничности (Ф. Барт) [6]. В оппозиции к традиционному (примордиалистскому) подходу (Ю. Н. Бромлей, Э. Смит, Э. Шилс), реифицирующему этническую идентичность вне истории и социокультурных обстоятельств, нетрадиционные подходы (конструктивизм, инструментализм) апеллируют к ситуативному возникновению и развитию этничности (Б. Андерсон, В. А. Тишков, Ф. Барт и др.).

Множественность идентичностей может проявляться в одновременном сочетании национальной (гражданской) и этнической (этнокультурной) идентичности, например американец итальянского происхождения. Соответственно в таком случае вызовом является конструирование общегражданской идеологии, позволяющей сочетать обе данных идентичности. О возможности такого сочетания писал еще Т. Парсонс [7], настаивая, что «поддержание единства нации не требует “растворения” этнических групп в национальном сообществе, а для преодоления этнической конфликтности требуется укрепление общей гражданской основы современной нации».

Множественные идентичности в какой-то мере способствуют лучшей адаптации, поскольку утрата одной идентичности не влечет за собой полного саморазрушения, так, как это бы происходило при «одноmodalной» идентичности.

Множественность (плюрализм идентичностей) отражает множественность и иерархичность социальных ролей, которые должен выполнять человек в современных обществах, да еще и в условиях постоянной динамики перемен. Идеология в данном случае может выполнять функцию некой системообразующей и противостоящей хаотизации силы. Однако мир современных идеологий также не строго иерархизирован.

Согласно теории словенского ученого С. Жижека [8], «идеологическое пространство» сегодня полно «плавающих означающих» (floatingsignifiers) не сопряженных между собой понятий с открытым смыслом типа «свобода»,

«демократия» и т.п., а также неких «идеологических пристежек», задающих более конкретный смысл и интерпретации (например, порядок или справедливость).

Например, идеология феминизма может выступать, как в социалистической, так и в либеральной версиях и даже в экологическом варианте. Это результат пристежки «плавающих означающих» (или идеологем). В этом случае возможно создание даже химерических конструкций. А само создание конструкций, позволяющих вовлечь одновременно множество идеологем их в свою орбиту, и есть суть современной идеологической борьбы.

В результате «химерических идеологий» возникают и химерические идентификации, выстраивающие и структурирующие идентифицирующие маркеры в контексте «идеологических пристежек». Как, например, можно трактовать сегодняшнюю «демократическую фейсбук-глобальную идентификацию» с национализмом самого фашиствующего толка, новым демократизмом или глобальным национализмом?

Множественная идентичность особенно популярна в рамках постмодернистского подхода в социологии, отрицающего тотальность метанарративов, но продвигающих тотальный релятивизм. Более того, на первый план выдвигается допустимость ранее недопустимого в ломке традиционных параметров идентичностей, включая пол. На наш взгляд, хаотизация идентичности – это отрицательная черта, ведущая к разрушительным для общества последствиям и не имеющая ничего общего с понятием «прогресс».

Однако множественность идентификаций современного человека и процессы, протекающие в социально-экономической, социально-политической и социально-культурной жизни современного человека и особенно молодежи, выдвигают на первый план проблематику конфигурирования идентичности. Р. Фогельсоном была выдвинута концепция «борьбы идентичностей», в которой он, разделяя идеи множественности идентичности, выделил четыре противоборствующих компонента: реальная (представление индивида о себе в конкретный период его жизни), идеальная (модель поведения и существования, к которой индивид стремится), негативная («образ себя», который индивид стремится избегать), предьявляемая (набор образов, который индивид транслирует

другим людям с целью повлиять на их оценку) [9].

Дж. Берк в 1991 году выдвинул тезис о «пакете идентичностей» (setofidentities), которым попытался «схватить» распадающуюся множественность идентификаций.

Российский исследователь А. Г. Санина, изучая современную российскую идентичность, рассматривает ее как «пакет идентичностей», а именно гражданскую, государственную и этническую, и акцентирует необходимость баланса данных идентичностей как главного конфигурирующего механизма [10].

Возникновение полярных подходов в формате примордиализм – конструктивизм и «традиционная объективность» – «субъективная объективность» создает ситуацию поиска комплиментарности и полипарадигмальности. В отечественной теории и практике социологического изучения проблемы идентичности отметим подход В. М. Капицина [11]. Автор попытался показать динамику складывания «объединяющей» национально-государственной идентичности. В качестве её составляющих он выделяет «частичные» идентичности и их конфигурации – социальную и политическую. Социальная конфигурация включает «горизонтальные» идентичности повседневной жизни. К таким идентичностям относятся: территориальная (природная), естественная (телесная), духовная (культурная), агентная (профессиональная).

В обычных ситуациях «большинство населения предпочитает спокойную повседневную жизнь. Тем более, люди разъединены «частокломом» частных интересов; это трудно преодолеть, чтобы начать политические действия. Но, если в повседневности ухудшается транспорт, экология, коммунальные услуги, медобслуживание, образование, трудоустройство и т.д., то люди, выходя за пределы повседневности, защищают нарушенные права. Социальная идентичность, не «удерживаясь» в рамках повседневности, выходит в область взаимодействия интересов (политическую жизнь), где функционируют «вертикальные» идентичности с соответствующими ценностями и символами» [11, с. 14]. Вертикальная (политическая) конфигурация включает в себя следующие разновидности идентичностей: интернациональную, государственную, коллективную, индивидуальную. На пересечении горизонтальных и вертикальных осей идентичностей складываются

«объединяющие» идентичности (национально-государственные и исторические).

«Объединяющая» национально-государственная идентичность – понятие многомерное, захватывающее содержание понятий «историческая», «имперская» идентичности, «гражданство», «патриотизм», «национализм». Она имеет непосредственное отношение к целостности общества и состоятельности государства.

В. М. Капицын утверждает: «люди в восприятии себя, общества, всего мира выстраивают универсальный набор «частичных» идентичностей, который можно выявить аналитическим путём, обращаясь к повседневности. Однако содержание этих идентичностей, их баланс или доминирование одних по отношению к другим у разных этносов и наций существенно различается. Отсюда уникальность «объединяющих» национальных идентичностей того или иного народа (государства). Это отражает также конструктивистское воздействие идеологов, политиков, политтехнологов» [11, с. 9-10].

Можно обсуждать степень полноты классификации видов идентичностей, но сам матричноподобный подход к анализу конфигураций идентичностей выглядит перспективным и позволяет выходить на новые схемы интерпретации эмпирических данных.

В. М. Капицын также выделяет ситуации, когда «частичные» идентичности под внешним влиянием порождают контр-идентичности, выступающие в виде альтернатив, разрушающих «объединяющие» идентичности.

Внешние (инокультурные) идентичности (космополитические, транснациональные, универсалистские и т.д.) могут образовывать с «внутренними» идентичностями конфигурации, разрушающие «объединяющую» идентичность, а вместе с ней и социальный порядок. Это происходит прежде всего в результате принятия зарубежного реального мира в качестве «значимого другого». Этот инокультурный образец впечатывается в сознания людей (группы, слоя) как реально достижимый и воплощаемый «здесь и сейчас». Данная радикальная трансформация представляется как неизбежная альтернатива отечественному порядку. Формирование и акцентирование контр-идентичностей – основа технологий, разрушающих «объединяющую» идентичность [12, с. 27]. Оранжевые революции по Д. Шарпу опираются на данную схему.

Сегодняшнее общество во многом связывают с доминированием дискурса

потребительства. Более того, вполне резонно говорить и относительно идеологии консьюмеризма (потребительства)

В современных европейских и американских обществах очень часто *быть* означает *иметь*. Доминирующим императивом во взаимоотношениях человека и вещи является обладание. Х. Диттмар выразила данные тенденции следующими словами: «В западных обществах ... индивидуальная идентичность находится под сильным влиянием материального потребления личности. Характер материального потребления служит символом собственной принадлежности к определенным социальным группам и средством определения таковой для других» [13].

Итак, получается, что члены общества практически могут конструировать свою идентичность на основе того, что и где они потребляют. Но кроме этого, не меньшее значение имеет и то, почему (в каком смысловом контексте) приобретается та или иная вещь и услуга. Особенно это относится к молодежи. Как справедливо отмечает С. Майлс: «Молодые люди конструируют свою идентичность, не только отталкиваясь от самого факта приобретения конкретных товаров, а скорее в результате и под влиянием сверстников, входящих в их ближайшее окружение, так как и сам характер их взаимоотношений предполагает потребление определенных вещей, часто играющих ключевую роль в стиле жизни конкретной тусовки» [14].

Значимость проблем, связанных с потреблением в современных обществах, прямо отражается в научном дискурсе. Это следует из жарких дебатов относительно того, «характерно ли потребление для социальной жизни» или, наоборот, «для процесса потребления характерна социальная жизнь». В традициях социальных наук принято рассматривать культурные явления в тесной связи с феноменами того, что считается материальным по определению. В данном случае в качестве такового выступает материальная культура.

Современная материальная культура индустриально развитых стран характеризуется, по мнению английского социолога Ц. Лури, 13 основными чертами. Среди них особо важны:

1. Всевозрастающее количество потребительских товаров.
2. Тенденции к использованию рыночных механизмов и принципов для

решения все большего и большего числа социальных проблем.

3. Посещение магазинов как форма проведения досуга.

4. Стремительный рост способов продаж.

5. Появление политических организаций потребителей.

6. Коммерциализация спорта и углубление его связей с интересами производителей потребительских товаров.

7. Заметное снятие ограничений на получение потребительского кредита и изменение общественного мнения относительно жизни в долг.

8. Большой упор на стиль, дизайн и имидж потребительских товаров.

Маркетизация и коммодификация все большего числа проявлений социальной жизни приводит к доминированию идеологического дискурса консьюмеризма и в процессах идентификации, который невозможно игнорировать исследователям.

Еще один крайне важный момент в проблематике социокультурных параметров идентичности молодежи – идеология коммуникации в киберпространстве – «нетизмизм» (от англ. net – сеть). Используется даже термин netizen – гражданин сети (производное от net – сеть и citizen – гражданин). «Быть в сети» - являет собой

практически императив для современной молодежи. Гаджеты, позволяющие ежесекундно быть участником коммуникаций в социальных сетях, – один из главных идентифицирующих признаков. Дискурс коммуникации, с одной стороны, формирует солидарности поверх социально-классовых, имущественных и этнических различий, а с другой – усиливает акценты в формировании профессиональных, этнических и подобных кибер-сообществ. Идентификация «нетизена» выражается императивом типа «скажи мне, какими интернет-ресурсами ты пользуешься, и скажу тебе, кто ты».

Развивая матричный подход В. М. Капицына, на наш взгляд, целесообразно дополнить перечень социальных и политических измерений идентичностей. В частности, к приводимым им в качестве социальных идентичностей территориальным (природным), естественным (телесным), духовным (культурным), агентным (профессиональным) разновидностям социальных идентичностей добавить потребительскую, клубную и киберпространственную (сетевую). Это позволит, на наш взгляд, более детально уловить конфигурирование идентичностей современной российской молодежи и дать их спецификации.

Литература

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – С.85
2. Althusser, L., Ideological State Apparatuses // in S. Zizek (ed.), Mapping Ideology. – London, 1994. – pp.100-140.
3. Geertz, C. Ideology as Cultural System // in Ideology and Discontent, ed. D.Apter. – Glencoe: The-FreePress, 1964, Chapter 2.
4. Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. – 2014. – №12. – С. 5.
5. Hall S. Who Needs “Identity”? // Hall S., Gay P. (eds). Questions of Cultural Identity. – London: Sage, 1996. – pg.4.
6. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий: Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. — М.: Новое издательство, 2006.
7. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998.
8. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М: Художественный журнал, 1999. – С. 93.
9. Fogelson R. D. Person, Self and Identity. Some Anthropological Retrospects, Circumspects and Prospects // Psycosocial Theories of the Self. – N. Y.; L.: Plenum Press, 1982. – P. 64–87.
10. Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. – 2014. – №12. – С. 5-11.
11. Капицын В.М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook. – 2014. – №1. С. 8-32.
12. См. Капицын В.М. Глобализация и управление идентификациями: пролегомены к стратегии развития России // Ценности и смыслы. – 2010. – №5. – С.78–80.
13. Dittmar Н. The Social Psychology of Material Possessions. – Hemel Hempstead: Harvester Wheat-sheaf, 1992. – pg. 205.
14. Miles M. Consumerism As a Way of Life. - London: SAGE Publications, 1995. – pg. 153.

Сведения об авторах:

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: atuzikov@rambler.ru.

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, зав. кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

Information about the authors:

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, The Head of the Department for Public Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: atuzikov@rambler.ru.

©**Zinurova Raushanya Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

УДК 316.45

Л. А. Бурганова, Э. М. Акмалова

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА НЕФОРМАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА: АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНОГО МНЕНИЯ

Ключевые слова: экспертное мнение, молодежь, рынок труда, неформальная занятость молодежи, стратегии поведения.

В статье представлены результаты анализа экспертного мнения по проблемам неформального рынка труда. Показано, что научный дискурс фокусируется на анализе неформальных практик молодежи в качестве адаптационной и кумулятивной стратегий. Выявлено, что эти стратегии позволяют не только избежать безработицы, сколько использовать неформальный рынок труда в качестве площадки для развития и накопления различных актуальных ресурсов.

L. A. Burganova, E. M. Akmalova

STRATEGY BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE AT THE INFORMAL LABOR MARKET: ANALYSIS OF EXPERT OPINIONS

Keywords: expert opinion, youth, labor market, informal youth employment, the strategy of behavior.

This paper presents the results of analysis of expert opinion on problems of the informal labor market. It demonstrates that scientific discourse is focused on the analysis of informal practices of the youth as the adaptation and cumulative strategies. It is argued that these strategies make it possible for youth not only to avoid unemployment, but also to use the informal labor market as a platform for the development and accumulation of various relevant resources.

Эмпирической базой данного исследования служат научные публикации экспертов по проблемам рынка труда и неформальной занятости за период с 2005 по 2015 гг. Анализ риторики экспертов основан на *содержательной интерпретации текстов*, рассматриваемых в качестве аналога социологической анкеты, заполненной не посредством личного обращения к эксперту, а к тексту, содержащему точку зрения того или иного эксперта. Были проанализированы мнения и оценки двадцати восьми экспертов по выделенным вопросам. Ключевыми критериями отбора экспертов стали значимость фигуры эксперта и его активная роль в обсуждении проблем неформального рынка труда, роли различных ресурсов в его воспроизводстве.

Как показал анализ текстов, в основе методологической позиции многих исследователей неформальной занятости лежит ресурсный подход, ориентирующий на признание уровня ресурсообеспеченности индивидов в качестве ключевого фактора выбора стратегии поведения на рынке труда. Такова, в частности, позиция В. Н. Титова [1], полагающего, что именно дефицит ресурсов, их недостаточность у определенных социальных

слоев является решающим фактором их включения в неформальную экономику. При этом ученый считает решающим фактором такого выбора прежде всего дефицит информационного ресурса, который проявляется в низком уровне их осведомленности о возможностях доступа к официальному сектору, а также в плохом знании ими основ нормативно-правового регулирования экономической деятельности. Эксперт от науки указывает также на дефицит специфических навыков ведения хозяйственной деятельности, что, на наш взгляд, можно трактовать как дефицит предпринимательского ресурса — это, к примеру, недостаток расчетных способностей, отсутствие знаний по методике калькуляции затрат и издержек и т.п.

На зависимость стратегий поведения индивидов на рынке труда от наличия у них тех или иных ресурсов (форм капиталов) обращает внимание и В. В. Радаев – видный эксперт в области неформальной экономики [2]. Специфика подхода ученого состоит в интерпретации капитала как накапливаемого хозяйственного ресурса, включенного в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм. «Широкие возможности

конвертации капиталов ставят человека в ситуацию выбора — во что вкладывать время и силы. А зачастую устойчивые ориентации на накопление определенного вида капитала становятся объектом стратегического выбора, определяя действия человека на длительную перспективу» [3, с. 30].

На наш взгляд, предложенная В. В. Радаевым интерпретация капитала/ресурсов позволяет осуществить корректный анализ ресурсообеспеченности индивидов, а неформальный рынок труда представить как совокупность индивидов с различным объемом ресурсов (капиталов).

С позиций ресурсообеспеченности эксперты интерпретируют и социально-демографические особенности неформального рынка труда, представленного преимущественно молодыми людьми и работниками старших возрастов с невысоким уровнем образования, сосредоточенными в торговле, строительстве и бытовых услугах [4, с. 23]. По данным региональных исследований, наиболее вовлеченной в неформальную занятость группой является молодежь до 30 лет; при этом выявлено, что 51% молодых людей хотя бы иногда работали без трудового договора, а 13% из них делают это регулярно. Возрастная специфика регулярной занятости на неформальной основе выглядит так: наиболее активны здесь молодые люди до 30 лет (16% 26-30 летних и 13% 18-25 летних, 8% 31-35 летних) [5, с. 52-53].

На демографические особенности неформального сектора указывают известные исследователи рынка труда В. Е. Гимпельсон и Р. И. Капелюшников: *«Занятые в нем по найму — это скорее молодые люди с невысоким уровнем образования, сосредоточенные в торговле, строительстве и бытовых услугах. Самозанятые слабо отличаются по возрасту и образованию от формальных работников, однако имеют выраженную профессионально-отраслевую специализацию, связанную с сельским хозяйством и оказанием определенных услуг»* [6].

Дефицит образовательного ресурса как фактор выбора стратегии поведения на неформальном рынке труда отмечен в ряде исследований региональной специфики занятости. Так, Р. В. Рывкина при анализе дополнительной занятости в г. Таганроге еще в начале 2000-х отметила тенденцию снижения в этом сегменте рынка труда доли людей с высокой квалификацией и, напротив, возрастание доли занятых трудом средней и невысокой квалификации, а также доли неквалифицированных рабочих [7, с. 171].

Итак, экспертами была выявлена общая тенденция вовлечения россиян в неформальную занятость, среди которых значительна доля молодежи, отмечена связь между дефицитом различных капиталов/ресурсов молодых людей — образовательных, профессиональных и квалификационных и их ориентацией на неформальный рынок труда.

На наш взгляд, это заключение экспертов не следует абсолютизировать и распространять на все виды неофициальной трудовой деятельности и на все социально-демографические группы. К тому же следует учитывать, что неформальный рынок труда, как и другие сферы общества, претерпевает значительные изменения; на нем появляются новые сегменты деятельности, меняются и качественные характеристики его социально-демографического состава. Например, в ходе анализа такой новой формы неформальной занятости, как фриланс, Д. О. Стребков и А. В. Шевчук обратили внимание, что низкий уровень образовательного и квалификационного ресурса не является первоочередной характеристикой занятых, поскольку их деятельность связана преимущественно с производством и обработкой информации: *«Применительно к фрилансу речь, как правило, идет о высококвалифицированных работниках умственного труда, предоставляющих профессиональные услуги»* [8]. Исследователи выявили, что фрилансеры обладают значительным человеческим капиталом, который ими приобретен в ходе формального образования и практической деятельности.

Эксперты выявляют связь между стратегиями в трудовой сфере и ценностными установками молодых людей. Так, в исследовании Ю. В. Овчинниковой был сделан очень важный вывод о том, что для молодых людей, не достигших 30 лет, более характерна склонность к накоплению социального и властного ресурсов, чем образовательного: *«...несмотря на сохраняющуюся высокую ценность высшего образования для городского населения, экономическая отдача от него стала проблематичной уже с середины 2000-х годов. При этом значимость социального и властного ресурсов за то же время, напротив, осталась, судя по данным других исследователей, по меньшей мере, неизменной с точки зрения получаемого обладателями этого ресурса материального выигрыша»* [9, с. 13].

Действительно, высшее образование как образовательный ресурс начинает приобретать для молодежи статус символического ресурса:

оно необходимо для повышения социального статуса и самооценки индивида. Однако зачастую полученное образование играет далеко не ключевую роль при трудоустройстве молодых людей и выборе сферы деятельности, так как хорошо известны трудности выпускников учебных заведений при трудоустройстве, низкая стоимостная оценка труда по специальности. Все это зачастую выталкивает молодых людей на неофициальный рынок труда, а он-то как раз и предоставляет им возможности самореализации, наращивания различных видов ресурсов и социального капитала, столь значимого для молодежи.

Эксперты также обращают внимание на снижение социальной ценности труда в целом. Это, в частности, было выявлено в ходе конкретного социологического исследования, проведенного в Республике Татарстан (N= 350, 2014 г.) Е. А. Беловым, который связывает это с деформацией базовых ценностей: *«Молодые люди видят, что огромные капиталы часто наживаются нечестным трудом. Это деформирует сознание молодых людей»* [10]. Согласно приведенным им данным исследований ЦАИиР, большинство молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет работают или готовы работать на основании устной договоренности с работодателем; 42% молодежи приемлемо относятся к вступлению в брак по расчету; около 26% считают допустимым принимать взятки, 19% готовы вступить в физическую близость за плату. Результаты исследования демонстрируют превалирование денежного интереса над понятием «труд» и низкую значимость ценности «честная работа». При этом одна треть молодежи совершенно не удовлетворена своим статусом, что, по мнению эксперта, указывает на снижение материальной и психологической защищенности молодежи и в то же время на возросшие потребности молодых людей. Большинство (58%) опрошенных молодых людей желают повысить свои статусные позиции, но не видят легальных способов для этого.

Проявления подобной тенденции девальвации ценности труда, трансформации мотивов занятости выявлены и в исследовании Г. Б. Кошарной и Н. В. Корж, посвященном ценностным предпочтениям студенческой молодежи в сфере труда (N=420, 2010 г. г. Пенза; N=404, 2013г. г. Казань и г. Саранск): *«Если раньше работа могла рассматриваться как цель и способ достижения самых различных благ: материальных, социального статуса, общественного уважения,*

удовлетворения потребностей в самореализации, то в настоящий момент работа воспринимается большинством людей, в том числе и молодежью, как средство достижения единственной универсальной цели – материального благополучия». Хотя, как справедливо указывают эксперты, *«материальные мотивы являются доминирующими, но не единственными побуждающими студентов выходить на рынок труда* [11]. Г. Б. Кошарная и Н. В. Корж на основе своего исследования вывели следующую модель предпочитаемой работы студентов: высокий заработок, карьерный рост, интересное содержание труда. Однако дефицит многих ресурсов (и прежде всего, отсутствие профессионального опыта) вынуждают студентов в процессе поиска работы задействовать социальный капитал: *«Завышенные требования к будущей работе, отсутствие профессионального опыта приводят к трудоустройству с помощью «нужных связей и знакомств» (70,3 %)*.

Хотя данные выводы экспертов получены на основе исследования ценностных ориентаций молодых людей в сфере труда в целом, они вполне могут быть экстраполированы и на мотивы их вступления на неформальный рынок труда. Выявленная учеными специфика мотивов и ценностных установок молодежи, в свою очередь, определяет специфику реализуемой ею стратегии на рынке труда, на которую, кроме того, как было показано выше, оказывают влияние и уровень ресурсообеспеченности индивидов, и различные макроуровневые факторы – причины неформальной занятости.

В ходе анализа экспертной риторики удалось выявить проявление двух стратегий поведения на неформальном рынке труда: адаптационной и кумулятивной.

Наиболее очевидной и часто упоминаемой, на наш взгляд, является **адаптационная стратегия**. Об этом свидетельствуют следующие отмеченные экспертами функции неформальной занятости: *помогает выживать; альтернатива безработице; буферная зона, снижающая шоки на рынке труда; амортизатор; способ закрепления молодежи на рынке труда и т.д.* Перечисленные функции/факторы существования неформальных практик на рынке труда могут быть квалифицированы как специфическая адаптационная стратегия для достаточно широких масс. В связи с этим нам видится справедливым замечание С. Ю. Барсуковой о том, что всякие попытки

пресечь практики неформального найма являются нереальными и неоправданными [12].

Можно усмотреть много общего в подходах В. Н. Титова, С. Ю. Барсуковой, В. Е. Гимпельсона, Р. Капелюшникова к оценке неформальной занятости как адаптивной стратегии определенной части населения, не обладающей достаточными ресурсами для включения в легальную экономику и по различным причинам оказавшейся не в состоянии обеспечить для себя приемлемый уровень жизни.

Такая причина, как недоверие молодежи к обезличенным формальным государственным институтам, также отмеченная экспертами, порождает тенденцию конструирования стратегии, основанной на использовании социального капитала (социальных сетей) как более надежного ресурса с «человеческим» лицом. Это, в свою очередь, можно трактовать как проявление **кумулятивной стратегии**, выражающейся в ориентации на накопление разнообразного социального капитала, наращивание социальных связей и сетей.

Данный аспект проблемы акцентирован А. Н. Тарасовой, выявившей особую роль социальных сетей с акцентом на *«важности и необходимости формирования долгосрочных обменных отношений со своим актуальным и потенциальным окружением»* [5, с.90]. Исследование ученого показало большую распространенность подобных ориентаций среди российского населения: *«Большинство опрошенных (57%) отметили, что для достижения успеха в бизнесе в России необходимо иметь связи и покровительство»*. А. Н. Тарасова выделила две стратегии применения социальных связей на рынке труда: 1) когда принадлежность к определенному социальному кругу дает больше шансов на получение работы и успешного карьерного продвижения (назовем это стратегией принадлежности к определенной социальной группе); 2) репутационная стратегия – человек находит работу, зарекомендовав себя на одном из прежних мест.

Важность социальных сетей в функционировании неформального рынка труда актуализирована и в исследовании С. Бюссе, подчеркнувшей, что здесь они гораздо более востребованы, чем в формальной экономике: *«Взаимодействия в неформальной*

экономике основаны более на социальном капитале, на связях между людьми. ... Неформальные транзакции становятся возможными лишь благодаря мобилизации социального капитала, посредством использования социальных сетей» [13, с.103].

Другой аспект роли социальных сетей на неформальном рынке труда выявлен С. Ю. Барсуковой в контексте осуществленного ею анализа реципрокной экономики (экономики дара) как одного из сегмента неформального сектора. Исследователь дает объяснение феномену, вызывающему искреннее недоумение западных страховых компаний по поводу нежелания россиян страховать свою жизнь и здоровье: *«Люди предпочитают страховаться, "вкладываясь" в социальные сети, в круг друзей и родственников и надеясь на их помощь в кризисной ситуации, вместо того, чтобы делать взносы в формальную организацию. Такое неформальное страхование»* [12].

Кумулятивная стратегия представляется вполне адекватной и оправданной при выборе индивидами неформальной трудовой траектории, а выбор такой стратегии демонстрирует высокую ценность для индивидов не только материальных ресурсов на рынке труда, но и социальных. Однако кумулятивная стратегия, на наш взгляд, отнюдь не ориентирована на накопление лишь социального капитала; она также может быть направлена на накопление различных видов ресурсов (символических, культурных, образовательных и квалификационных и т.д.).

Таким образом, проделанный нами анализ экспертной риторики позволяет заключить, что исследователи концентрируются на анализе неформальной занятости как поведенческой стратегии молодежи, позволяющей не столько избежать безработицы и сопутствующей ей бедности, сколько использовать ее в качестве стартовой площадки для развития и накопления различных актуальных ресурсов. Исключительно ценен вывод ученых о том, что объем ресурсообеспеченности индивидов является ключевым фактором при выборе ими определенных стратегий на рынке труда (например, неформальный найм, самозанятость, кооперация, сети поддержки и т.п.).

Литература

1. Титов В. Н. Социально-психологические аспекты функционирования неформальной экономики // Общественные науки и современность. – 2002. – №5. – С. 66-77.

2. Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2003. – 325 с.
3. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов их конвертация // Экономическая социология. – 2002. – №4. – С. 20-32.
4. Зудина А. А. Влияние неформальной занятости на самооценки социального положения: Автореф. дисс. кан. соц. наук. – М., 2014. – 25 с.
5. Давыденко В. А. Социология неформальных отношений: экономика, политика, культура / В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина, Ю. П. Абдалова, Н. В. Мездрин, А. Н. Тарасова, В. Г. Захаров, С. Я. Сухарев // Коллективная монография под редакцией В. А. Давыденко. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2005. – 239 с.
6. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Жить «в тени» или умереть «на свету»: неформальность на российском рынке труда. URL: <http://institutions.com/download/27-general/2284-zhit-v-teni-ili-umeret-na-svetu.html> (дата обращения 15.09.2015).
7. Рывкина Р. В. Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – 440 с.
8. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. – 2010. – №2. – С. 45-55.
9. Овчинникова Ю. В. Ресурсообеспеченность различных социально-демографических групп городского населения: Автореф. дисс. кан. экон. наук. – М., 2011. – 24 с.
10. Белов Е. А. Теневые практики как источник формирования поведенческих особенностей молодежи в сфере труда // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 1. – С. 120-124.
11. Кошарная Г. Б., Корж Н. В. Ценностные предпочтения студенческой молодежи в сфере труда // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2010. – №2 (14), – С. 64-73.
12. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: структура и функциональная специфика сегментов: Автореф. дисс. д. соц. наук. – М., 2004. – 35 с.
13. Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. – 2002. – №2. – С. 93-104.

Сведения об авторах:

©**Бурганова Лариса Агдасовна** – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: labourg@yandex.ru.

©**Акмалова Энже Мустафовна** – аспирант кафедры государственного, муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: enje.nurieva@gmail.com.

Information about the authors:

©**Burganova Larissa Agdassovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: labourg@yandex.ru.

©**Akmalova Enje Mustaphovna** – post-graduate student of the Department of Public Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: enje.nurieva@gmail.com.

И. З. Гарафиев

**ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА К АНАЛИЗУ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФАКТОРА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Ключевые слова: человеческий капитал, стратификация, образование, эксперты.

В статье рассмотрены концептуальные основания применения теории человеческого капитала к анализу образовательного фактора социальной стратификации общества. На основе анализа тенденции развития современного общества выявлено формирование новой социальной группы «экспертов» или «символических аналитиков», социальный статус, которых определяется уровнем развития их человеческого капитала.

I. Z. Garafiev

**APPLICATION OF THE THEORY OF HUMAN CAPITAL TO EDUCATIONAL
FACTORS OF SOCIAL STRATIFICATION'S ANALYSES**

Keywords: human capital, stratification, education, experts.

The author applies the foundations of human capital theory to the analysis of the educational factor of social stratification of a society. The formation of a new social group of "experts" or "symbolic analysts," whose social status is determined by the level of development of their human capital .is specified using analysis of modern society's trends of development.

Современное общество, основанное на экономике знания, трансформирует прежнюю систему стратификации, все больший удельный вес получают работники, занимающиеся обработкой информации и знания, которые теоретически обосновывают, планируют и осуществляют практические действия. Существуют различные термины, обозначающие данную группу: «символические аналитики» Р. Райха, «эксперты знания» П. Друкера, «когнитариат» Э. Тоффлера, информационные работники М. Кастельса. Во многом выделение данной группы является развитием идеи меритократии, когда успех достигается не за счет унаследованных преимуществ, а за счет способностей и усилий, приложенных во время обучения. В современном обществе работнику вне зависимости от конкретной специальности, требуется качественное образование. Деятельность университетов направлена на формирование у студентов, «актуальных компетенций», чтобы после получения диплома они могли удовлетворить запросы работодателей. К таким «актуальным компетенциям» относятся: коммуникативные навыки, умение работать в команде и разрешать проблемы, адаптивность, готовность «учиться всю жизнь». Затем для тех, кто получил подтверждение своих возможностей в

виде университетского диплома, если он нацелены на дальнейший успех, необходим «портфолио» личных достижений, чем он лучше, тем более успешнее работник.

Развитие современного общества происходит благодаря «экспертам» разного рода, ряд авторов описывает роль образованных членов общества, указывали на их какие-то отличия: технические навыки, когнитивные способности, формальное образование. Но суть данного подхода выражена в тезисе, что образованные элиты играют в обществе ключевую роль. Данный подход основан на положении, что разделение труда и технология определяют неизбежную иерархию власти и статусов. Это является главной причиной «естественного» неравенства, имеющего внесоциальную природу, влекущего за собой огромные социальные последствия [1, p.49].

Безусловно, увеличение значения «экспертов» в обществе, не одномоментный процесс, начавшийся еще в индустриальную эпоху, рост информационных технологий лишь стал его катализатором. Историк Г. Перкин попытался описать процесс преобладания профессионального труда в Англии начиная с 1880-х годов. Автор полагает, что можно говорить о возникновении «профессионального общества», в котором определяющим

становится «человеческий капитал, созданный образованием и подкрепленный... исключением неквалифицированных работников» [2, р.2].

Г. Перкин пишет о сертифицированной экспертизе, которая стала «организационным принципом послевоенного общества» [2, р.406]. Эксперты пришли на смену ранее доминировавшим социальным группам (рабочему классу, капиталистам-предпринимателям и земельной аристократии), их устаревшие идеалы (сотрудничества и солидарности, собственности и рынка, благородного джентльмена) были заменены собственной профессиональной этикой - сервис, сертификация и эффективность. Разумеется, профессионалы, занятые в частном секторе, горячо спорят с профессионалами, работающими в общественной сфере. Однако Г. Перкин настаивает, что это борьба внутренняя, борьба внутри «профессионального общества», когда бесповоротно исключается серьезное участие в ней неэкспертов и разделяются общие базовые ценности (в особенности приоритет профессиональной экспертизы и вознаграждение по заслугам).

Схожие с Г. Перкиным идеи высказал О. Гоулднер. Он пишет о возникновении «нового класса», под которым он понимает новый тип наемного работника, широко распространившийся в XX в., «состоящий из интеллектуалов и технической интеллигенции» [3, р. 153]. Этот новый класс, безусловно, желает улучшить свое материальное положение и зачастую зависит от властных структур, но он способен противостоять контролю со стороны бизнеса и политиков. Несмотря на наличие потенциальных возможностей, внутри «нового класса» существует противостояние между технократами и конформистами, с одной стороны, и интеллектуалами-гуманитариями, настроенными независимо и критически, – с другой. Это различие Г. Перкин определяет как конфликты между профессионалами, занятыми в частной сфере, и профессионалами, работающими в общественном секторе. По О. Гоулднеру, «новый класс» предоставляет нам обществу язык, на котором возможно вести обсуждения и дискуссии относительно направления дальнейших социальных перемен, по Г. Перкину, профессионалы создают новые этические принципы для организации жизни общества. Для таких исследователей, как Г. Перкин и О. Гоулднер, количественный фактор не главное: как бы не увеличилось группы, о которых идет речь, в пропорции ко всему населению они остаются в явном меньшинстве.

Подтверждение идей этих авторов можно найти при анализе степени новизны тех отраслей, которые интенсивно используют знание. Всеобщий ажиотаж сейчас вызывают биотехнологии и IT-технологии, но есть и в прошлом столь же очевидные примеры бизнеса, построенного на знании. Нефтехимия, фармацевтика, авиационная и космическая техника, производство электроэнергии появились в начале XX века и внесли значительный вклад в экономическое развитие государств и в решение проблемы занятости.

Г. Перкин также указывает, что высшее образование не дает привилегированного положения. Не менее важно позиционирование на рынке и возможность завладеть рычагами влияния на него. С середины 1970-х годов произошло резкое увеличение числа работников некоторых профессий (университетских преподавателей, архитекторов, исследователей, библиотекарей и врачей), огромный рост людей, получивших высшее образование, и в то же время спад отдачи от него. Почти все свидетельствует о значении не столько информационного труда, сколько места на рынке, которое вне зависимости от интеллектуальной одаренности работника оказывается решающим фактором.

Подводя итог, можно сказать, что доминирование профессионалов-экспертов проходило в обществе на протяжении более чем столетия. В социуме всегда существовала определенная социальная группа, выполнявшая функцию применения теоретических знаний для решения общественно значимых задач, без их оценки ни государственные деятели, ни предприниматели не способны начать тот или иной проект. Однако только в современном обществе значимость этой социальной группы стала столь весомой, во-первых, из-за увеличение количества информации и дальнейшей специализации знаний, во-вторых, из-за облегчения коммуникации, благодаря информационным технологиям внутри самой группы, что позволяет выработать некие универсальные принципы.

Все это привело к возникновению сетевого взаимодействия между экспертами. Сетевые проекты являются способом взаимодействия между собой людей, занимающихся производством и распространением знания, информации и технологии, т.е. местом приложения деятельности экспертов по внедрению инновации являются сети. Ч. Лидбитер полагает, что рост значения знания и информации приводит к формированию новой «легковесной экономики», в которой нет

необходимости зарабатывать в поте лица. Он считает, что «смышленность, изобретательность, способность налаживать и использовать "сети" и есть ключ к успеху в новой "легковесной" экономике». Материальное благополучие достигается не благодаря затраченным физическими усилиями, а за счет «идей, знаний, навыков, таланта и креативности» [4, р. 406]. Примерами подобного успеха являются проекты дизайнеров, дилеров, имиджмейкеров, музыкантов, биотехнологов, геномных инженеров.

Тезис Р. Райха о том, что «символические аналитики» стали главным двигателем экономики и организаторами инноваций, является составной частью его концепции гибкой специализации. Р. Райх полагает, что «символические аналитики» осуществляют и развивают те методы работы, которые легче понять не с позиций внутрикорпоративной иерархии, а с позиций «глобальной паутины» [5, р.177]. Эту идею разделяли многие влиятельные социологи, в том числе Мануэль Кастельс.

В современной экономике корпорации, благодаря информационным технологиям, ликвидируют жесткую корпоративную иерархию с целью оптимизации затрат и увеличения конкурентоспособности [6]. Все это приводит к тому, что больше полномочий получают те, кто внедряет и инициирует инновации, создавая новые рыночные возможности для развития компании [7]. Это профессионалы-эксперты, они имеют хорошее образование и высокую квалификацию, их мало интересуют особенности функционирования бюрократического аппарата. Лояльность и заинтересованность экспертов связана не с компанией, а с проектом, над которым они работают. Но в еще большей степени они идентифицируют себя с коллегами, в том числе и живущими в других странах и работающими в той же области. Их главным мотивом становится высокая оценка коллег, а ежегодная надбавка к заработной плате уходит на второй план.

В своей ежедневной работе эксперты в основном опираются на сетевые связи с коллегами, которые могут находиться на значительном расстоянии от них, но, так как все они в одной сети, их легко собрать, когда это необходимо. В современном обществе, где главным конкурентным преимуществом является гибкость, наибольшим спросом пользуются эксперты. Они могут действовать быстро и имеют список достижений, подтвержденных несколькими успешными проектами. Примером, иллюстрирующим это

явление, является работа программиста, научного работника или журналиста. Для них главная забота - программный продукт, находящийся в разработке, исследовательский проект или статья, готовящаяся к печати; с этой целью они постоянно прибегают к экспертизе своих сетей. Такие работники непрерывно совершенствуют свои умения, общаясь с коллегами и, готовясь к следующему проекту, с удовольствием переходят от одного проекта к другому. Короче говоря, они - гибкие специалисты *par excellence*.

Все выявленные тенденции развития современного общества, могут быть персонифицированы в отдельно взятом человеке, который должен быть участником ряда проектов, т.е. входить в сеть, обладать статусом эксперта и владеть определенным запасом знаний [8]. Если с первыми двумя критериями все понятно, членство в проектах, выявляется через портфолио сотрудника, а статус эксперта доказывается благодаря наличию сертификатов, то уровень знаний не может быть определен благодаря только диплому об образовании, так как эксперт должен владеть специализированными знаниями. Разрешить данную проблему позволяет понятие специального человеческого капитала.

Одним из новаторских подходов Г. Беккера к теории человеческого капитала стало выделение им общей и специальной подготовки на рабочем месте, данное деление стало позже именоваться как общий и специальный человеческий капитал. Ключевой особенностью общей подготовки является то, что она «способна приносить пользу во многих фирмах, а не только там, где она была получена» [9, с. 56]. Фирмы не будут возражать против нее в том случае, если «они вообще не будут участвовать в оплате ее издержек, лица, получающие общую подготовку, будут готовы платить за нее, поскольку она повышает их будущую заработную плату» [9, с. 56].

При этом следует учитывать, что «работники платят за общую подготовку, получая заработную плату ниже, чем они могли бы иметь где-либо в другом месте» [9, с. 58], т.е. они несут инвестиционные издержки, надеясь в будущем их восполнить более высокой заработной платой. Специальная подготовка предполагает получение работником таких знаний, которые могут быть использованы только в данной конкретной фирме, в идеале «полностью специальной подготовкой можно считать подготовку, никак не отражающуюся на тех производственных

характеристиках работников, которые могли бы иметь ценность для других фирм» [9, с. 65].

Издержки за специальную подготовку должна нести фирма: «если подготовка полностью специальная, то заработная плата, на которую может рассчитывать работник в других местах, никак не будет связана с полученной им подготовкой. Тогда вполне можно полагать, что и заработная плата в фирмах, предоставляющих подготовку, также не будет от нее зависеть. В таком случае фирмы будут вынуждены брать на себя издержки подготовки» [9, с. 66-67], отдачей от такой подготовки станет высокая прибыль, обусловленная высокой производительностью работника.

Наиболее значимым, на наш взгляд, является вывод о том, что специальная подготовка не ограничивается только рамками

конкретной фирмы: «какие-то виды подготовки могут иметь ценность не для большинства фирм и не для одной фирмы, а для ограниченного их числа (в зависимости от выпускаемой продукции, характера работы или географического расположения)», т. е. специальная подготовка может быть осуществлена для какой-то «отрасли, профессии или страны» [9, с. 77].

Данный тезис Г. Беккера впоследствии нашел отражение в выделении двух типов специального человеческого капитала: специального человеческого капитала фирмы (*firm-specific human capital*) и специального человеческого капитала отрасли (*industry specific human capital*), последний и является тем понятием, которое отражает запас знаний эксперта, необходимый для внедрения инноваций.

Литература

1. Webster F. Information Technology: A Luddite Analysis. / F. Webster, K. Robins. – Norwood, NJ, 1996.
2. Perkin G. The Rise of Professional Society: Britain since 1880. – L.: Routledge, 1990.
3. Gouldne A. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. – N. Y.: Seaburypress, 1979.
4. Leadbeater Ch. Living on Thin Air: The New Economy. – NY.: Viking, 1999.
5. Reich R. The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism. – New York: Knopf, 1991.
6. Гарафиев И. З. Государственная поддержка инновационных технологий в экономике обучения (на примере совершенствования технологии глубокой переработки нефти в Республике Татарстан // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 15. – С. 238-244.
7. Гарафиев И. З. Отношение руководителей организации к развитию инновационного человеческого капитала работников в процессе его конвертации в интеллектуальный капитал / И. З. Гарафиев, А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова, Г. И. Гарафиева // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – № 16. – С. 260-263.
8. Гарафиев И. З. Стимулирование социального заказа на инновационный человеческий капитал как проблема развития интеллектуального капитала/ И. З. Гарафиев, А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова, Г. И. Гарафиева // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – № 17. – С. 266-269.
9. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 425 с.

Сведения об авторе:

©**Гарафиев Ильшат Зуфарович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: giz05@mail.ru.

Information about the author:

©**Garafiev Ilshat Zufarovich** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: giz05@mail.ru.

УДК 316

А. Р. Тузиков

СОЦИОЛОГИЯ В ТЕХНИЧЕСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ: «НЕФОРМАТ» ИЛИ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФОРМАТ?

Ключевые слова: тренды в университетском образовании, новые универсалии, роль социологии в новых универсалиях, социология и междисциплинарность в исследованиях, образовании, СТС.

Статья посвящена анализу трендов в развитии современных университетов и роли социологии в этих процессах. Особое внимание уделяется традициям и современной практике использования социологических наук в исследованиях и образовании. На основе сравнительного подхода выделяются перспективные направления и задачи, стоящие перед социологией в технических вузах России.

A. R. Tuzikov

SOCIOLOGY IN TECHNICAL UNIVERSITIES: UNNECESSARY THING OR NECESSARY PART OF UNIVERSITY EDUCATION?

Key words: Trends in universities educations, new universals. role of sociology in new universals, sociology and interdisciplinary in research and education, STS.

The article deals with trends in modern universities development. The author tries to expose the role of sociology in universities, especially in technical (applied science) ones. Special attention is paid to traditions and today practice of using sociology in researches and education. On the basis of contemporary approach the main tasks and perspectives of sociology in Russian technical universities are specified.

Современное высшее образование в России сталкивается с целым рядом вызовов, которые определяют текущую «повестку дня». Причем они часто носят противоречивый характер, что отражается и в мнениях экспертов, и в оценках общественности. Данные оценки проявляют себя в конкретных действиях людей и в решениях, принимаемых со стороны органов государственного управления и менеджмента вузов. Противоречивость вызовов (о них чуть позже) и их отражение в социальной деятельности имеют явные общественные последствия.

Так, с одной стороны, наблюдается явный вызов массовизации высшего образования. В странах ОЭСР более 50% взрослых имеют высшее образование. В нашей стране в 2015 году насчитывалось примерно 6 млн студентов и было выделено 324 200 бюджетных места по программам бакалавриата и специалитета [1]. По данным ВЦИОМ, для своих детей и внуков родители ориентированы именно на высшее образование (до 70%) [2]. С другой стороны, массовизация влечет за собой проблему обеспечения достойного качества такого образования и проблему девальвации «массовых дипломов» в условиях ресурсных ограничений (преподаватели, библиотечные фонды и т.п.).

Университеты были и остаются неким маркером «хорошего» образования. Не случайно университетское образование всегда ценилось и не удивительно, что большинство наших вузов, как представилось возможным, поспешило обрести формальный университетский статус. Вместе с тем, считаться университетом и быть им – большая разница. Традиционные миссии университетов по воспроизводству культуры, элитных кадров, организации свободного научного поиска, производства и трансляции знаний в настоящее время подвергаются вызовам маркетинга и утилитарности знаний. На смену бренду «Храм науки» приходит бренд «Технологии, инновации и подготовка кадров Ltd». Корпорация и корпоративная культура полезности с ориентацией на финансовый результат вытесняет культивирование истинного знания как главной ценности университета.

Новыми миссиями университетов выступают:

- Университет – фабрика полезных знаний (утилитарность вместо фундаментальности)
- Университет – средство добиться успеха в жизни

- Университет – инструмент решения социально-экономических проблем общества и обеспечение безопасности
- Университет – инструмент обеспечения технических прорывов, создания новых технологий и их коммерциализации
- Университет – инструмент обеспечения международной (глобальной) конкурентоспособности
- Университет – место предоставления научно-образовательных и консалтинговых услуг клиентам
- Университет – институт обеспечения инновационного развития

На съезде ректоров российских вузов в 2014 году говорилось, что: «Историческая миссия российских университетов сегодня — готовить в интересах государства высококвалифицированных специалистов для рынка труда, наращивать интеллектуальный потенциал для научно-технологического развития страны, обеспечивать обществу постоянный приток современно мыслящих, укоренённых в национальной системе духовных ценностей и социально ответственных молодых граждан» [3].

На протяжении последних ста лет в университетах сохранялось сочетание естественно-научного и социально-гуманитарного знания. Таких понятий, как профильность и непрофильность, просто не существовало. Поэтому не удивительно, что, обретя университетский статус и ориентируясь на рыночный спрос со стороны абитуриентов, бывшие «политехи» стали создавать кафедры социальных наук и открывать образовательные программы, в том числе и в области социологии. Кафедры социологии или объединенные кафедры типа социологии и политологии были созданы практически во всех «новых университетах».

Надо сказать, что это отнюдь не противоречило и сейчас не противоречит опыту ведущих зарубежных технических вузов. Например, в крупнейшем техническом университете США Массачусетском технологическом институте, наряду с факультетами архитектуры, естественных наук и инженерии, существует и факультет социальных наук. В образовании социологические науки там представлены в бакалаврских и магистерских программах: «Наука, технологии и общество», «Женщины и гендерные различия», «Сравнительные исследования масс-медиа». Кроме того, курсы по социологии науки и техники, социология города читаются практически всем студентам,

независимо от направления подготовки. Сходный факультет и программы имеет и Калифорнийский технологический институт. Активно присутствуют социологические науки и в Дублинском технологическом институте, где, помимо факультетов в области масс-медиа и социальной работы, курс по социальным наукам читается студентам всех факультетов. И пусть не смущает, что в названиях перечисленных вузов отсутствует слово университет. Это настоящие университеты. И социологические науки являются там вполне «профильными», то есть вписываются в университетский формат.

Конечно, время меняет и типы университетов. Сегодня принято выделять на основании традиционной классификации: классические и технические университеты (университеты прикладных наук), по акцентам деятельности: исследовательские, инновационно-предпринимательские университеты, ориентированные на инновационные разработки, технологии, а также коммерциализацию знаний, и университеты – «образовательные гипермаркеты», ориентированные не на науку и технологии, а на предоставление, главным образом, образовательных услуг.

На наш взгляд, развитие университетов как формы организации взаимодействия науки, образования и инновационной деятельности неотделимо от содержания и форматов «упаковки знаний», новых «универсалий», связанных с новыми трендами в развитии культуры и общества, новыми технологическими укладами.

Среди таких трендов социально-культурного характера особо выделим:

- Тренд усиления роли коммуникаций, в том числе сетевых, как условия результативности деятельности и творчества
- Тренд усиления междисциплинарности (метапредметности) научных знаний
- Тренд усиления проектного формата деятельности и значения предпринимательских начал в ее организации

Резонно предположить, что новые вызовы и тренды в развитии общества выдвигают на передний план разработку новых квантов знания (понятий, способов мышления и деятельности, языка и формы упаковки информации). Такими новыми «универсалиями», задающими формат университетского образования в XXI веке, на наш взгляд, могут быть:

- проектные

- социально-коммуникативные
- предпринимательские
- организационно-управленческие
- цифровые (цифровое форматирование информации)
- технологические, в том числе связанные с работой со знаниями и мышлением
- междисциплинарные (НБИКС и Science and Technology Studies - СТС). НБИКС – нано-био-информационно-когнитивные и социальные науки в единстве как подход к изучению и решению сложных систем живой материи и общества. СТС – условный перевод как социология науки и техники, направление системного анализа проектирования и обеспечение функционирования технических систем в обществе.

Изменения и вызовы современности, акцентирующие в значительной степени не столько технические, сколько технологические знания и компетенции, позволяют говорить о новом типе современных университетов – технологических, в которых производственные технологии проектируются и изучаются в комплексе с социальными технологиями (управленческими, коммуникативными, маркетинговыми и т.п.). Технологии становятся главным ключом к успеху в любой деятельности. Перефразируя известный тезис, можно сказать: «Кто владеет технологиями – владеет миром».

В рамках сказанного социологические науки вполне вписываются в новые тренды и способны стать органической частью «новых универсалий», ведь сама социологическая наука возникла на стыке нескольких общественных дисциплин и в принципе неограничена в своей профилизации применительно практически к любой деятельности человека. Мы легко можем представить себе социологию инженерной деятельности, социологию инновационной деятельности, социологию науки, социологию предпринимательства, социологию управления, социологию массовых коммуникаций и т.п., не говоря уж об отраслях экономики как объектах социологического анализа (например, социология нефтегазохимического комплекса или металлургии).

Не лишне напомнить, что предприятие или отрасль производства представляют собой социотехнический объект, образующийся во взаимодействии социальной организации производства, человеческого капитала, организационной и технологической культуры коллектива работников и технико-технологической базы предприятия (машины и

т.п.). Традиции социологических исследований промышленных предприятий насчитывают не одно десятилетие. Достаточно вспомнить Хотторнские эксперименты Э. Мейо в тридцатые годы, школу индустриальной социологии (industrial sociology) или проект ИКСИ АН СССР 1968-73 годов.

Социологический подход к деятельности и мышлению человека предполагает их социальный характер и формирует исследовательский процесс посредством выделения аспектов институтов и институционализации деятельности, ее структурных аспектов, выявления социальных субъектов и интересов деятельности, проблематики ролей и статусов, социальной организации и культуры. Правда социологии и социальным наукам в целом еще предстоит четко определить свое место в рамках НБИКС.

Возвращаясь к роли социологии в российских технических университетах, отметим, что она оказывается во многом жертвой ярлыка «непрофильности», который отражает узкое понимание сущности и возможностей социологического знания. Вместе с тем, один из идеологов современных реформаторов отечественной высшей школы И. Абанкина отмечает: «Вызовы современного общества требуют развития креативного потенциала человека как условия успешной карьеры. Помимо профессиональных знаний становятся важны универсальные управленческие навыки – умение работать в рамках проектного подхода, создавать команду, быть лидером, искать и анализировать информацию. Это позволяет человеку быть гораздо мобильнее на рынке труда, переходить из одной сферы в другую» [4]. А ведь все перечисленные компетенции успешно могут формироваться в курсах общей и специальных социологических дисциплин или в рамках курсов, разработанных на основе социологических наук.

Нельзя не упомянуть и о важности проведения в современных условиях социально-гуманитарной экспертизы инженерно-технических проектов. Умение оценить в таких проектах социальный эффект, риски и значимость – важная характеристика современного специалиста. Отечественный исследователь Г.В.Панина отмечает: «...вследствие сложности и специфичности инженерного труда контроль над процессами конструирования и эксплуатации техники со стороны нейтральных экспертов крайне затруднен. Он может быть эффективен только в случае участия в нем самих разработчиков технических устройств. Это означает:

современный инженер должен научиться оценивать социокультурные последствия своей профессиональной деятельности, что требует реализации новой концепции инженерного образования, предполагающей понимание социокультурных оснований техники и инженерного творчества. Социогуманитарная составляющая современного инженерного образования становится не просто дополнением к естественно-научным и техническим знаниям, а составной частью фундаментальной инженерной подготовки» [5].

Тренд интеграции и междисциплинарности в современных науках наиболее ярко проявляет себя в такой традиции, как «Наука, технологии и общество или социология науки и техники» (STS).

«STS – одна из наиболее динамично развивающихся областей гуманитарных исследований, включающая такие направления, как социология науки, социология техники, антропология науки, антропология техники, индустриальная социология, история науки и технологий, философия науки, сравнительная социология (comparative sociology)» [6].

STS как междисциплинарное направление исследований отражает тренд интеграции социологии в исследовательские программы технического направления. Данное направление берет начало от традиций социологических исследований науки Р.Мертон, но, разрывая традиции, ярко проявляет себя в таких новых традициях, как акторно-сетевая теория Бруно Латура [7] и социальное конструирование технологий Веба Бинджера и Тревор Пинча [8] (отказ от технологического детерминизма в пользу анализа того, как институционализируется новое знание в обществе в процессе взаимодействия интересантов). По оценкам ученых Санкт-Петербургского европейского университета, «конкретные кейсы изобретения велосипеда, автомобилей и синтезаторов помогли увидеть, каким образом в деталях происходит социальное конструирование технологий, начиная от работы заинтересованных социальных групп и заканчивая включением изобретения в смысловую рамку восприятия его как важного и необходимого для жизни тех, кто будет им пользоваться» [9].

Указанные выше авторы внесли большой вклад в преодоление тенденции отстранения социологов от изучения процессов в науке и технике, демонополизировав эту сферу от сугубо инженерно-технического доминирования. Среди тематик STS исследований взаимодействия людей и вещей в

научных лабораториях, изучение инновационных рисков, инновационной культуры, специфики взаимодействий в процессе разработки новой техники, академическая мобильность, наукометрия и т.п.

Вот, например, как выглядит тематика исследований в области STC в департаменте социологии технического университета Берлина:

- Социальные процессы-Инновации – Риски
- Проект «Новые формы исследовательских организаций (центры превосходства). Главная задача – изучение последствий социального неравенства в исследовательском процессе для междисциплинарного сотрудничества.
- Кейс стадии исследовательских организаций в области физики

В настоящее время курсы по истории, социологии и философии технологий присутствуют в программах ведущих университетов мира – Гарварда, Кембриджа, Корнелла, Стэнфорда, Массачусетского технологического университета и многих других. Факультеты и центры, изучающие Science and Technology Studies, существуют практически во всех американских и европейских университетах. Ведущими центрами STC являются:

- Эдинбургский университет (UK) - Edinburgh Institute for the Study of Science, Technology and Innovation.
- Department of Science and Technology Studies, Cornell University (США)
- European Association for the Study of Science and Technology (EASST), Netherlands
- Science, Technology & Human Values (journal of the Society for Social Studies of Science (4S))

STC является и формой эффективной интеграции социологического и технического направлений в образовании. Так в техническом университете Мюнхена реализуется магистерская программа «Наука и Технологии в технологизированном обществе», в Корнельском университете (США) развиваются не только магистерские, но и докторские программы по СТСТ, в том числе применительно к сфере биологии и медицины.

В России также уже появились центры развития STC. Лидирующие позиции тут занимают Центр исследований науки и технологий (Центр STS) Европейского университета в Санкт-Петербурге, PAST центр в Национальном исследовательском Томском государственном университете. PAST –

аббревиатура от Политического анализа и Изучения Технологий. Среди тем их исследований:

- Исследования инновационного предпринимательства

- Исследования экспертного знания

- Политика и экономика университетов

- Политика оценки новых технологий: стратегии экспертов и заявителей

В заключение отметим, что социологическое знание в российских университетах технического профиля, на наш взгляд, необходимо, так как оно выступает:

- Отражением фундаментальности университетского образования и ядром «новых универсалий»

- Основой формирования управленческих, маркетинговых и т.п. компетенций для инженеров

- Средством формирования системного междисциплинарного мышления

- Составной частью процессов интеграции наук и направлений подготовки, например СТС

- Инструментом воспроизводства общегражданской российской идентичности и «картины мира», что в условиях

информационной войны против России как никогда актуально

Дальнейшее развитие социологии в технических и технологических университетах, как мы считаем, должно быть увязано, во-первых, с развитием лабораторий социологических исследований научно-образовательной и воспитательной деятельности вуза (научная рефлексия и прикладные исследования здесь очень важны для управленческих решений); во-вторых, с интеграцией социального и технического знания в формате СТС и интегрированных магистерских программ типа «Социология инноваций» или «Управление социальной инфраструктурой развития инноваций в нефтехимии», которые предполагают, что поступающие на них имеют первое техническое образование; в-третьих, исследовательская активность в традициях исследования предприятий как социотехнических объектов и, в-четвертых, с активизацией развития такого направления деятельности, как социально-гуманитарная экспертиза технических проектов.

В любом случае современный университет, как показывает зарубежный опыт, включает в себя в различном формате социологические науки и выигрывает от этого.

Литература

1. http://ria.ru/sn_edu/20150903/1227706583.html (дата обращения: 10.08.2015).
2. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112597> (дата обращения: 10.08.2015).
3. <http://www.sr.27.ru/media/attachments/2014/11/23/new-univers.pdf> (дата обращения: 10.08.2015).
4. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3960#top-content (дата обращения: 10.08.2015).
5. <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/02/23/1214891760/Panina.pdf> (дата обращения: 10.08.2015).
6. <http://eu.spb.ru/socio/655-research/center-of-science-and-technology-studies/11534-what-is-sts> (дата обращения: 10.08.2015).
7. Latour, Bruno. 1987. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
8. Pinch, Trevor J. and Wiebe E. Bijker. "The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other." *Social Studies of Science* 14 (August 1984): 399-441/
9. <http://trv-science.ru/2012/07/31/sociologiya-nauki-novye-perspektivy/> (дата обращения: 10.08.2015).

Сведения об авторах:

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: atuzikov@rambler.ru.

Information about the authors:

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, The Head of the Department for Public Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: atuzikov@rambler.ru.

УДК 316.7

О. В. Лисина

ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Ключевые слова: методика эмпирической оценки религиозности, В-индекс, здоровьеориентированность, эклектичная религиозность.

Проанализирован отечественный и зарубежный социологический опыт эмпирической оценки религиозности. Выявлен потенциал «В-индекса» В. Ф. Чесноковой в измерении степени и интенсивности религиозности. Осуществлен мониторинг универсальных методик оценки показателей религиозности. Определены специфика и проблемы измерения религиозности в России. Представлены результаты сравнительно-корреляционного анализа в рамках исследования витальности образа жизни религиозных и нерелигиозных студентов.

O. V. Lisina

RECOVERY PRACTICE OF THE YOUTH AND RELIGION

Keywords: methods of empirical assessment of religiosity, «C-index», churched, health-oriented, eclectic religiosity.

The author analyzed domestic and foreign experience of sociological empirical assessment of religiosity. Potential of the «C-index» by V. F. Chesnokova is studied in order to measure the extent and intensity of religiosity. Also the monitoring of methodologies for assessing indicators of religiosity is done. The specificity and the measurement problem of religiosity in Russia are specified. The results of comparative and correlation analysis of vitality lifestyle studies of religious and non-religious students are presented.

Проблема измерения степени и интенсивности религиозности в условиях религиозной эклектичности общества была поставлена еще до эпохи постмодерна. Возрастание эклектичных взглядов в обществе П. Бурдье связывал с «духовной пауперизацией» и истощением традиционного религиозного капитала при взаимодействии с новыми формами [1]. Согласно П. Бергеру, рядовой человек «сталкивается с большим разнообразием религиозных и иных сил, предлагающих определения реальности, которые борются между собой за обращение его в свою веру или, по меньшей мере, за его внимание и ни одна из которых не имеет силы принудить» [2]. Возрастание тревожности относительно гипертрофированной эклектичности мышления современного человека подтверждается конструированием таких концептов, как «гражданская» и «правильная» религия (Р. Н. Лункин), «репрезентативный дуализм» (Дж. Барретт), «гибридный идеал» (А.С. Ахиезер), «рынок спиритуальных товаров» (А. Тоффлер), «религиозный калейдоскоп» (Е. Г. Балагушкин), введено понятие «религиозная норма» (Л. С. Астахова) и т.д. Нравственный релятивизм, гегемония симулякров,

активировавшая механизм системной имитации реальности, согласно В. П. Бабинцеву [3], привели к «играизации» – имитации рефлексивности современной российской молодежью и «атомизации» – солидарности к принципам индивидуализма, эгоцентризма. По заключению А. С. Ахиезера, слабость социальных, культурных интеграторов, атомизация общества влечет за собой распад традиционных связей. Д. Е. Фурман, К. Каарияйнен указывают на мировоззренческую неопределенность молодежи, о приумножении «маргинальных» религий пишет П. Г. Носачев, «латентной атеизации» – Е. А. Кублицкая. Социологическое освоение характеристики амбивалентности религиозности в условиях «глобального религиозного рынка», динамизированных глобальных потоков, влияющих на интенсивность религиозного обмена, осуществляется авторитетным религиоведом Е. С. Элбакян, Е. В. Гутовым, В. С. Глаголевым и др. Изучению мировоззренческого кризиса личности в секуляризованной культуре постмодерна, новых форм религиозности и влияния плюралистических взглядов на культурную идентификацию в РФ посвящены труды О. А. Богдановой, в которых также предложена

классификация нетрадиционных религий. Особенности религиозного самоопределения и векторы религиозного поиска молодых россиян, его социокультурные, психологические детерминанты репрезентованы в научных работах многих отечественных социологов. Все это подтверждает социальный заказ на изучение данного явления, заставляет задуматься о необходимости укрепления национально-культурного фундамента и возрождения ценностных констант для обретения россиянами духовного иммунитета.

Главная трудность эмпирического измерения религиозности в российских условиях, согласно изысканиям ряда социологов, связана с тем, что, во-первых, религия утратила свойство институциональности, во-вторых, религиозная идентичность перестала быть коллективной. Это делает практически невозможным осуществление единоразовой социологической оценки массового скопления индивидуальных религиозностей в рамках одной религиозной культуры (в нашем случае христианской), выражающихся в разнородных религиозных практиках, диффузном религиозном сознании, избытии «индивидуальных Богов», иногда и обесценившихся догматах. Тем сложнее представляется то, каким должен быть инструмент сбора подобного рода информации, но очевидны следующие его характеристики: 1) качественный, глубинный срез; 2) универсальный в культурном пространстве определенного вероучения; 3) способный распознать религиозные смыслы субъекта в имплицитных состояниях, практиках, действиях, вне устоявшихся представлений о проявлениях религиозности, вне какой-либо классификации, ограничивающих шкал и вариантов ответа. Сегодня решение этой методической метазадачи особенно важно, поскольку современный человек, идентифицирующий себя как православный, может быть абсолютно нерелигиозным, индифферентным, а его религиозное поведение по факту может быть псевдорелигиозным или даже противоречить, с точки зрения социальной легитимности, традиционным основам данного вероучения. По мнению Р. Н. Лункина, сегодня православность выступает как способ самоидентификации, а не реального исповедания какой-либо веры.

К социологически грамотному изучению индикаторов религиозности стремится сегодня большинство исследователей. За последнее десятилетие представлено немало оригинальных и

модифицированных методик эмпирической оценки религиозности, крайне сложно свести их к единому знаменателю – систематизировать, но попытки имеют место. Так, согласно отечественному исследователю С. Д. Лебедеву, все подходы к определению смыслообразующего ядра религиозности и его критериев, потенциально измеряемых социологическим инструментарием, можно подразделить на три группы, в зависимости от детерминирующего признака: 1) самоидентификация, 2) круг мировоззренческих представлений, характерных для данного вероисповедания, 3) совокупность практик, свойственных данной религиозно-культурной традиции. Представленный классификационный анализ соответствует классическому представлению о главных компонентах религиозности – отношение к религии/религиозные отношения (эмоциональный контент), репрезентации религиозных идей в сознании (когнитивный), религиозные практики, включенность в религиозную жизнь (поведенческий) и дихотомии «объективное-субъективное» в вере.

В постсекулярных условиях этот список пополняется такими критериями, как прорелигиозное поведение, религиозная мотивация социального поведения, действия субъекта в повседневной деятельности, собственный религиозный опыт, потребность в вере, внекультовое религиозное поведение, происходит раскодировка теологического дискурса, на фоне чего «чистый» критерий «конфессиональная принадлежность» обесцвечивается.

Первопроходцами в области синергетической социологической проработки понятия «воцерковленность» в целях решения методологических трудностей при эмпирической оценке религиозности в рамках православной культуры стали В. Ф. Чеснокова и Ю. Ю. Синелина. В дальнейшем данная методика многократно апробировалась в конкретных социологических исследованиях М. С. Алексеевой, В. А. Вовченко, А. М. Капалина, Е. И. Уфимцевой, Л. П. Ипатовой, А. В. Ситникова, М. И. Богачева, критиковалась и модифицировалась (С. Д. Лебедевым, В. В. Сухоруковым).

В России наиболее распространенной методикой измерения религиозности населения является «Индекс воцерковленности» В. Ф. Чесноковой, которая применяется Институтом социально-политических исследований РАН. Методика наиболее приемлема в контексте православной культуры и основана на пятибалльной шкале

религиозности (воцерковленного) образа жизни по показателям: храм, исповедь и причастие, чтение Евангелия, молитва, пост. В соответствии с данной шкалой интенсивность религиозности дифференцируется на «хорошую», «среднюю», «слабую», «очень слабую» и «нулевую» воцерковленность. Автор системно-динамической концепции религиозности и модифицированной методики вычисления «В-индекса» (С. Д. Лебедев), определяет ее как репрезентацию субъектом совокупности характерных для религиозной культуры определенной конфессии ключевых смыслов и идей, обладающей такими системными свойствами, как целостность, способность к самоорганизации, самореференция. Динамичность выражается в постепенном продвижении – усвоении религиозной культуры от субминимального уровня до полной инкультурации и включения ее в центр жизненного пространства социального субъекта. Соответственно, религиозность есть результат взаимодействующих секуляризованной светской и конфессиональной культур, где определенные «базисные элементы светской культуры, наряду с религиозным сознанием, войдут в устойчивое ядро синтетической светско-религиозной репрезентативной культуры личности, а какие-то уйдут на периферию» [4].

При экспертизе методики В. Ф. Чесноковой одним из ведущих отечественных социорелигиоведов С.Д. Лебедевым диагностирована увечность как качественного – недостаток внимания показателям религиозного сознания, так и количественного ее наполнения – нелогичность шкал, алгоритма обработки данных, неправильный принцип группировки респондентов по глубине воцерковленности. В связи с этим исследователь настаивает на корректировке и преобразовании социологического инструментария измерения данной категории. В качестве решения по снижению искаженности истинной картины религиозности С. Д. Лебедевым и В. В. Сухоруковым [5] предлагается выстраивать вторичные группы по принципу минимизации среднеквадратических отклонений. Данный подход идет вразрез с исконной трактовкой, где первичные группы зачисляются во вторичные группы воцерковленности по принципу наисильнейшего ответа. Анализ «В-индекса», произведенный авторами программы «Аксиома и воцерковленность 1.0» В. В. Сухоруковым и Д. В. Коноваловым на основании вычисления среднеквадратического и среднелинейного

отклонения, показал неизбежное завышение численности воцерковленных респондентов при использовании данной методики, а результаты всех исследований с ее применением именованы ложными, что задает тревожность звучания темы. Эта позиция, в свою очередь, получила неоднозначную оценку ряда отечественных исследователей – Р. Лункина, А. Багриной, Е. А. Кублицкой [6], а Ю. Ю. Синелиной была обозначена как ригоризм, хотя социолог подтверждает необходимость некоторой модернизации методики. Любые попытки повысить уровень методологической состоятельности социологического инструментария эмпирической оценки религиозности представляются диссертанту «развертыванием» (расширением и наполнением) научного поля социологии религии, а тех, кто пытается «докопаться до истины», следует считать акселераторами этого эволюционирования.

К наиболее авторитетным социологическим методикам эмпирической оценки религиозности и дополнительных показателей ее различных составляющих относятся:

– типы религии по Э. Фромму – авторитарная, гуманистическая и соответствующие *типы религиозной личности*, отличающиеся по степени выраженности стремления к самосовершенствованию; авторитарный тип основывается на нормах поведения, ценностях, представлениях «авторитета» (социума), т.е. является конформистской, эксплуататорской (поклонение личности/государству/инновациям/материальным ценностям), гуманистическая соответствует фроммовской категории «человек для себя» (телесно-духовная целостность, рационализм, моральная автономия, самостоятельность, творение жизни, созидательная активность и т.д.);

– концепция ценностных социальных установок У. Р. Палутца (два типа христиан – «этический» и «возрожденный»). «Возрожденные» христиане отличаются возвышенностью социальных установок и более ориентированы по отношению к внутренним ценностям, «этические» же используют религию как концепцию нравственности, являются «автоматически религиозными» и больше ориентированы на внешние ценности;

– шкала уровня религиозности Л. П. Ипатовой (типы религиозного обращения в православие: «традиционный», «трагический», «ищущий», «интуитивный»,

«образцово-показательный», «протестный/бунтующий», «спасающийся», «детский»).

Отметим, что каждый социолог, в конечном счете, использует модифицированный вариант вычисления индекса воцерковленности, адаптирует его в зависимости от специфики исследования. Перечислим более универсальные методики эмпирической оценки религиозности, которые могут использоваться в рамках различных вероисповеданий:

- многомерная концепция религиозности Ч. Глока и Р. Старка (пятимерный подход: 1 измерение – ритуальная деятельность, 2 измерение – идеология, 3 измерение – опыт, 4 измерение – интеллектуальная составляющая, 5 измерение – последствия или влияние предыдущих четырех измерений религии на область светского, т.е. результирующее влияние на образ жизни);

- дихотомическая шкала религиозных ориентаций Г. Олпорта и Э. Росса («религия как средство», «религия как цель», внутренняя/внешняя, зрелая/незрелая религиозность);

- типы консенсуальной и обязанной (преданной) религиозности Р. Алена и Б. Спилка (признаки консенсуального типа: дословное восприятие догматизма, верность традициям, конкретизированность и типологизированность мышления, вербальное декларирование нетерпимости к другим мнениям, склонность к конформизму и предрассудкам; признаки обязанного типа: абстрактно-философские перспективы, ясность, недвусмысленность поведения в повседневной жизни, гибкость и открытость, принятие множественности религиозного опыта);

- классификация религиозной направленности личности Р. Коха (I-религиозность и E-религиозность или центрированность на задаче или на себе). При этом центрированность на задаче – это показатель «здоровой и зрелой религии, которая приводит к Богу, уводит от замкнутости на себе, и самоцентрированность – отказ от Божественных задач, что определяет наличие нездоровой религии»;

- ролевая теория религиозности Я. Сундена или теория религиозных стереотипов восприятия. Вид источника роли по Сундену: социальное окружение, религиозная традиция («примерами таких традиционных ролей являются личности, описанные в Библии: внутренний Христос, внутренний Бог, внутренняя Дева Мария» [7]). На основании выявленной Сунденом дуальности ролевых

ситуаций (собственная модель поведения – ожидаемая модель поведения от «другого») формулируются два варианта эмоционального наполнения религиозного опыта О. Викстрема: чувство присутствия, близости Бога (1) и ощущение себя объектом божественной деятельности (2).

Во время анализа и подбора методик эмпирической оценки религиозности для нашего исследования были выделены четыре шкалы (В. Ф. Чесноковой, Э. Фромма, Л. П. Ипатовой, У. Р. Палутца), поскольку они максимально уместны для измерения религиозного образа жизни в контексте православной культуры.

Сравнительно-корреляционный анализ (Таблица 1) произведен нами на основании материалов анкетирования и интервьюирования 542 студентов. Σ: 364 студента мужского пола и 178 женского. Всего опрошено 319 верующих и 94 неверующих студентов КНИТУ и КДС, а также 129 верующих (православных) студентов из группы в социальных сетях «Православие в РТ», т.е. 448 верующих. Из них 163 студента технической специальности (128 – мужского пола, 35 женского) и 114 гуманитарной (46 – мужского, 68 – женского пола) специальности. В КНИТУ опрошено 175 студентов мужского пола, женского пола – 102 студента, из них 183 – верующие и 94 являются неверующими. В КДС всего опрошено 136 верующих воспитанников мужского пола, пастырской специализации. Все опрашиваемые и интервьюируемые студенты являлись учащимися 1-4 курсов КНИТУ и КДС в возрасте от 18 до 27 лет.

Выявлено, что молодежь с менее реализованными религиозными традициями и молодежь с агностическим мировоззрением склонна к эклектичной здоровьеориентированности – применяются оздоровительные практики как медицинского, так и спиритуального характера (восточные методики, оккультизм, магия, лечение энергиями жизни), т.е. религиозный плюрализм порождает новый подход селективного регулирования и поддержания здоровья. Нерелигиозная молодежь заменяет религиозную идентичность на общекультурную, национальную, геополитическую, а необходимость в ней («тяга к вере» по С. Д. Лебедеву) замещается различными субидентичностями (Н. Крылов), в особенности виртуальной и потребительской, что делает ее более свободной в выборе здоровьесберегающих практик секулярного типа.

В процессе исследования обозначилась дифференциация респондентов по интенциональности намерения оздоровления в зависимости от степени религиозности: глубоко верующий – воцерковленный – сакральная интенция, верующий – спиритуальная интенция, нерелигиозный или агностик – глокализованная интенция, твердый атеист – секулярная интенция (колеблющиеся не являются объектом нашего исследования). Глокализованная интенция характеризуется применением максимально разнообразных – традиционных, альтернативных медицинских, немедицинских, духовных здоровьесберегающих, псевдоздоровьесберегающих практик, не свойственных российской национальной и христианской культуре. Сакральная интенция – применение здоровьесберегающих, целительных практик духовного, религиозного характера оздоровления. Подразделяется на подинтенции: «катарсис» (выздоровление через очищение души, замаливание грехов) и «теодицея» (оздоровление посредством молитв, аскетических практик и восприятие собственного здоровья как доказательства «доброты Бога», а болезни как наказания). Спиритуальная интенция – применяются разнообразные здоровьесберегающие практики: альтернативные, нетрадиционные

(окультизм, магия), духовные, религиозные, псевдорелигиозные, за исключением медицинских. Секулярная интенция – применение медицинских и повседневных индивидуальных «легитимных» практик (спорт, физическая культура, рациональный режим дня, здоровое питание и т.д.). Выявлено, что интенция намерения оздоровления у православной студенческой молодежи технической и гуманитарной специальности КНИТУ («начинающие» и «воцерковленные») выражено «спиритуальная», что означает применение разнообразных нетрадиционных и духовных практик; «сакральная» у воспитанников КДС, с подинтенциями «катарсис» (выздоровление через очищение души, замаливание грехов) и «теодицея» (оздоровление посредством молитв, аскетизма, восприятие собственного здоровья как доказательства «доброты Бога», а болезни как наказания); «глокализованная» у нерелигиозных студентов КНИТУ технической специальности, характеризуется применением нелегитимных практик, не свойственных российской национальной и христианской культуре. У неверующих гуманитариев КНИТУ интенциональность оздоровления чаще всего «спиритуальная», но с тенденцией к «глокализованной».

Таблица 1 – Корреляция количественных и качественных данных исследования религиозных (православных) и нерелигиозных (агностиков) студентов КНИТУ и КДС по всем обозначенным показателям здоровьесберегающей ориентированности

		Студенческая молодежь (N=542)									
		Верующее православное студенчество (N=448)					Неверующее студенчество (N=94)				
Индикаторы показателя	КНИТУ (светский ВУЗ) (N=183)				КДС (духовный ВУЗ) Пастырский ф-т (N=136)	Верующие студенты из инет-группы (N=129)	КНИТУ (светский ВУЗ) (N=94)				
	Технические специальности (N=94)		Гуманитарные специальности (N=89)				Технические специальности (N=69)		Гуманитарные специальности (N=25)		
	Муж. (N=70)	Жен. (N=24)	Муж. (N=39)	Жен. (N=50)	Муж. (N=136)	Муж. (N=53)	Жен. (N=76)	Муж. (N=58)	Жен. (N=11)	Муж. (N=7)	Жен. (N=18)
Воцерковленность по «В-индексу»	начинающие	полувоцерковленные и начинающие		церковный народ	полувоцерковленные		мягкие неверующие, агностики				

Тип религиозной конверсии	традиционный	детский, интуитивный	традиционный, детский	ищущий, традиционный	мягкие неверующие, агностики	
Тип религиозности по Фромму Э.	гуманистическая («человек в себе»)	авторитарная	гуманистическая	авторитарная	мягкие неверующие, агностики	
Тип религиозности по Палутцу У.Р.	этический христианин	возрожденный христианин	возрожденный христианин	этический христианин	мягкие неверующие, агностики	
Смыслы – ориентиры здоровьесберегающего поведения	материально-целевые	интегрированные, с тенденцией к духовно-ценностным	духовно-ценностные	духовно-ценностные	материально-целевые	интегрированные, с тенденцией к материально-целевым
Интенция намерения оздоровления	спиритуальная	спиритуальная	сакральная	спиритуальная	глокализованная	спиритуальная, с тенденцией к глокной
Вид здоровьесберегающей практики	оздоровительные, медицинские, легитимные, нетрадиционные, медикаментозный способ	оздоровительные, медицинские, нетрадиционные, самолечение, духовные практики оздоровления	оздоровительные, религиозные, православные и псевдоправославные, самолечение, медицинские	медицинские, православные	медицинские традиционные, духовные нетрадиционные, духовные нерелигиозные, медикаментозный способ	медицинские традиционные и альтернативные, духовные нетрадиционные, иногда – религиозные, медикамент.
Уровень витальной метакомпетентности	оптимальный – жен.; управляемый – муж.	управляемый – жен.; стандартизированный – муж.	оптимальный	стандартизированный	стандартизированный	стандартизированный
Тип здоровьесберегающей ориентированной стратегии	сберегающе-резервирующий	придерживающийся	сберегающе-резервирующий	придерживающийся	придерживающийся	стандартно-индифферентный
Интенциональность на социокультурный эталон; рефлексивность	универсальной, перспективная рефлексивность	локальный, ситуативная рефлексивность	локальный, перспективная рефлексивность	локальный, перспективная	универсальный, ситуативная рефлексивность	универсальный, ситуативная рефлексивность
Тип легитимности практик	рациональный	конфессиональный	конфессиональный	конфессиональный	рациональный	рациональный, с тенденцией с формально конфессионал.
Характер практик	потенциативный	репродуктивный	потенциативный	потенциативный	репродуктивный	репродуктивный
Тип субъектности при реализации практик	выраженная	конформистская	конформистская	конформистская	выраженная	выраженная
Понимание здоровья (преобладающие подходы)	- нормоцентрическое (положительная дефиниция);	- нормоцентрическое (положительная и негативная дефиниция);	- нормоцентрическое (положительная дефиниция)	- нормоцентрическое (положительная дефиниция)	- нормоцентрическое (положительная дефиниция);	- нормоцентрическое (негативная дефиниция); - системно-

	- инструментал ьный; - системно- холистически й.	- адаптационный ; - системно- холистический.	я); - аксиологи ческий; - системно- холистиче ский.	я); - аксиолог ический.	- инструментал ьный.	холистически й; - инструментал ьный.
Понимание болезни	случайность, испытание	случайность	испытание , наказание	испытани е	случайность, имманентно е наказание,	имманентное наказание
Уровень контроля	42,2	26,4	39,6	-	24,0	
Уровень принятия риска	39,2	9,3	33,9	-	21,0	
Уровень вовлеченности	12,0	18,2	12,0	-	15,0	

Корреляция показателей «степень воцерковленности» и «общий уровень жизнестойкости» показывает, что на первом месте оказались верующие православные студенты группы «начинающие» по «В-индексу» (технические специальности КНИТУ), на втором – «церковный народ» (воспитанники КДС), на третьем – «полувоцерковленные» и «начинающие» гуманитарии КНИТУ, четвертую позицию занимают мягкие неверующие КНИТУ. По уровню витальной метакомпетентности первую позицию занимают студенты КНИТУ технических специальностей (женского пола) – «начинающие», студенты КДС пастырского факультета («церковный народ»), демонстрирующие оптимальный уровень. Управляемый уровень характерен для студентов технической специальности православного вероисповедания (мужского пола, «начинающие» воцерковляться), а также гуманитарных специальностей у студентов женского пола группы «полувоцерковленные». Наконец, третью позицию занимают верующие студенты гуманитарного профиля мужского пола («начинающие») со стандартизированным уровнем витальной метакомпетентности, которую они разделяют с нерелигиозными студентами КНИТУ.

Наиболее разнообразными оказались здоровьесберегающие практики нерелигиозных студентов КНИТУ, которые применяют максимально разнообразные, от нерелигиозных, медицинско-традиционных до духовно-нетрадиционных, способы оздоровления. Подчеркнем, что нерелигиозная молодежь более склонна к злоупотреблению медикаментозными средствами лечения, чем воцерковленная и полувоцерковленная. Особенность подгруппы неверующих

гуманитариев состоит в том, что они не отрицают возможности применения религиозных здоровьесберегающих практик и подтверждают это во время интервьюирования (цитаты-подтверждения: «могу помолиться», «начинаю держать пост», «пытаюсь покаяться», «ставлю свечку в церкви» и др.), что не наблюдается у подгруппы неверующих технической специальности. Следующими по разнообразию самосохранительных практик идут верующие гуманитарных специальностей КНИТУ женского пола («полувоцерковленные») и мужского («начинающие»), которые практикуют как оздоровительные медицинские, легитимные, так и нетрадиционные духовные методы оздоровления, не противоречащие, на их взгляд, и православной культуре, а также различные способы самолечения с опорой на народную медицину, например траволечение (характерно для женского пола). Отметим, что все группы студентов крайне редко обращаются к медикам при заболевании и главной причиной, побуждающей это сделать, является лишь получение справки. Студенты технической специальности КНИТУ («начинающие» по степени воцерковленности) чаще всего применяют оздоровительные практики (т.е. нацеленные на приумножение ресурсов здоровья), в частности медицинские, легитимные и иногда нетрадиционные. Данная группа студентов также предпочитает медикаментозные способы лечения.

По основанию легитимности здоровьесберегающих практик верующие студенты КНИТУ технической специальности («начинающие») объединились во взглядах с нерелигиозной молодежью этого же ВУЗа, им характерен рациональный тип легитимации здоровьесберегающего поведения. Отметим,

что неверующие студенты гуманитарной специальности при рациональном типе легитимности все же имеют склонность к формально-конфессиональному. Гуманитарии КНИТУ женского пола («полуоцерковленные») и мужского («начинающие») исходят при выборе реализации практик из конфессионального типа легитимности.

Репродуктивный характер здоровьесберегающих практик выявлен среди студенческой молодежи КНИТУ гуманитарных специальностей («полуоцерковленные», «начинающие») и нерелигиозной молодежи всех рассматриваемых специальностей, т.е. данные группы студентов стараются сохранить здоровье. На приумножение ресурсов здоровья (потенциативный тип), а не только его поддержание, ориентированы воспитанники КДС («воцерковленные») и студенты технических специальностей КНИТУ («начинающие»).

По типу субъектности в пространстве реализации практик наибольшую активность («выраженную») показали нерелигиозные студенты КНИТУ и студенты технической специальности («начинающие»), а наименьшую, т.е. конформистскую – воспитанники КДС («церковный народ») и православные гуманитарии КНИТУ («полуоцерковленные»).

Воспитанники КДС («воцерковленные») или «церковный народ» по шкале В.Ф. Чесноковой) продемонстрировали склонность к здоровьесберегающим практикам, максимально приближенным к локальному социокультурному эталону их жизненного пространства, выбор определен их религиозным мировосприятием. Склонность к универсальному социокультурному эталону подтвердили студенты мужского и женского пола технических специальностей («начинающие»), но при этом продемонстрировали перспективную рефлексивность (интенция на сохранение здоровья ради будущего) здоровьесберегающего поведения, что обычно не свойственно приверженцам универсального образа жизни. На универсальный социокультурный эталон ориентируются также нерелигиозные студенты КНИТУ технической и гуманитарной специальности с ситуативным типом рефлексивности (ценность здоровья в настоящем).

Социокультурный эталон здоровья выявлялся с помощью обыденных представлений православного студенчества, в частности интерпретаций здоровья и болезни

через ряд подходов. Доминирующим в группе подходов-лидеров оказался нормоцентрический с положительной дефиницией, который был зафиксирован у всех студенческих групп, кроме верующих гуманитариев мужского пола («начинающие») и нерелигиозных гуманитариев, которые понимают здоровье через негативную дефиницию. Инструментальный подход к здоровью продемонстрировали студенты технических («начинающие») и гуманитарных специальностей КНИТУ женского («полуоцерковленные») и мужского пола («начинающие»), а также группа нерелигиозных студентов КНИТУ. Среди воспитанников КДС данный подход к здоровью не был выявлен. Все студенты пастырского факультета относятся к здоровью как ценности, т.е. налицо аксиологический подход. Единственное различие между воспитанниками старших курсов КДС и более младших состоит в ориентации первых на системно-холистическую интерпретацию категории здоровья, а вторых – на адаптационную. Приверженцами системно-холистического подхода оказались также все студенты КНИТУ, кроме гуманитариев мужского пола («начинающие»), показавших адаптационный подход к пониманию здоровья.

Верующие (православные) студенты технических и гуманитарных специальностей КНИТУ («начинающие»), кроме гуманитариев женского пола («полуоцерковленные»), интерпретируют болезнь как случайность. Респонденты оставшейся группы склонны к пониманию болезни как неизбежности. Дополнительно отметим популярность ответа «болезнь – это испытание» среди верующих технических специальностей КНИТУ, и «наказание» среди верующих гуманитариев мужского пола. Воспитанники КДС обозначили болезнь как испытание, чуть реже – наказание. Нерелигиозная студенческая молодежь интерпретирует «болезнь» как имманентное наказание (гуманитарии) или случайность (технические специальности).

Результаты интервьюирования относительно природы смыслов-ориентиров здоровьесберегающего поведения подтвердили, что православные студенты КНИТУ технической (мужского и женского пола, «начинающие») и гуманитарной направленности (мужского пола, «начинающие») исходят из материально-целевых смыслов, тогда как гуманитарии женского пола («полуоцерковленные») склонны основываться на интегрированных смыслах, все же с тенденцией к духовно-

ценностным. Воспитанники КДС продемонстрировали единство установок и представлений на базе духовно-ценностных смыслов. Нерелигиозные студенты КНИТУ разделились во мнениях: гуманитарии исходят из интегрированных смыслов с тенденцией к материально-целевым, студенты технических специальностей – из материально-целевых в чистом виде. Главной ценностью практически у всех групп студентов оказалось здоровье, кроме старшекурсников КДС и студентов технических специальностей мужского пола, выбравших «семью».

Нерелигиозные студенты КНИТУ женского пола продемонстрировали склонность к *орторексии* («слишком здоровое питание»), демонстративному ЗОЖ, модным тенденциям в сфере здоровьесбережения. Также студенты КНИТУ указывают на влияющую роль условий и качества жизни на состояние здоровья. Как и предполагалось, у нерелигиозной молодежи (мы разделяем эту группу студентов с атеистической молодежью, несмотря на высокую степень осознанности, самостоятельности и ответственного отношения к здоровью, в отличие от патерналистского отношения религиозных студентов, прослеживается спиритуальная интенция в объяснениях понятия «здоровье», например: «Здоровье – это телесное отражение состояния души. Это нечто, данное каждому человеку в определенной мере, которое он может контролировать, изменять как в лучшую сторону, так и в худшую. Также это отсутствие негативных факторов в организме (и теле и душе), в окружающей среде, обстановке, условиях жизни и др. Нельзя, например, сравнивать возможности быть здоровым россиянина и возможность быть здоровым человека в Индии или человека, занимающегося добычей тяжелых металлов. Здоровье – объективная категория о состоянии организма» (N57, Иван, 22 года, Факультет наноматериалов и нанотехнологий, нерелигиозная группа респондентов). Ответы нерелигиозных студентов КНИТУ позволяют утверждать, что данная группа респондентов

наиболее самостоятельна и ответственна по отношению к собственному здоровью, в частности, особая самостоятельность проявляется в организации спортивной деятельности. Однако, в отличие от религиозных студентов светского ВУЗа, нерелигиозные респонденты не придерживаются рационального подхода к распорядку дня и режиму питания. Нерелигиозная студенческая молодежь чаще религиозных (православных) студентов старается все контролировать и предпочитает такой способ поддержания здоровья, как двигательная, физическая активность, тогда как последние ссылаются на гиподинамию. Подчеркнем, что религиозные студенты КДС и КНИТУ реже всех других исследовательских групп прибегают к медикаментозным способам лечения и укрепления здоровья, при этом не отрицая возможности их применения, т.е. в большинстве своем они легитимны с позиции православного учения. Нерелигиозная студенческая молодежь действует по отношению к здоровью более осознанно, т.е. продумывает механизм организации здоровой жизнедеятельности, использует более универсальные, разнообразные здоровьесберегающие практики, но менее инициативно в сравнении с религиозным студенчеством.

Таким образом, наибольшую фактическую здоровьесориентированность и витальную компетентность продемонстрировали воспитанники КДС («воцерковленные»), студенты технического («начинающие») и гуманитарного образовательного профиля КНИТУ женского пола («полувоцерковленные»). Гуманитарии мужского пола («начинающие») и нерелигиозные студенты всех рассматриваемых специальностей КНИТУ отстают по многим индикаторам здоровьесориентированности, но демонстрируют высокий уровень адаптивности, осознанности, ответственности и индивидуальности при реализации здоровьесберегающих практик.

Литература

1. Бурдые П. Генезис и структура поля религии // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 20.
2. Бергер П. Религия и проблема убедительности // Неприкосновенный запас. – 2003. – №6 (32). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2003/6/berger.html#_ftn1 (дата обращения: 17.07.2015).
3. Бабинцев В. П. Проблема социального аутсайдерства молодежи в обществе риска // Молодежь и общество. – 2009. – № 4. – С. 120-128.
4. Лебедев С. Д. Отношение учащейся молодежи к религии // Социологические исследования. – 2007. – №7. – С. 87-97.

5. Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. – 2013. – №1. – С. 118-126.
6. Репортаж с семинара «Тесный путь не туда», состоявшегося 19 сентября 2012 на социологическом факультете МГУ // Некоммерческая исследовательская служба «Среда». URL: <http://sreda.org/ru/2012/poddaetsya-li-pravoslavnost-analizu-na-sotsiologicheskom-fakultete-mgu-sostoyalsya-seminar-tesnyiy-put-ne-tuda/11564> (дата обращения: 3.07.2015).
7. Забияко А. П. Ролевая теория религии Я. Сундена // Современные зарубежные исследования в области философской теологии: реферативный сб. – М: ИНИОН, 1991. – С. 91.

Сведения об авторе:

©**Лисина Ольга Васильевна** – ассистент кафедры государственного, муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: socio-olga@mail.ru.

Information about the author:

©**Lisina Olga Vasilievna** – Assistant Professor of the Department of Public Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: socio-olga@mail.ru.

И. А. Фролова

**ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МИП В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ
КАЗАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА)**

Ключевые слова: предпринимательская активность, молодые предприниматели, малые инновационные предприятия.

Инновационная активность молодых предпринимателей — это социальная необходимость развития не только нашей страны, но и любого современного общества XXI века. Только на основе активной инновационной деятельности молодежи можно преодолевать постоянно возникающие социальные конфликты между растущими потребностями человека и ограниченными ресурсами их удовлетворения. В данной статье анализируется деятельность государственной политики в целях поддержки молодежного инновационного предпринимательства.

I. A. Frolova

**INNOVATIVE ACTIVITY OF YOUNG ENTREPRENEURS AS A COMPETITIVENESS
FACTOR OF INNOVATION START UPS IN RUSSIA (ON MATERIALS OF KAZAN STATE
TECHNOLOGICAL UNIVERSITY)**

Keywords: entrepreneurial activity, young entrepreneurs, small innovative enterprises.

Innovation by young entrepreneurs - it is a social need to develop not only our country, but also of any modern society of XXI century. Only through the active youth innovation can overcome the constantly evolving social conflicts between the growing human needs and limited resources to meet them. This article analyzes the activities of the state policy in order to support the Youth Innovation Entrepreneurship.

В последнее время развитие малого бизнеса – одно из ведущих направлений формирования экономических отношений России. Однако нужно учесть, что доминирующее положение крупных компаний и как следствие жесткое лоббирование законов со стороны владельцев ведущих корпораций не позволяют развиваться малому бизнесу, в том числе и молодежному предпринимательству. Владельцы солидных компаний боятся увеличения числа малых предприятий, которые могут вырасти и стать серьезными конкурентами. Но за счет одного только крупного бизнеса России тяжело будет преодолеть экономические трудности. Экономика нуждается в дополнительных ресурсах, которые могут быть получены за счет развития малых предприятий.

Одна из значимых причин нынешнего застоя малого бизнеса – отсутствие доступа к финансовым ресурсам и неэффективность существующих финансово-кредитных механизмов. Молодые предприниматели пытаются улучшить положение, опираясь на собственную инициативу и предприимчивость.

Во многом успешное развитие молодежного предпринимательства зависит от деятельности государственных структур, как исполнительных, так и законодательных. Государственные органы, которым поручены вопросы развития молодежного предпринимательства, должны выполнять две функции: обеспечивающую и управленческую. Обеспечивающая функция связана с предоставлением малым предприятиям финансовой поддержки, информационных ресурсов, госзаказов и т.д. Управленческая функция касается вопросов планирования, оперативного управления, контроля. Реализация этой схемы должна обеспечивать устойчивость и эффективность развития молодежного предпринимательства.

Целенаправленная государственная поддержка молодежного предпринимательства исключительно важна для переходной экономики России, поскольку конкурентоспособное в международных масштабах народное хозяйство фактически не может существовать без эффективно функционирующего молодежного предпринимательства. В нынешних условиях,

когда для мелкого бизнеса инфляция и нехватка заемного капитала являются еще более серьезными проблемами, чем для крупных предприятий, такая поддержка особенно важна [1].

Формально государственная поддержка молодежного предпринимательства уже несколько лет признается в правительственных документах одним из главных направлений экономической реформы. Она должна способствовать развитию конкуренции, наполнению потребительского рынка товарами и услугами, созданию новых рабочих мест, формированию широких слоев собственников и молодых предпринимателей.

Государственная поддержка молодых предпринимателей выражается в предоставлении грантов, субсидий на создание, развитие собственного дела, а также через реализацию различных государственных программ поддержки молодежного предпринимательства.

Например, Программа «Молодежный бизнес России» направлена на содействие развитию молодежного предпринимательства, поиск альтернативных методов создания рабочих мест и способствует вовлечению молодежи в социально-экономические процессы. Для решения поставленных задач программа создает условия для получения молодыми людьми доступных финансовых средств – кредитов (займов) на открытие собственного дела. В дополнение к финансовой поддержке молодым людям предлагается помощь индивидуальных наставников, консультирование при составлении бизнес-планов и обучение различным вопросам ведения бизнеса, что может позволить молодым бизнесменам быстрее встать на ноги и избежать типичных ошибок на старте бизнеса.

Еще одним ярким примером государственной поддержки молодых предпринимателей может служить Программа «Молодежное предпринимательство» в Республике Татарстан. Основной целью Программы является создание условий для вовлечения молодежи в социально-экономическое развитие Республики Татарстан. Любой молодой человек (школьник, студент), зарегистрировавшийся для участия в программе и прошедший отбор (он-лайн тестирование и собеседование с экспертами программы), может получить следующие виды услуг:

- различные виды консультационных услуг по созданию и развитию собственного дела, разработки бизнес-планов и охране труда;

- участие в системе дистанционного бизнес-образования;

- обучение в сфере развития и продвижения собственного дела от высококвалифицированных бизнес-тренеров Татарстана и России;

- обучение по авторской технологии «Управленческая борьба» по развитию переговорных, предпринимательских и личностных компетенций;

- специальные программы для школьников – слеты школьных компаний, бизнес-лагеря;

- участие в конкурсах, форумах, слетах и конференциях предпринимателей;

- софинансирование участия в ярмарках, выставках, конкурсах и др. мероприятиях, направленных на продвижение товаров и услуг молодежного предпринимательства в Республике Татарстан, в России, а также за рубежом;

- создание механизма контрактации участников программы с инвесторами [2].

Предпринимательство в нашей стране сохраняет тенденцию развития. Бизнес поддерживается государством, создаются упрощенные системы налогообложения, молодые предприниматели получают возможность выигрывать гранты на развитие своего дела. Сегодня Россия находится в процессе создания и развития технологических лидеров в зарождающихся отраслях экономики. Открываются новые сегменты рынка, развиваются новые производства, способствующие формированию новых технологических режимов. В этом переходе особая роль отводится малым инновационным предприятиям (далее МИП), что объясняется преимуществами их функционирования.

К сожалению, как и в любой другой сфере, в малом инновационном предпринимательстве есть и свои слабые стороны. Например, слабая правовая основа, поскольку нет четкого определения «инновационной деятельности». Размыты критерии ее оценки, а соответственно нет и статистики, и мониторинга, и объективной оценки инновационного потенциала, так как непонятно, какие предприятия относятся к инновационным. В России, из-за отсутствия мотивации у молодых предпринимателей, не так много предприятий, занимающихся инновационной деятельностью. Вполне естественно, что бизнес предпочитает заниматься сферами, гарантированно приносящими прибыль, например торговлей,

чем вкладывать финансовые ресурсы в инновационные проекты.

Существует проблема дефицита высококвалифицированных предпринимателей, способных продвигать инновации на рынок. До сих пор в нашей стране процветает проблема «утечки мозгов». Хотя в последнее время часть уехавших за границу специалистов, набравшись зарубежного опыта, возвращается на родину, в стране по-прежнему отсутствуют благоприятные условия для занятия инновационной деятельностью. Ну и наконец проблема малых и средних инновационных предприятий, у которых есть интеллектуальный потенциал, однако нет возможности работать с дорогостоящей материально-технической базой.

В целях поддержки малого инновационного предпринимательства Россия ведет активную государственную политику по решению вышеуказанных проблем.

Развитие малого инновационного предпринимательства в России сегодня имеет приоритетное значение, поскольку оно увеличивает скорость внедрения инноваций, тем самым повышает конкурентоспособность предпринимательских структур, а также той или иной территории в целом. Это свидетельствует о том, что малое инновационное предпринимательство - неотъемлемый элемент современной экономики.

К преимуществам малых инновационных предприятий, способствующим повышению эффективности внедрения инновационных идей с учетом особенностей современного производства, мы можем отнести:

- дипломатичное управление и оперативное принятие и выполнение принимаемых решений, позволяющие сократить длительность инновационного цикла;

- возможность индивида, в частности молодых предпринимателей-инноваторов, реализовывать свои идеи, проявляя свои личностные качества;

- гибкие внутренняя и внешняя коммуникации;

- отсутствие бюрократических процедур в организации ввиду минимальной управленческой иерархии предприятий

- производство инновационных продуктов, на первых этапах создания которых требуются относительно незначительные затраты;

- относительно низкая необходимость в первоначальном капитале;

- способность быстро вносить изменения в результаты конечного продукта и технологию процесса производства в ответ на требования внешних и внутренних рынков.

Немаловажную роль для конкурентного преимущества малого инновационного предприятия играет кадровый потенциал предприятия, определяющий уровень профессиональной квалификации персонала организации, необходимый для осуществления инноваций. Знания и талант работающих в нем людей, их стремление заниматься научными исследованиями, инновационными разработками – важный фактор эффективной деятельности МИП.

В России, по сравнению с развитыми странами, существует большой временной разрыв между получением новых инновационных продуктов и их коммерциализацией. Многие годы наука и коммерциализация были несовместимы друг с другом. В последние десятилетия произошли серьезные изменения. Помимо научного исследования, неотъемлемой частью профессионального мышления ученого выступает коммерция. Именно молодые предприниматели являются фактором конкурентоспособности малых инновационных предприятий. Конкурентоспособность МИП напрямую связана с высокой инновационной активностью молодых предпринимателей, позволяющей не только создавать инновационный продукт, осуществлять его трансфер, но и доводить его до стадии коммерческого использования. Именно эта социальная группа чрезвычайно богата на креативные идеи, способные в некотором роде оживить бизнес-среду России.

От инновационной предпринимательской деятельности молодых инноваторов зависит будущее России, т.к. молодые предприниматели — это группа молодежи, которая создает новые идеи, критически их оценивает, развивает их, генерирует, реализует на практике. Не следует упускать из вида то, что инновационный потенциал молодых предпринимателей является необходимым условием для эффективной коммерциализации результатов научно-технической деятельности и реализации инновационных стратегий.

Привлечение молодых людей к деятельности малых инновационных предприятий – это не только увеличение доли малого бизнеса, но и решение проблемы занятости молодёжи. Молодым предпринимателям в этой связи отводится

глобальная роль по формированию новой экономики страны.

Так, например, на базе Казанского национального исследовательского технологического университета (далее КНИТУ) осуществляют свою деятельность более 30 малых инновационных предприятий. Данные малые инновационные предприятия не ставят перед собой цель достижения максимальной прибыли и повышения конкурентоспособности продукции. Они созданы для разработки и реализации различных инноваций, в основном одного или нескольких инновационных продуктов, и их деятельность при этом может быть убыточной. Малые инновационные предприятия, созданные на базе КНИТУ, выполняют задачи по расширению международного научно-технического сотрудничества и росту престижа города и страны в целом на основе разработки, освоения и реализации нововведений (прежде всего, принципиально новых) и создания обстановки восприимчивости различных инноваций. К их принципиальным характеристикам можно отнести:

- инициирование оригинальных научных идей, способных привести к прорыву в технике и технологии;

- осуществление ускоренного трансферта (переноса) научных и технических знаний из национального исследовательского университета в промышленность;

- повышение качества подготовки выпускников национального исследовательского университета за счет их активного участия в исследованиях и разработках, получении и приложении новых знаний.

Малые инновационные предприятия, созданные на базе КНИТУ, имеют ряд преимуществ, в числе которых необходимо отметить возможность пользования опытно-экспериментальной базой, научным потенциалом национального

исследовательского университета, его наработанными связями.

Такие малые инновационные предприятия создают Инновационный пояс КНИТУ, который выступает не только как площадка для подготовки кадров, но и как источник формирования результатов интеллектуальной деятельности, поставщик рынка наукоемкой продукции [3].

10% студентов проходят производственную практику на базе Малых инновационных предприятий; до 2,5% специалистов от общего выпуска студентов по профильным направлениям обучения трудоустраиваются в МИП. Приоритет при трудоустройстве отдается студентам, проходившим производственную практику на базе МИП. В 2015 году доля выпускников, трудоустроенных в МИП, составляет не менее 10%.

Инновационная активность молодых предпринимателей — это социальная необходимость развития не только нашей страны, но и любого современного общества XXI века. Только на основе активной инновационной деятельности молодежи можно преодолевать постоянно возникающие социальные конфликты между растущими потребностями человека и ограниченными ресурсами их удовлетворения. Согласно Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [4], уровень инновационной активности российской экономики должен увеличиться за 10 лет в пять раз, а ее экспортный потенциал — в десять раз. Инновационная деятельность характеризуется стремлением удовлетворить новые общественные потребности и зависит от наличия людей, способных к такой деятельности [5]. В России есть немало молодых людей, обладающих творческим потенциалом, способных реализовать свой творческий потенциал и стать инноватором.

Литература

1. Портал малого бизнеса. URL: <http://russia-business.ru/page/show/articles/molbiznes/dr7.html> (дата обращения: 20.09.2015).
2. Верное решение. URL: <http://решение-верное.рф/molodej> (дата обращения: 20.09.2015).
3. Список малых инновационных предприятий, осуществляющих свою деятельность на базе КНИТУ (на 2014-2015 гг.). URL: <http://www.kstu.ru/> (дата обращения: 20.09.2015).
4. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утв. Распоряж. Правительства РФ № 2227-р от 08.12.2011 г. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/> (дата обращения: 20.09.2015).
5. Васильева З. А. Инновационный маркетинг. – Красноярск: Сиб. федер.– ун-т, – 2008. – 349 с.

Сведения об авторе:

©**Фролова Ирина Александровна** – ассистент кафедры инновационного предпринимательства и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: zajceva_frolova@mail.ru.

Information about the author:

©**Frolova Irina Aleksandrovna** – Assistant Professor of the Department of Innovative Entrepreneurship and Financial Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: zajceva_frolova@mail.ru.

УДК 316.46

А. Х. Шагиахметова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

Ключевые слова: лидерство, компетенции, управление, стандарты, государственная власть, бизнес.

В статье рассматривается компетентностный подход, предлагающий модели для измерения, мониторинга, сравнения и оптимизации деятельности руководителей. На основе анализа зарубежного опыта показывается, что компетентностный подход в настоящее время представляет собой доминирующую тенденцию в оценке управленческого лидерства в Великобритании и США. Систематизируются многочисленные стандарты и модели, применяемые при оценке управленческих практик чиновников, бизнесменов и других профессиональных групп.

A. Kh. Shagiahmetova

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN MANAGERIAL LEADERSHIP'S ASSESSING: A COMPETENCE APPROACH

Key words: leadership, competence, management, standards, state government, business.

The article deals with the competence approach, offering models for measuring, monitoring, comparison and optimization of managerial practice. Shown, based on analysis of foreign experience, that the competence-based approach currently is the dominant trend in the evaluation of managerial leadership in the UK and the U.S.. Systematized numerous standards and models used in assessing management practices of officials, businessmen and other professional groups.

Исследования по разработке компетенций в США начались в начале 70-х годов прошлого века, когда государственный Департамент США обратился к компании «McBer and Company» за помощью в подборе младших сотрудников для Дипломатической информационной службы. Основные постулаты данного подхода обоснованы Ассоциацией менеджмента в начале 1980-х годов в виде концепции эффективных поведенческих факторов в работе, где компетенции определяются как «основные характеристики индивида, которые напрямую связаны с эффективностью или высокой производительностью». Р.Е. Боятциз определил 19 компетенций, связанных с выше средней управленческой эффективностью руководителей, сгруппированных в пять кластеров [1]: цели и действия управления, лидерство, управление человеческими ресурсами, сфокусированность на других, управляемая субординация.

Грэм Саламан – профессор университета Кембриджа – выделяет четыре основные характеристики компетентностного подхода [2]. Во-первых, через описание управленческой, лидерской роли компетентностный подход предлагает модели для измерения, мониторинга, сравнения и

оптимизации поведения руководителей. Во-вторых, компетентностный подход требует перехода от стратегии и организации к личности руководителя. В-третьих, компетентностный подход подчеркивает постоянное совершенствование. В-четвертых, компетентностный подход предполагает гораздо большее число руководящих сотрудников, так как в рамках данного подхода осуществляется передача полномочий по поддержанию мотивации и развития от специалистов по управлению человеческими ресурсами (HR) к отдельным руководителям.

Популярность идеи оценивать управление с позиций компетентностного подхода широко распространилась и в Великобритании, включая органы государственного управления. Так, в 1986 году появляется Профессиональный квалификационный отчет, а затем в 1987 году Национальный профессиональный стандарт (NOS) в управлении.

Сегодня двумя наиболее влиятельными моделями в Великобритании являются «Модель инвестиций в человека, лидерство и менеджмент» (IiP) и Национальный Профессиональный стандарт руководства и лидерства (NOS). Обе эти модели строятся на

основе существующих стандартов, но отличаются усилением внимания к лидерству.

Национальный Профессиональный стандарт (NOS) впервые был введен в Великобритании в 1992 году в ходе решения проблемы сравнительно низкого, по мнению правительства, уровня профессиональной подготовки руководителей в Великобритании по сравнению с их зарубежными коллегами.

В ответ на новые вызовы времени в 2003 году правительство Великобритании поручило пересмотреть «Центру Управленческих Стандартов» Национальный Профессиональный стандарт (NOS). Новый стандарт был призван стать образцом, эталоном лучшей практики управления и лидерства «мирового уровня», а также выступить в качестве основы для присуждения таких наград в области управления, как NVQ (National Vocational Qualifications) и SVQ (Scottish Vocational Qualification). Ожидается также, что в ближайшее время новый стандарт станет основой для других профессиональных оценок в области руководства и лидерства, в том числе наград Королевского института управления.

Новая модель Национального Профессионального стандарта (NOS) выделяет шесть ключевых функций [3]: обеспечение направления, способствование изменениям, достижение результатов, работа с людьми, использование ресурсов, самоуправление и личные способности.

В Великобритании и США компетентностный подход в настоящее время представляет собой доминирующую модель оценки руководства и лидерства не только в бизнесе, но и на государственной службе, о чем свидетельствуют многочисленные модели компетенций управленческого лидерства, представленные ниже.

Модель компетенций на Государственной службе высшего уровня Великобритании [4]. Эта модель определяет основные характеристики, которые были выделены Государственной службой корпоративного управления и которые необходимы высшему корпусу государственной службы. Выделяют шесть основных наборов компетенций:

- Виденье цели и определение направления.
- Работа над созданием персонального влияния.
- Стратегическое мышление.
- Получение лучшего из людей.
- Обучение и совершенствование.
- Ориентация на отдачу.

Ключевые критерии Государственной службы высшего уровня Северной Ирландии [5]. Модель Северной Ирландии эквивалентна Модели компетенций на Государственной службе высшего уровня и содержит 8 ключевых компетенций:

- Лидерство: выработка концепции, создание команды, стандартов и целостности.
- Концептуальное, стратегическое мышление и планирование.
- Ориентация на результат: ориентация на клиента, фокус на результат, принятие и улучшение стандартов деятельности.
- Развитие персонала: эффективное управление персоналом, поддержка и содействие развитию.
- Создание отношений и партнеров.
- Коммуникации: устные, письменные, презентации.
- Инновационное управление ресурсами: осознание стоимости, оптимизация приоритетов.
- Личная эффективность: готовность к изменениям, стремление к созданию, уверенность в себе и устойчивость, целеустремленность, интеллект в действии.

Сборник компетенций органов местного самоуправления [6].

Для оценки управленческого лидерства в органах местного самоуправления при содействии «Союза работодателей для органов местного самоуправления» (The Employers' Organisation for Local Government) был создан «Сборник компетенций органов местного самоуправления» (Compendium of Competencies). Эта модель включает в себя набор лидерских компетенций, разработанных и используемых местными органами власти по всей Великобритании. В нем выделено 20 различных категорий:

- *Изменения*: умение бросить вызов, лидерство во имя перемен, управление изменениями / стратегическое мышление
- *Коммуникации*: взаимодействие, обслуживание и связь с клиентами, умение внимательно выслушать и решить вопрос
- *Корпоративный фокус*: коллективная ответственность, общая корпоративная точка зрения, создание «обучающейся организации», оценка и улучшение организационной производительности, организационное сознание, организационная эффективность

- *Ориентированность на клиента:* обязательства по качеству обслуживания клиентов, услуги, ориентированные на клиента, концентрация на клиенте и услугах

- *Принятие решений:* анализ и решение проблем, принятие решений, выявление и решение проблем, рассудительность

- *Равенство и разнообразие:* равные возможности, лидерство в создании равенства, справедливое управление, ценность разнообразия

- *Ориентированность на результат:* значимые достижения, нацеленность на результат, управление, нацеленное на достижение результатов

- *Воздействие и влияние:* решительность действий, воздействие и влияние, навыки межличностного общения, создание команды, убедительность

- *Управление информацией:* сбор и использование информации, получение объективной информации, предоставление четкой информации, управление коммуникациями, поиск необходимой информации

- *Честность:* этичность, прямолинейность

- *Умение вести за собой людей:* оценка и представление людей, способствование развитию других, дисциплина и консультирование, делегирование полномочий, лидерство, управление людьми, руководство, понимание других, повышение квалификации персонала, обучение и тренировка, понимание ценности людей

- *Партнерство:* общественная деятельность, сотрудничество, объединение труда, сети и влияние, работа в партнерстве

- *Управления персоналом и стимуляция:* решимость, самоуправление, мотивация и стимуляция, личная эффективность, самоменджмент, планирование и составление графиков работы, постановка целей и стандартов, управление временем

- *Политическая сознательность:* демократические приоритеты, политическая и организационная информированность, компетентность при работе в сложившейся политической среде

- *Управление проектами и процессами*

- *Управление ресурсами*

- *Безопасность*

- *Улучшение услуг:* постоянное совершенствование услуг, достижение личностного совершенства

- *Стратегическая направленность:* разработка стратегии, управление изменениями / стратегическое мышление, стратегическое поведение, дальновидность

- *Построение команд*

Модель управленческого лидерства в органах исполнительной власти США [7]. В ней определены 26 компетенций в рамках пяти категорий:

- *Управление изменениями:* постоянное обучение, творчество и инновации, устойчивость, сервис - мотивация, стратегическое мышление, дальновидность.

- *Управление людьми:* управление конфликтами, использование разнообразия, честность, построение команд.

- *Результативное управление:* ответственность, обслуживание клиентов, решительность, предприимчивость, решение проблем, профессиональная убедительность.

- *Деловая хватка:* управление финансами, управление человеческими ресурсами, управление технологиями.

- *Создание коалиций / коммуникаций:* влияние / ведение переговоров, навыки межличностного общения, устное общение, партнерство, политическая смекалка, письменное общение.

Компетентностный подход в настоящее время представляет собой доминирующую тенденцию в оценке управленческого лидерства не только в сфере государственного управления, но и в бизнесе, о чем свидетельствуют модели, представленные ниже и отражающие лишь небольшой срез из всего многообразия стандартов.

Лидерские возможности AstraZeneca [8].

AstraZeneca - международная биофармацевтическая компания. История компании AstraZeneca начинается с 1913 года, когда в г. Сёдертаље в Швеции была основана фармацевтическая компания Astra AB.

Лидерские компетенции в AstraZeneca были определены в конце 90-х годов и были использованы в управлении производительностью, планировании развития и глобализации компании. Эти компетенции являются центральной частью программы развития лидерства в компании. Лидерство обеспечивает связь между бизнес-приоритетами и такими ценностями как уважение к личности и её разнообразию,

открытость, честность, доверие и поддержка друг друга, целостность и высокие этические стандарты, лидерство как пример на всех уровнях.

Существует семь основных лидерских компетенций, каждая из которых связана со следующими показателями:

- Обеспечение ясности стратегического направления
- Выполнение обязательств
- Ориентация на отдачу
- Построение отношений
- Совершенствование людей
- Наличие собственного мнения
- Развитие самосознания

Лидерские качества Federal Express [9].

Federal Express — американская компания, предоставляющая почтовые, курьерские и другие услуги логистики по всему миру.

FedEx имеет систему оценки лидерских компетенций по 9 признакам: харизма, рассудительность, интеллектуальное совершенствование, храбрость, надежность, гибкость, честность, справедливость, уважение к другим людям.

Лидерские компетенции Philips [10].

Philips - крупный международный концерн, работающий в области электроники, медицинского оборудования и светотехники. Их девиз — «Цифры важны, но люди важнее» — неизменно соблюдается в концерне из поколения в поколение.

Шесть Лидерских компетенций определяют требования для достижения успеха в бизнесе. Они обеспечивают сбалансированный подход, признающий, что результаты получены благодаря людям. Компетенции лидера таковы:

- Показывает решимость в достижении отличных результатов
- Сфокусирован на рынке
- Находит наилучшие пути
- Требуемая высокая производительность
- Поощряет приверженность
- Совершенствует не только себя, но и других

Существуют универсальные модели по оценке управленческого лидерства в различных профессиональных сферах. В качестве наиболее популярных можно указать следующие:

Критерии управленческого лидерства «Совета по совершенствованию руководства и лидерства» (CEML) [11]. В ходе исследования с использованием первичных и вторичных

источников данных CEML определил следующую структуру лидерских качеств: 83 лидерских качества, выведенных из первоначального списка в 1013 качеств, были сгруппированы в три общие категории и 8 мета-групп:

- *Мыслительные способности:* мыслить стратегически.
- *Личностные способности:* самоуправление, способность управлять и вести за собой людей, определение направления и культуры, управление отношениями.
- *Организационные способности:* управление информацией, управление ресурсами, управление деятельностью и качеством.

Модель бизнес-мастерства «Европейского фонда управления качеством» [12]. «Европейский фонд управления качеством» (The European Foundation for Quality Management – EFQM), чьи премии являются международно-признанными, измеряют лидерство по следующим четырем направлениям:

• **1a** Лидеры развивают миссию, видение, ценности и образцы для подражания культуре Совершенства.

• **1b** Лидеры лично участвуют в обеспечении создания, внедрения и постоянном совершенствовании организационной системы управления.

• **1c** Лидеры активно сотрудничают с клиентами, партнерами и представителями общества.

• **1d** Лидеры мотивируют, поддерживают и признают людей в организации.

Управленческие компетенции Международного валютного фонда [13].

Управление компетенциями включает в себя множество знаний, навыков и моделей поведения, которые способствуют эффективному управлению. Эффективное выполнение каждой компетенции описывается в ряде поведенческих тестов.

Ниже приведены 15 различных компетенций управления, объединенных в 6 групп:

- *Интеллектуальный фактор лидерства:* рассудительность / аналитические способности, стратегическое видение.
- *Рабочий фактор:* планирование и организация, нацеленность на результат, способность к адаптации.
- *Коммуникационный фактор:* устные навыки презентации, создание

открытого общения, письменные навыки общения.

- *Межличностный фактор:* построение отношений, ведение переговоров и влияние, отношения с клиентами из различных стран.

- *Фактор управления людьми:* мотивация деятельности, делегирование, содействие созданию команд, оценка и развитие персонала.

Данные компетенции управления используются во многих направлениях работы МВФ, например:

- Они являются отправной точкой для определения ожидаемых результатов управления. Компетенции могут помочь менеджерам высшего звена сформулировать навыки, необходимые для эффективного управления, в отличие от тех навыков, которые необходимы, чтобы быть эффективным экономистом или техническим специалистом.

- Компетенции являются основой для поисков потенциальных руководителей в Центре управления развитием МВФ.

- Компетенции являются основой для определения типа обучения и сферы развития сотрудников.

- Компетенции образуют общую основу для оценки руководителей внутри и между отделами.

Итак, в завершение статьи необходимо подчеркнуть, что компетентностный подход в настоящее время представляет собой доминирующую тенденцию в оценке управленческого лидерства в Великобритании и США. Помимо очевидных преимуществ использования компетентностного подхода, существуют и некоторые проблемы в его применении. При оценке управленческих компетенций трудности применения стандартов лежат, скорее, в способах их применения на практике, а не в их содержании. Общие стандарты, такие как NOS в области управления и руководства, - это отправная точка, которая должна быть адаптирована к конкретной ситуации. Стандарты и компетенции должны быть предельно широкими. Они должны быть адаптированы и приспособлены для конкретных организаций и их сотрудников, должны носить рекомендательный, а не директивный характер. При соблюдении этих рекомендаций при помощи вышеописанных моделей можно успешно решать многочисленные организационные задачи, такие как подбор персонала, адаптация новых сотрудников, оценочные мероприятия, формирование кадрового резерва и планирование карьеры, обучение и развитие сотрудников, мотивационные программы, развитие корпоративной культуры и многие другие.

Литература

1. Bolden R., Gosling J. Leadership Competencies: Time to Change the Tune. // Leadership. – 2006. – № 2. – P. 147-163.
2. Salaman G. Competences of Managers, Competences of Leaders. // Leadership in Organizations: Current Issues and Key Trends. – Milton Park: Routledge, 2004. – P. 58-78..
3. Bolden R., Gosling J. Leadership and Management Competencies: Lessons from the National Occupational Standards. – UK: University of Exeter, 2004. – 12 p.
4. Senior Civil Service Competency Framework. URL: <http://www.cabinet-office.gov.uk/civilservice/scs/competences.htm> (дата обращения: 17.09.2015).
5. Bolden R., Gosling J., Marturano A. A Review Of Leadership Theory And Competency Frameworks. – UK: University of Exeter, 2003. – 44 p.
6. Compendium of Competencies. URL: http://www.lg-employers.gov.uk/skills/leadership_comp (дата обращения: 17.09.2015).
7. Senior Executive Service. URL: <http://www.opm.gov/ses/competent.html> (дата обращения: 17.09.2015).
8. AstraZeneca Leadership Capabilities. URL: <http://www.astrazeneca.co.uk/careers/developingyourself/leadership.asp> (дата обращения: 17.09.2015).
9. Federal Express Leadership Qualities. URL: <http://www.geocities.com/gvwrite/9faces.htm> (дата обращения: 17.09.2015).
10. Philips Leadership Competencies. URL: <http://www.ad.chinahr.com/jobads/philips/leadership.asp> (дата обращения: 17.09.2015).
11. The Council for Excellence in Management and Leadership. URL: <http://www.managementandleadershipcouncil.org/reports/r30.htm> (дата обращения: 17.09.2015).
12. EFQM Business Excellence Model. URL: http://www.efqm.org/model_awards/model/excellence_model.htm, (дата обращения: 17.09.2015).

13. IMF Management Competencies. URL:
http://www.academy.umd.edu/publications/global_leadership/marlene_thorn.htm (дата обращения:
17.09.2015).

Сведения об авторе:

©**Шагиахметова Алия Хусаиновна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: al82@bk.ru.

Information about the author:

©**Shagiahmetova Aliya Khusainovna**. –Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department for Public Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: al82@bk.ru.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О роли педагогических наук в переходе к устойчивому развитию

Во второй половине XX века в документах ООН появилось понятие «образование для устойчивого развития», которое сегодня рассматривается как один из ключевых факторов развития общества. В 2005–2014 годах как ответ на осознание мировым сообществом того, что традиционное содержание и методы образования не способны обеспечить подготовку людей, думающих о будущих поколениях, была проведена специальная Декада образования для устойчивого развития. Конференция ООН по устойчивому развитию приняла решение содействовать дальнейшему развитию образования в интересах устойчивого развития и активнее включать проблематику устойчивого развития в различные структуры образования. С учетом накопленного опыта ЮНЕСКО разработала Глобальную программу для преобразования Декады образования для устойчивого развития в институциональный процесс. В этом документе подчеркивается, что устойчивое развитие не может быть достигнуто за счет исключительно политических соглашений, финансового стимулирования или технических решений, а требует изменений в мышлении и способах действия. В обеспечении таких изменений ключевую роль играет образование, которое должно измениться таким образом, чтобы каждому человеку были доступны знания, навыки, ценности, расширяющие его права и возможности для внесения вклада в устойчивое развитие и осуществления действий во имя обеспечения сохранности природной среды, экологизации экономики и формирования справедливого общества.

В рамках нового журнала мы предполагаем обратиться именно к данной проблематике. Приветствуются работы, посвященные методологии образования для устойчивого развития, требованиям образования для устойчивого развития к педагогической действительности (дидактическим подходам, методикам, технологиям), инновациям в области образования для устойчивого развития, опыту включения в содержание образования основополагающих экологических, социальных и экономических вопросов устойчивого развития, созданию многомерного педагогического пространства как среды духовного и интеллектуального развития в интересах устойчивого развития.

Раздел открывается статьей Д.М.Шакировой, раскрывающей идею синтеза экономических, социологических, психологических и педагогических подходов к определению инновационного потенциала на различных уровнях и выявлению критериев инновационности российского общества. Актуализируется развитие сложных многомерных типов мышления в системе российского образования с использованием социально-когнитивных технологий. Статья П. Н. Осипова посвящена 100-летию со дня рождения Сергея Яковлевича Батышева, внесшего весомый вклад в развитие профессионально-технического образования и развитие профессиональной педагогики во второй половине XX века, создавшего крупнейшую научную школу в профессиональной педагогике, стоявшего у истоков открытия в г. Казани научно-исследовательского института профессионально-технической педагогики Академии педагогических наук СССР. Наша задача сохранить преемственность и обеспечить поступательное развитие педагогической науки в XXI веке. Представленные в разделе статьи демонстрируют это. Так в статье Ф. Ш. Мухаметзяновой и Е. Ю. Левиной рассматриваются задачи управления развитием образовательных систем и возможностей применения для этого широкого комплекса подходов - системного, факторного, процессного и информационного. Статья Ю.Н. Зиятдиновой, П.Н. Осипова, Э. Э. Валеевой, А. Н. Безрукова, Д. Ш. Султанова знакомит с результатами работы по гранту РГНФ и Правительства Республики Татарстан, посвященному разработке, научному обоснованию и экспериментальной апробации концепции интернационализации инженерного образования в Республике Татарстан, реализуемой на базе Казанского национального исследовательского технологического университета с учетом опыта других российских и зарубежных университетов. Статья М. Ф. Галиханова, И. М. Городецкой, В. Г. Иванова, Ф. Т. Шагеевой, Г. А. Низамовой посвящена еще одной важной проблеме, в решении которой активно участвует наш университет, – обеспечению непрерывного профессионального образования персонала регионального территориально-промышленного кластера. Л. А. Шимановская в своей статье исследует возможности расширения лингвострановедческой компетенции на занятиях по английскому языку в технологическом университете в соответствии с программными требованиями.

С пожеланием творческих успехов, д-р пед. наук, профессор П. Н. Осипов

Д. М. Шакирова

КРИТЕРИИ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Ключевые слова: инновационный потенциал, критерии инновационности, проблемное мышление, критическое мышление, латеральное мышление, стратегическое мышление, системное мышление, опережающее мышление, творческое мышление, многомерное мышление.

В статье проведен аналитический обзор подходов к определению инновационного потенциала страны, организации, личности. Основная идея исследования заключается в синтезе экономических, социологических, психологических и педагогических подходов к определению инновационного потенциала на различных уровнях. Показано, что среди критериев инновационности именно российского общества важно оценить развитие технотехнологии (technoscience), в которой российские традиции малоэффективны. Одной из причин такого явления считаем отсутствие четких установок в системе образования на всех уровнях на развитие сложных многомерных типов мышления (проблемное, критическое, латеральное, стратегическое, системное и опережающее) с использованием социально-когнитивных технологий. Представлены экспериментальные данные по уровню творческих способностей школьников и студентов, которые четко указывают пробелы в мыслительных навыках даже у интеллектуально одаренной молодежи.

D. M. Shakirova

CRITERIA AND EDUCATIONAL STRATEGIES FOR IMPROVING INNOVATIVE CAPACITY

Keywords: innovative potential, criteria of innovation, the problem thinking, critical thinking, lateral thinking, strategic thinking, system thinking, advancing thinking, creative thinking, multidimensional thinking.

This article provides an analytical overview of approaches to identifying innovative potential. It is shown that the most important criteria of innovativeness is not only the development of science and technology, but the level of technoscience, in which the Russian tradition is ineffective. One important reason for this phenomenon is the lack of clear objectives for the development of complex multidimensional types of thinking (problem, critical, lateral, strategic, systematic and the advancing thinking) at all levels of education with the use of socio-cognitive technologies. It is shown the experimental data on the level of creative abilities of pupils and students, which clearly indicate the gaps in specific creative thinking skills, even of the intellectually gifted young people.

Введение

Россия, как и многие страны мира, провозгласила инновационный путь развития, при котором особое значение приобретает инновационный потенциал, являющийся частью интеллектуального. Инновационный потенциал включает как научно-технический, так и социальный и гуманитарный аспекты. Исследуя проблемы оценки и развития инновационного потенциала, ученые непременно затрагивают вопросы, связанные с «обществом знаний» [1] и общим уровнем инновационности общества. Последнее включает уровень науки, образования, телекоммуникаций, венчурного производства, развитость демократических институтов, уровень развития информационного

потенциала [2].

«Действительно, говоря об экономике знаний и обществе знаний, необходимо иметь в виду, что это не просто усиление, повышение роли науки в обществе. Это глубокие изменения именно в самом обществе, для которого новые научные знания и технологии становятся не чем-то факультативным, а модусом его существования, его сутью как современного общества, средой, в которой оно обитает» [3,4]. Однако, когда речь идет об инновационном потенциале именно российского общества, важно оценить не только развитие науки, но, главное, технотехнологии (technoscience), в которой российские традиции малоэффективны. Так, английский социолог науки Барри Барнс отмечает, что это сугубо специфическое современное явление, которого

не было ранее в мировой практике [5].

Анализ проблемы и постановка задачи

Инновационный потенциал является составляющей интеллектуального, поэтому наиболее общим критерием является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который оценивается ежегодно для каждой страны. Для России он равен в 2014 году – 0,778 (57-ое место) [6]. Для развитых стран нижняя граница составляет 0,8, а верхняя – 1,0. Положение Татарстана выглядит более привлекательно и ИРЧП составляло 0,864 в 2010 году и 0,880 – в 2011 году. При расчете ИРЧП важный вклад вносят параметры, связанные с образованием, и мы остановимся на данном вопросе более подробно во второй части нашей статьи.

Индекс инноваций для России составлял 37,2 в 2013 году (это 62-ое место в мире) и повысился в 2014 году до 39,1 [7], заняв 49-ое место в общем рейтинге. Как отмечается в докладе о глобальном развитии инноваций 2014 года «Человеческий фактор в инновационном процессе», сильные стороны России связаны с качеством человеческого капитала (30 место), развитием бизнеса (43), развитием знаний и технологий (34). Показатели развития инфраструктуры остаются на среднем уровне (51 место). Мешают развитию инноваций *несовершенные институты* (88 место), *низкие показатели результатов творческой деятельности* (72) и *развития внутреннего рынка* (111).

В соответствии с индексом инновационного развития регионов РФ за 2014 год Татарстан занимает 2-ое место (0,5606), что коррелирует и с достаточно высоким индексом образования республики (0,927), при среднероссийском – 0,780, что соответствует 36-му месту в мире.

Россия является страной с наибольшей долей взрослого населения (в возрасте 25-64 года) с третичным (высшим) образованием среди всех стран ОЭСР и стран-партнеров, по которым имеются данные: 53% против 32% в среднем по странам ОЭСР и 27% в среднем по странам «Большой двадцатки». Более того, *94% россиян имеют образование не ниже полного среднего*, что существенно выше среднего показателя для стран ОЭСР (75%). Если сравнивать со странами БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), то по этому показателю Россия более чем в два раза опережает Бразилию и более чем в четыре раза – Китай.

Но при том, что большая доля населения имеет высшее образование, *Россия*

является единственной страной среди тех, по которым имеются данные, где средний уровень грамотности взрослых с третичным образованием ниже 280 баллов по международному обследованию грамотности взрослых. Кроме того, в России зафиксирована наименьшая разница средних баллов взрослых с третичным образованием и тех, кто не имеет полного среднего образования - всего 30 пунктов. По всем странам, участвовавшим в обследовании, эта разница составляет в среднем 60 баллов.

О чем это свидетельствует?

Наличие высшего образования в нашей стране не является гарантией не только профессиональной компетентности специалиста, но даже среднего уровня грамотности. Приоритетом следует считать не только и не столько количество людей с высшим образованием, сколько качество нашего образования на всех уровнях.

Итак, *основное противоречие* заключается в наличии огромного информационного потока по инновациям в мире на принципиально новом уровне разработанности проблемы и наивностью понимания инноваций управленцами и даже многими специалистами нашей страны как рационализаторства, как высказывание новой идеи, но не как внедренный технонаучный продукт в управление, системную организацию всех видов деятельности, экономику, промышленность, науку и, главное, в образование. Слабым звеном российского образования является неудовлетворительное качество высшего образования и слабая подготовка к продуктивной творческой деятельности на всех уровнях образования. В данной статье сделаем попытку обсудить способы движения к инновационному обществу через процесс образования и обучения.

Концептуальные подходы к понятию «Инновационный потенциал» и критериям его оценки

В зарубежной науке и практике разработано немало критериев, представленных в официальных документах, которые позволяют оценить уровень инновационного потенциала государства [8,9]. Особенностью подхода к инновации в международных документах является условие, что она должна быть внедрена. Согласно «Руководству Осло», инновационный потенциал – итог разнообразных процессов обучения – сознательного, целенаправленного,

дорогостоящего, требующего много времени, нелинейного, многоэтапного и кумулятивного [10].

Методики оценки инновационного потенциала на макро - и микроуровнях достаточно подробно описаны в литературе [11-16]. Коротко перечислим основные показатели оценки инновационного потенциала:

индекс человеческого развития (Human Development Index – HDI [24]; индекс глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index, GCI); индекс конкурентоспособности ИТ-отрасли (Global IT Industry Competitiveness Index) (у России было 38-е место в 2009 г. и 49-ое - в 2014 из 66 стран, по которым имеются данные); индекс экономики знаний (Knowledge Economy Index – KEI) (Россия занимала 60-е место в 2009 г. и 55-ое место в 2012 году); суммарный индекс инноваций (Summary Innovation Index – SII). По SII государства ранжируются на группы: «лидеры инноваций», «приверженцы инноваций», «умеренные инноваторы», «догоняющие инноваторы». Россия находится в последней группе [17].

Мир давно пришел к пониманию, что на данном этапе развития цивилизации только объединение умов, ресурсов, методологий и практик может привести к инновационному развитию страны, систем внутри государства, фирмы, личности. Глобализация в данной сфере имеет принципиальное значение - наука, образование и технонаука стали наднациональными. Процессы индивидуализации отбрасывают страны назад во всех областях, а в инновациях могут отбросить навсегда.

Продолжая описание концептуальных подходов к инновационному потенциалу, хотелось бы остановиться на блестящей идее «голубого океана», который для нашей страны может быть единственно возможным для скачка во многих областях. Время постепенного развития, к сожалению, упущено. Идея «стратегии голубого океана» высказана Чан Кимом - преподавателем международного менеджмента на кафедре Брюса Хендерсона INSEAD (Франция), который вошел в глобальный рейтинг «пятьдесят всемирных мыслителей» (Thinkers 50). Данная стратегия появилась не просто как чудная идея, а как результат исследования различных видов индустрий за последние сто лет. «Анализируя данные, исследователи обнаружили некую закономерность стратегического мышления, которое предшествовало созданию нового рынка или индустрии, открыватель которой –

первопроходец, изобретатель или создатель чего-то принципиально нового, а потому еще не имеющий конкурентов. Это и было названо «стратегией голубого океана». Логика этой стратегии отличается от традиционных моделей, которые сосредоточивают внимание на борьбе с конкурентами в существующем рыночном пространстве, названном автором «алым океаном» [18].

Главный вопрос: как подготовить таких «открывателей голубых океанов»?

Традиционное мышление настолько сильно, что немногим дано из него «вырваться». Бизнес и даже наука и образование живут и работают по принципу конкуренции: надо придумать что-то лучшее, чем у других. Голубые океаны *требуют стратегического, опережающего, творческого мышления* [19]. Чан Ким утверждает, что голубые океаны – это не только технологические инновации, часто создание голубого океана – это продукт стратегии и во многом продукт управленческих действий [19]. Отсюда следует, что, в первую очередь, перед нашей страной стоит проблема отбора и подготовки молодежи, имеющей от природы творческий потенциал и обученной так, чтобы применять на практике методы и приемы стратегического, критического, опережающего мышления и чтобы такая молодежь могла попасть в систему управления на всех уровнях.

Инновационное образование на основе развития интеллекта, творчества и мыслительных компетенций

Доклад о глобальном развитии инноваций 2014 года носит название «Человеческий фактор в инновационном процессе» и посвящен роли творческих личностей и групп в инновационном процессе. Авторы доклада указывают, что понимание человеческого фактора в инновационном процессе особенно важно для выработки национальной и местной политики, помогающей содействовать экономическому развитию [20].

Попыткой России использовать положительный опыт стран – лидеров инноваций являются Копенгагенские и Болонские соглашения в области образования, совместные с европейскими университетами программы Tempus, Erasmus, Tasis и др. Так, августовские чтения в Республике Татарстан в 2014 году посвящены теме «Татарстан: образование инновационного региона», где была заложена программа внедрения в образовательный процесс инновационных

технологий совместно с Сингапурской компанией EDUCARE.

Однако почему же не заметен серьезный прорыв в подготовке творческих личностей, групп инноваторов? Неужели дело только в недостатке финансовых средств на серьезную подготовку?

На наш взгляд, проблема лежит в целевых установках и фундаментальных содержательных основах российского образования, и никакие попытки институционального, структурного, организационного характера, сколь хороши бы они ни были, не приведут к скачку. Вспомним, чем была сильна подготовка в советской школе и вузе – фундаментальность, создание и реальное использование психолого-педагогических теорий и концепций развития мышления, лучшая в мире система переподготовки преподавателей всех уровней. Да, практическая направленность образования оставляла желать лучшего. Но мы выплеснули ребенка вместе с водой.

Напомним имена отечественных теоретиков образования в области развития мышления: П. П. Блонский, А. В. Брушлинский, Д. В. Вилькеев, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, М. И. Данилов, Л. В. Занков, И. Я. Лернер, А. М. Матюшкин, М. И. Махмутов, В. Оконь, М. Н. Скаткин, С. Т. Шацкий и др.

Работы Л. С. Выготского являют собой образец методологии для педагогических исследований. К его книгам «Воображение и творчество в детском возрасте» (1917), «Мышление и речь» (1934) даже в 21 веке обращаются педагоги и психологи США, а в России о них практически забыли. Все эти ученые были не только теоретиками, но и практиками – исследователями, которые сами вели педагогические эксперименты в учебном процессе и участвовали в переподготовке кадров.

Наше глубокое убеждение заключается в том, что современная парадигма российского образования должна быть основана на технонаучной теории процесса обучения на основе синтеза российских, западных и опережающих концепций формирования мышления и новой ментальности. И она уже рождается в умах передовых преподавателей и отдельных коллективов, но пока не осознана руководителями образования всех уровней.

Напомним вновь «стратегию голубого океана», которая способна «вытащить» российское образование и обеспечить страну инноваторами, так необходимыми самой науке об образовании. В условиях недостатка специалистов, которые владеют

компетенциями в области технонауки и подготовки инноваторов, кто должен обучать молодежь? На Международном форуме «Дни русских инноваций» в 2009 году участники приняли «Русский инновационный манифест», в котором объявлено, что главнейшая стратегическая задача государства — сделать инновации неотъемлемым элементом экономики, пронизывающим все отрасли народного хозяйства. «С точки зрения инноваций мы — безнадежное поколение, отработанный материал... — констатировали перешагнувшие порог сорокалетия. «Надежда страны те, кто придет после нас, те, кому сегодня лет десять». Сегодняшние дети через 10–15 лет будут составлять основную трудоспособную и творческую часть населения России. Основной составляющей потенциальных интеллектуальных и творческих ресурсов и залогом процветания страны является новая генерация [21].

Так почему бы не привлечь новую генерацию к трансформациям в системе образования и процессе обучения?!

Так, американская исследовательница – антрополог, этнограф и социолог – Маргарет Мид выделила три типа культуры межпоколенных отношений: постфигуративный, кофигуративный, префигуративный тип культуры. Именно последний тип характерен для культуры постиндустриальной эпохи, когда скорость обновления знаний такова, что молодое поколение становится более компетентным в ряде вопросов современности и новых технологиях [22,23].

В реальной практике преподаватели используют такие приемы, когда старшеклассники или старшекурсники обучают младших, что дает прекрасные результаты. Этот же прием используется при создании разновозрастных проектных команд по технологии командного подхода (team approach) [24]. Итак, наша надежда – молодежь, но только разумная преемственность упомянутых выше фундаментальных подходов и современных приемов обучения даст желаемый результат. Далее предпримем попытку оценить нашу молодежь из сообщества одаренных по интеллектуальным и творческим показателям.

Интеллект, мышление и творчество: экспериментальные данные

Для поиска образовательных концепций и технологий формирования потенциально готовых к инновационной

деятельности школьников и студентов нам представляется важным определить не только уровень интеллектуальности (данные см. в наших работах [25-27]), но и творческие характеристики личности: **беглость, гибкость мышления, оригинальность идей и способность доводить идею до завершения.**

Рассмотрим результаты экспериментального исследования творческих характеристик школьников и студентов, полученных при использовании широко известных тестов Торранса (исследования проводили на базе молодежного сообщества мотивированных и способных школьников и студентов Татарстана – «Сэлэт» - одаренность).

Показатель *беглости* (скорости, продуктивности) отражает *способность к порождению большого числа идей*. Показатель *гибкости* оценивает *способность выдвигать разнообразные идеи*, переходить от одного аспекта проблемы к другому, использовать разнообразные стратегии решения проблем. *Оригинальность* характеризует *способность к выдвиганию идей, отличающихся от очевидных*. Те, кто получают высокие баллы по оригинальности, обычно, характеризуются высокой интеллектуальной активностью и неконформностью, способны избегать очевидных и тривиальных ответов. Высокий показатель *разработанности*, детализации характерен для тех, кто способен к *изобретательской и конструктивной деятельности*.

И сколько же оказалось потенциальных инноваторов? Переплыть «голубые океаны» и стать инноваторами могут только те, кто имеет высокие показатели по тестам оригинальности и разработанности, что встречается не так часто. Среди школьников 10-11 классов, не являющихся участниками олимпиад различного уровня, высокие результаты по беглости (скорости) высказывания интересных идей показали 100 % школьников (всего 52 человека). Оценка гибкости ума, т.е. высказывание разнообразных идей, показала следующие результаты: высокий результат – 44%, выше среднего – 48 %, средний – 8 %.

По оригинальности идей высокий результат показал один человек (2 %), выше среднего – 15%, средний – 73 %, ниже среднего – 10%. По показателю разработанности идей, т.е. умению доводить идею до продукта, высокие результаты не показал никто, выше среднего – 12 %, средние – 70% и ниже среднего – 18%.

Среди школьников профильной творческой смены (74 человека) результаты по беглости (высокий – 92%, выше среднего – 5%)

и гибкости (высокий результат – 50 % и выше среднего – 41 %) сравнимы с предыдущими. По оригинальности высоких результатов никто не показал, выше среднего – 16%, по разработанности высокий балл получил 1 человек, а выше среднего – 10 человек (14 %).

Лучшие результаты показали учащиеся старших классов - победители и участники районных, городских и республиканских предметных олимпиад (36 человек): по беглости 100% продемонстрировали высокий результат, по гибкости 78%, по оригинальности и разработанности вновь отсутствуют высокие результаты, но выше среднего - 25 % и 28%, соответственно.

Студенты вузов г. Казани - участники Школы вожатых «Сэлэт» (62 человека) проявили высокие результаты по оригинальности высказывания идей (8%) и выше среднего – 16%, по разработанности - выше среднего показали 16 % (рис.1).

Анализ результатов тестирования показывает, что средний уровень развития творческого мышления в исследуемых группах олимпиадников, школьников и студентов находится приблизительно на одном уровне. Причем показатели беглости (продуктивности) мышления несколько выше у олимпиадников, что тем самым отражает их способность к порождению большего количества разнообразных идей.

Уровень развития оригинальности и разработанности творческой идеи во всех группах испытуемых находится на среднем уровне. В нашем исследовании эти показатели являются наиболее важными и свидетельствуют, что потенциальных инноваторов чрезвычайно мало – 2% среди школьников-олимпиадников и 8% – среди студентов, что коррелирует с данными, полученными при оценке интеллекта (5% - незаурядный высокий интеллект). В то же время количество тех, кто потенциально готов к инновационной деятельности при условии целенаправленной работы по развитию творческих способностей, достаточно высоко: в среднем 18 % по показателю оригинальности и 26% по показателю разработанности. Причем среди олимпиадников оригинальность достигает 61%.

Для более тонкой оценки творческих характеристик нами использована методика С. Медника, адаптированная А. Н.Ворониным в 1994 г. в виде теста «Диагностика вербальной креативности». Методика направлена на выявление и оценку существующего у испытуемых, но часто скрытого или блокируемого вербального креативного

потенциала. Методика позволяет оценить индекс оригинальности – уровень вербального творческого потенциала, индекс уникальности, т.е. сколько новых решений способен предложить испытуемый в общей массе выполненных заданий, индекс продуктивности, который свидетельствует об уровне понятийного мышления. Кроме того, этот индекс в значительной мере коррелирует с мотивацией достижения, т.е. чем выше количество ответов, тем выше личная мотивация достижения испытуемого.

Согласно данным, треть испытуемых (31%) имеют средние значения уровня оригинальности, пятая часть (21%) – выше среднего. Десятая часть (10%) испытуемых продемонстрировала высокие значения индекса оригинальности. В целом, более трети части опрошенных (38%) показали значения *индекса оригинальности* на уровне низких и ниже средних (рис.2). Для группы в целом среднее значение индекса оригинальности составляет 0,71, что соответствует среднему уровню, максимальное - 0,99 и минимальное – 0,33.

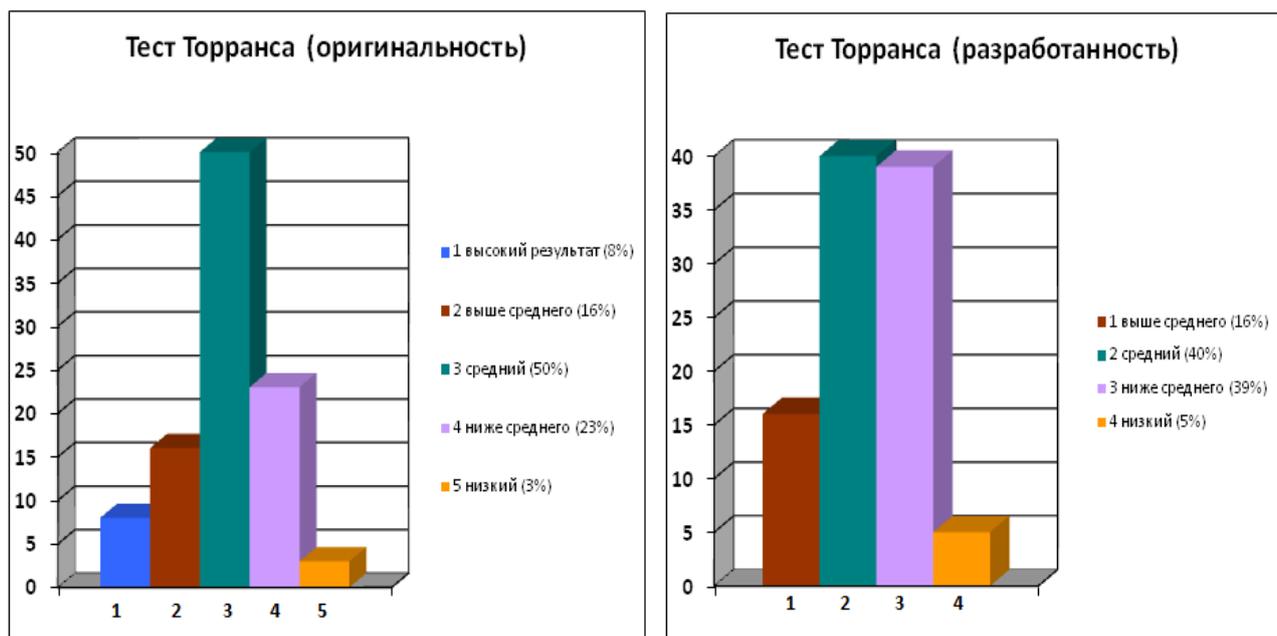

Рис. 1 – Распределение респондентов (студенты ВУЗов) по значениям индекса оригинальности и разработанности (тест Торранса, 2013 год)

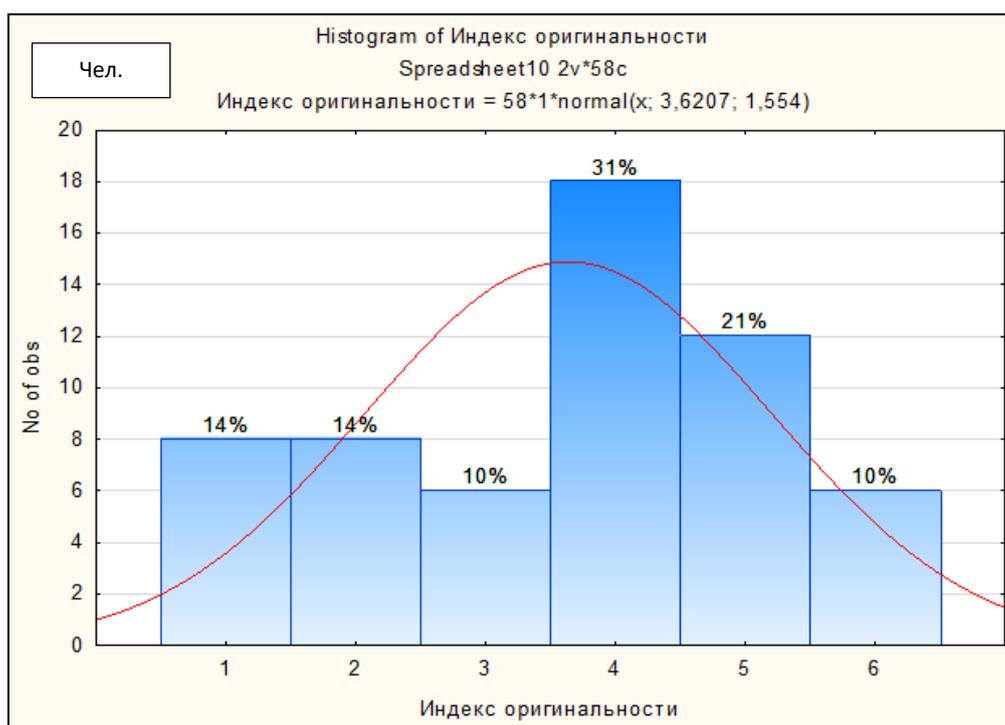

Рис. 2 – Распределение респондентов (школьники-олимпиадники) по значениям индекса оригинальности (тест Вербальная креативность, 2014 год) 1 – крайне низкий (< 0,5); 2 – низкий (0,5-0,6); 3 – ниже среднего (0,61-0,7); ;4 – средний (0,71-0,8; 5 – выше среднего (0,81-0,9); 6 – высокий (> 0,9)

Отметим, что в целом школьники и студенты показали невысокий уровень вербальной уникальности: 86% - средние и

низкие значения. При этом 13% имеют индекс уникальности выше среднего и высокий (рис.3)

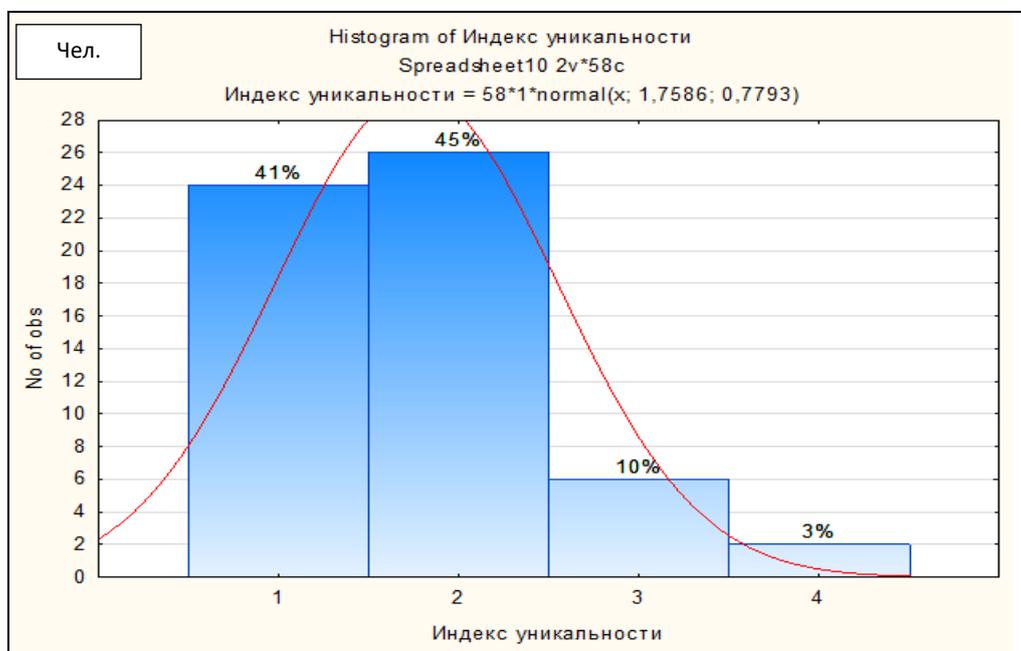

Рис. 3. Распределение респондентов по значениям индекса уникальности (тест Вербальная креативность, 2014 год): 1 – низкий (< 10 баллов); 2 – средний (10-15 баллов); 3 – выше среднего (16-25 баллов); 4 – высокий (> 25 баллов)

Для группы в целом среднее значение индекса оригинальности составляет 11,5, что соответствует среднему уровню, максимальное - 24 и минимальное - 1.

Таким образом, можно сделать вывод, что такие характеристики, как оригинальность, уникальность и разработанность, требуют специальной подготовки, в итоге которой школьники и студенты, имеющие уровень выше среднего, могут достичь лучших результатов, и средний уровень по группе перейдет в область выше среднего. Специальная подготовка подразумевает целенаправленное системное формирование различных типов мышления в процессе образовательной и исследовательской деятельности.

Подходы и технологии в образовании, формирующие потенциальных инноваторов

В данной работе остановимся на тех подходах, которые непосредственно связаны с развитием интеллекта, мышления и творчества на уровне мыследеятельностных компетенций.

Первое и главное – разрабатывать и применять концепции и технологии, развивающие интеллект, мышление и творческие способности, обозначив их как приоритетные в целях образования.

Второе и не менее важное – применять эти технологии и в системе переподготовки учителей, преподавателей вузов и управленцев на всех уровнях.

Третье – применять конфигуративный и прекофигуративный типы коммуникаций в обучении путем создания разновозрастных проектных команд.

Четвертое – оценивать не знания, а мыслительные компетенции, которые уточняются каждые пять лет экспертами-инноваторами.

Какие типы мышления актуальны на данном этапе развития инновационного общества?

Ученые и бизнес-практики все чаще говорят о многомерном мышлении, которое включает системное (стратегическое), опережающее, критическое, проблемное и латеральное. Данная классификация носит

прикладной характер, который позволяет разработать конкретные мыслительные компетенции и систему приемов их формирования для разных возрастных групп и предметных областей. Донелла Медоуз в книге «Азбука системного мышления» [28] на большом числе научных и социальных примеров показала отличительные особенности системного и неразделимого с ним стратегического мышления, которые позволили нам сформулировать его основные элементы в виде мыслительных компетенций.

Стратегическое мышление — это способность человека прогнозировать результаты и последствия действий (своих и чужих) на много шагов вперед.

Стратегическое мышление состоит из следующих основных элементов:

- способность предвидеть, как будет развиваться та или иная ситуация, способность ответить на вопрос, к какому результату могут привести различные действия;

- глубинное понимание, осознание и принятие места конкретного элемента, человека (группы людей) в общей системе на уровне оценки внутренних и внешних взаимосвязей;

- осознание базовых приоритетов и принципов, в соответствии с которыми должны приниматься стратегические и тактические решения, способность отличить истинные ценности от лозунгов, смелость следовать ценностям;

- способность в каждой, даже самой негативной ситуации, находить для себя выгоды и возможности приближения к поставленным целям.

Достаточно близко к стратегическому мышлению по компетенциям стоит *опережающее мышление* [29]. Оно позволяет:

- понимать и предвидеть будущее;

- оценивать возможные позитивные и негативные последствия на много лет вперед;

- уметь действовать в рамках разных парадигм;

- строить коммуникации с людьми, организациями, странами, которые исповедуют отличные от ваших стратегии.

Наличие подобного сформированного мышления дает возможность изменить уровень и качество коммуникаций между родителями и детьми, преподавателями и студентами, бизнес – коммуникации и в итоге уровень управленческого мастерства. Возникают

компетенции нового типа не столько по решению проблем, сколько по их избеганию; предвидению; выявлению возможностей вплоть до достижения «стратегии голубого океана»; пониманию факторов влияния; развитию собственного конвергентного мышления, что характеризует одаренность человека.

Анализ перечисленных выше элементов мышления свидетельствует о необходимости навыков мыслить критически и проблемно для достижения способности к сложным многомерным стратегическим и опережающим компетенциям.

Критическое мышление помогает в анализе и выборе альтернатив при принятии решений, оценке и самооценке возможностей, коррекции поступков и мотивов деятельности, построении логических схем достижения целей. В наших ранних работах [30] было дано рабочее определение критического мышления, которое скорректировано нами с учетом опыта формирования данного типа мышления.

Это способности и потребности человека:

- видеть несоответствие высказывания (мысли) или поведения другого человека общепринятому мнению или нормам поведения или собственному представлению о них;

- сознавать истинность или ложность теории, положения, алогичность высказывания и реагировать на них;

- уметь отделять ложное, неверное от правильного, верного; критически анализировать, доказывать или опровергать;

- оценивать предмет, задачу, собственные суждения и поступки, вносить коррективы, показывать образец мысли, высказывания, поведения; выражать собственное ценностное отношение, ценностную ориентацию;

- осуществлять коррекцию и самокоррекцию высказываний, отношения и действий на основе новых фактов, доводов и аргументов оппонента.

В основе *проблемного мышления* лежит интеллектуальное затруднение, возникающее тогда, когда человек не может (не знает как) объяснить явление, факт, процесс действительности, не может достичь цели известным ему способом действия. Это побуждает искать новые знания, новый способ действия. В зависимости от характера противоречия между знанием и незнанием, лежащего в основе затруднения, различают типы проблемных ситуаций. Проблемная ситуация обуславливает начало мышления, а активная мыслительная деятельность протекает

в процессе постановки и решения проблемы [31]. Теория и технологии проблемного обучения разработаны в 70-80-ые годы и внедрены в практику с описанием опыта применения дидактической системы проблемного обучения на разных предметных областях.

Так почему же так трудно приживаются системные концепции и технологии формирования проблемного, критического и других типов мышления?

Наверное, потому, что они требуют больших умственных, организационных, творческих усилий, чем традиционные, большей системности и упорства в достижении интеллектуальных успехов как преподавателя, так и учащегося и студента. И еще... Практика показывает, что хороший эффект дает интеграция методологически стройной дидактической системы проблемного обучения академика М. И. Махмутова и пошагово описанной, алгоритмично построенной, не исключая высокий уровень творческой составляющей, технологии problem-solving в западной образовательной традиции [32-34].

Отличительной особенностью критического и латерального мышления является их социальная и практическая направленность. Латеральное мышление отражает направленность на результат собственных мыслительных действий, умение ставить цели, искать пути достижения целей и оценивать результаты. Это мышление эффективное и результативное [35]. Естественно, что экспериментально отделить эти типа мышления на уровне отдельной личности довольно сложно, эта типология, в определенной мере, условна. Однако если принять точку зрения, что интеллект и мышление проявляются в способах деятельности и через поведенческие примеры, то вычленение данных типов мышления вполне реально.

Кроме того, парадигма оценивания результатов обучения также должна соответствовать уровням познавательной деятельности и мыследеятельностным компетенциям. В науке и преимущественно в

зарубежной практике разработаны и многие годы применяются системы оценивания, основанные на таксономии педагогических целей (компетенций) в познавательной сфере: таксономии по Махмутову, по Беспалько, по Толлингеровой, по Блюму. Последняя наиболее распространена в вузах Великобритании, США, Канады и других стран и является неотъемлемой частью применения стратегий развития мышления высокого уровня. Например, если оценивание показало, что уровни анализа и синтеза достигаются менее чем 50% студентов 4 курса, то, следовательно, содержание и методы преподавания надо срочно пересматривать!!! Однако это предмет отдельного обсуждения.

Заключение

В исследовании описан международный и отечественный опыт определения инновационного потенциала, даны количественные характеристики уровня инновационности российской экономики. Акцентируется внимание на взаимосвязи и взаимозависимости инновационного потенциала, интеллекта, творчества и методологических подходов к образованию.

На примере исследования интеллектуальных и творческих характеристик школьников и студентов показано, что слабым звеном молодежи (и не только молодежи) являются способности оригинально мыслить и доводить идею до уровня разработанности, т.е. те качества, которые нужны инноваторам в первую очередь. Для формирования таких способностей и превращения их в компетенции как личностные, так и профессиональные необходимо последовательно формировать различные типы мышления в образовательном процессе. Например, в современных условиях акцент может быть сделан на таких фундаментальных и практически направленных типах мышления, как проблемное, критическое, латеральное, стратегическое, опережающее. И ничего не случится инновационного, если не развивать этого в школе, ВУЗе и системе переподготовки кадров.

Литература

1. Келле В. Ж. Человеческий потенциал как критический ресурс России // Интеллектуальный ресурс страны как базис ее инновационного развития. – М.: ИФРАН, 2007. – С. 19-33.
2. Заславская Т.И. О некоторых методологических вопросах исследования современного российского общества // Куда идет Россия? – М., 1999. – 139 с.
3. Ашмарин И. И. Человеческий потенциал России. – 2000. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/ashmarin_chelovecheskiy/01.aspx (дата обращения: 20.10.2015).
4. Сен А. Об этике и экономике. – М.: Наука, 1996. – 160 с.

5. Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерение. – М.: Институт человека РАН, 2002. – 265 с.
6. Индекс развития человеческого капитала // Центр инновационных технологий: информационно-инновационный портал. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info> (дата обращения: 20.10.2015).
7. Исследование INSEAD: Глобальный индекс инноваций 2014 года // Центр инновационных технологий: информационно-инновационный портал. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/18/6841> (дата обращения: 20.10.2015).
8. Quality Time for Students: Learning in and out of school. URL: <http://browse.oecdbookshop.org/oecd/pdfs/free/9810051e.pdf> (дата обращения: 20.10.2015).
9. Голиченко, О.Г. Национальная инновационная система: проблемы теории и практики. Центральный Экономико-Математический Институт РАН. URL: <http://cee-moscow.com/doc/X/rus/golichenko.pdf> (дата обращения: 20.10.2015).
10. Руководство Осло: Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. – М.: ЦИСН, 2006. – 192 с.
11. Robert V. Tucker. Driving growth through innovation. – Berrett-Koehler Publishers, 2006. – 240 p.
12. Мицуаки С. Эпоха системных инноваций. – Миракл, 2006. – 248 с.
13. Чесбро Г. Открытые инновации. – М.: Поколение, 2007. – 336 с.
14. European innovation scoreboard 2008 Comparative analysis of innovation performance URL: http://www.inei.org.br/inovateca/estudos-e-pesquisas-em-inovacao/EIS2008_Final_report-pv.pdf. (дата обращения: 20.10.2015).
15. PRO INNO Europe URL: www.proinno-europe.eu. (дата обращения: 20.10.2015).
16. Global Competitiveness Report 2009–2010. URL: <http://www.weforum.org>. (дата обращения: 20.10.2015).
17. Реймер В. В. Международный рейтинг инновационного потенциала России / В. В. Реймер, Т. В. Кокуйцева // Российское предпринимательство. – 2010. – №12 Вып. 2 (174). – С. 4 – 10. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/11427/>. (дата обращения: 20.10.2015).
18. Ашмарин И. Гуманитаризация инновационного процесса: неизбежность или невозможность. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/chel/ch_3/4.pdf (дата обращения: 20.10.2015).
19. Чан Ким. Гуманитаризация инновационного процесса: неизбежность или невозможность: цит. по Ашмарин И. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/chel/ch_3/4.pdf (дата обращения: 20.10.2015).
20. Э. де Боно. Латеральное мышление. – СПб: Питер Паблишинг, 1997. – 320 с.
21. Лунякова Л. Г. Одаренные дети – ресурс человеческого потенциала современной России // Интернет-конференция «Дети и молодежь», 1 марта – 4 апреля 2010 г. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/33372755> (дата обращения: 20.10.2015).
22. Мид М. Культура и мир детства. – М., 1988. – 134 с.
23. Культурология. XX век: энциклопедия в 2 т. Т.2. – СПб., 1998. – 248 с.
24. Шакирова Д. М. Интеграция умений критически мыслить и работать в команде при обучении студентов вуза / Д. М. Шакирова, Н. Ф. Плотникова // Инновации в образовании. – 2006. – № 3. – С. 120–132.
25. Шакирова Д.М. Оценка интеллектуального потенциала одаренной молодежи в структуре молодежных сообществ / Д. М. Шакирова, Е. П. Носкова, Д. Р. Гимадеева // Социология образования. – 2014. – № 11. – С. 42–54.
26. Шакирова Д.М. Критерии оценки интеллектуального и образовательного потенциалов в информационном обществе // Международный электронный журнал «Образовательные технологии и общество» Educational Technology and Society. – 2010. – Т. 13. – № 3. URL: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v13_i2/html/15htm (дата обращения: 20.10.2015).
27. Шакирова Д. М. Интеллектуальный потенциал страны, региона, организации: критерии оценки в информационном обществе // Научный Татарстан. – 2013. – № 4. – С. 156–171.
28. Медоуз Д. Х. Азбука системного мышления. – М.: Бинوم, Лаборатория знаний, 2013. – 343 с.
29. Баркер Дж. Опережающее мышление. Как увидеть новый тренд раньше других. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 188 с.
30. Шакирова Д. М. Мышление, интеллект, одаренность: вопросы теории и технологии / Д. М. Шакирова, И. Ф. Сибгатуллина, Д. Ш. Сулейманов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – 312 с.
31. Махмутов М. И. Проблемное обучение. Основные вопросы теории. – М.: Педагогика, 1975. – 211 с.
32. Чошанов М. А. Дидактика и инженерия. – М: Бином, 2010. – 248 с.
33. Чошанов М. А. Дидактика и инженерия. – М.: БИНОМ: Лаборатория знаний, 2011. – 248 с.

34. Чошанов М.А. Инженерия обучающих технологий. – М: Бином, 2011. – 240 с.
35. Махмутов М. И. Современный урок. – М.: Педагогика, 1985. – 183 с.

Сведения об авторе:

©**Шакирова Диляра Мансуровна** – кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник, Академия наук Республики Татарстан, Исследовательский институт «Прикладная семиотика», Российская Федерация, Казань, e-mail: Shdilyara_m@mail.ru.

Information about the author:

©**Shakirova Dilara Mansurovna** – Candidate of Chemical Sciences, Senior Research Officer, Tatarstan Academy of Sciences, Research Institute "Applied Semiotics", Russian Federation, Kazan, e-mail: Shdilyara_m@mail.ru.

УДК 378.147

П. Н. Осипов

РОЛЬ С. Я. БАТЫШЕВА В СТАНОВЛЕНИИ КАЗАНСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Ключевые слова: Батышев С. Я., профессиональная педагогика, казанская научная школа.

Статья посвящена 100-летию со дня рождения видного организатора профессионально-технического образования и теоретика профессиональной педагогики 60-90-х гг. XX века Сергея Яковлевича Батышева (1915-2000) – Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, академика Российской Академии образования и Нью-Йоркской Академии наук, доктора педагогических наук, профессора, Героя Советского Союза. Многие известные ученые России и стран СНГ с гордостью считают себя учениками С. Я. Батышева. Неоценим его вклад и в становление казанской педагогической школы профессионального образования.

P. N. Osipov

ROLE OF SERGEY BATYSHEV IN THE ESTABLISHING OF KAZAN SCIENTIFIC SCHOOL OF PROFESSIONAL PEDAGOGICS

Keywords: Sergey Batyshev, vocational pedagogy, Kazan scientific school.

The article is devoted to the 100th anniversary of birth of Professor Sergei Batyshev (1915-2000), who was the Honored Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Education and the New York Academy of Sciences, Doctor of Pedagogics, Hero of the Soviet Union and also the prominent organizer of professional technical education and vocational pedagogics theoretician in 1960-90th. Many well-known scientists from Russia and the CIS countries are proud to consider themselves as disciples of Sergei Batyshev. He made a great contribution to the formation of the Kazan pedagogical school of vocational education.

Вся жизнь С. Я. Батышева связана с подготовкой квалифицированных рабочих и специалистов. Будучи инженером-педагогом по образованию, он прошел большой путь организатора педагогической науки и практики, работая в системе трудовых резервов, а затем профессионально-технического образования, Академии педагогических наук. Директор Саратовского индустриально-педагогического техникума, начальник Калининского управления трудовых резервов, начальник Управления учебными заведениями Министерства трудовых резервов, директор Центрального учебно-методического кабинета профтехобразования, заместитель председателя Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию, академик-секретарь Отделения профессионального образования АПН СССР, президент созданной им Ассоциации профессионального образования – таковы вехи этого пути.

С. Я. Батышев удачно сочетал организаторскую деятельность с научной и методической работой, не случайно в 1967-1973 гг. он возглавлял это направление в

Госпрофобре СССР. Благодаря ему установились первые связи между Госпрофобром и АПН СССР. В этот период С. Я. Батышев разрабатывает научные основы подготовки и повышения квалификации рабочих непосредственно на предприятиях.

Перейдя в АПН СССР, занимающуюся исключительно проблемами школьной педагогики, С. Я. Батышев выступил инициатором и организатором нового направления научно-педагогических исследований – педагогики и психологии профессионально-технического образования, возглавив вскоре такие академические структуры, как Отделение педагогики и психологии профессионально-технического образования и Научный совет при нем.

Научное наследие С. Я. Батышева включает результаты исследований по таким важнейшим направлениям, как теоретические основы развития системы профессионально-технического образования; подготовка и повышение квалификации рабочих на предприятиях; содержание обучения в профессионально-технических учебных заведениях; методология научных

исследований в области профтехобразования и др.

Осуществляя научное руководство историко-педагогическими исследованиями по проблемам профтехобразования, он активно проводил экспериментальную работу, направленную на проверку эффективности новых моделей и методик профессионального обучения в профтехучилищах и на производстве.

Научно-педагогическое наследие академика С. Я. Батышева многогранно. Достаточно сказать, что он теоретически обосновал ряд законов профессиональной педагогики, в их числе:

1. Знание типов производства, для которых осуществляется подготовка рабочих (по типу определяется производственный профиль рабочего).

2. Знание уровня механизации и автоматизации производственных процессов (по уровню механизации и автоматизации производственных процессов определяется содержание труда рабочих).

3. Знание степени непрерывности технологических процессов (по степени непрерывности технологических процессов определяются формы организации труда).

4. Знание состояния организации труда (по состоянию организации труда определяются обязанности рабочих).

5. Знание состава оборудования, применяемых в трудовом процессе предметов труда (по знанию состава оборудования и применяемых предметов труда определяется специализация рабочих).

6. Знание основных направлений взаимосвязи общеобразовательной и профессиональной подготовки позволит создать систему знаний, навыков и умений у учащихся по разным предметам.

С. Я. Батышеву принадлежит заслуга установления прямой зависимости уровня квалификации подготовки рабочих кадров в профтехучилищах от уровня развития производства, техники и технологии; доказательства значительного отставания квалификации рабочих от требований производства (по его оценкам – более чем на один квалификационный разряд). Эта проблема приобрела особую актуальность в новых экономических условиях, когда эффективность профессионального образования напрямую стала проверяться рынком труда, работодателем.

Важное значение он придавал качеству общеобразовательной и профессиональной

подготовки будущих рабочих и специалистов, обеспечиваемому на основе их взаимосвязи. В соответствии с реформой общеобразовательной и профессиональной школы существовавшие тогда различные типы профессионально-технических учебных заведений были реорганизованы в единый тип учебного заведения – среднее профессионально-техническое училище (СПТУ) с соответствующими отделениями по профессиям, формами и сроками обучения в зависимости от уровня образования поступающих.

Новая структура профессионально-технического образования, отмечал С. Я. Батышев, это не смена вывески. Речь идет о коренной перестройке подготовки рабочих кадров, переходе всех средних профтехучилищ на подготовку рабочих по новым сложным профессиям. В перспективе, по его мнению, неизбежна тенденция укрупнения и специализация учебных заведений в форме профессиональных комплексов, что повлечет за собой ориентацию училищ не на отдельное предприятие, а на отрасль, а в крупнейших индустриальных центрах – и на межотраслевое размещение.

В поле зрения С. Я. Батышева находилось развитие производственных технологий. Он постоянно подчеркивал, что НТР, оказывая огромное воздействие на содержание обучения и воспитания, предъявляет повышенные требования к профессионально-трудовой подготовке учащихся, стимулирует изменение в методах преподавания, в техническом оснащении педагогического труда.

Совершенствование содержания обучения С. Я. Батышев рассматривал как одно из направлений прогностических исследований в профессионально-технической педагогике. Задача заключалась в том, чтобы определить содержание и структуру учебных предметов, их влияние на формирование профессионального мастерства, определить специфику той или иной профессии и на этой основе уточнить соотношения компонентов образования. Это необходимо для определения взаимосвязи общетехнической, общеобразовательной и специальной подготовки.

Предваряя современные интегрированные курсы, С. Я. Батышев, писал, что представляется необходимым выяснить возможности интеграции обучения и воспитания, объединения смежных знаний в рамках изучаемых дисциплин, создания синтезированных курсов. Для этих целей

следует разработать и экспериментально проверить единые программы обучения и воспитания, в которые необходимо свести все образовательные и воспитательные задачи. Содержание учебно-воспитательной деятельности в этом случае будет носить комплексный характер, отражать систему комплекса дисциплин, обеспечивая тем самым качественно новый подход в подготовке рабочих широкого профиля и высокой квалификации.

Особенно важным, является то, что для экспериментальной проверки С. Я. Батышев предлагал включить в учебные планы новые компоненты, программирующие развитие и воспитание учащихся, а завершающим этапом исследования должна стать разработка методики развивающего обучения по каждому предмету.

С. Я. Батышевым была предложена целая система принципов составления учебно-программной документации, учитывающая качественные и структурные изменения в педагогических, технических и социальных науках и в производстве. Они были использованы в практике конструирования учебно-программных документов профтехобразования.

Сергей Яковлевич был не только единоличным автором многочисленных научных работ, но и инициатором создания крупных научных коллективов, подготовивших под его руководством учебник «Профессиональная педагогика» (Москва, 1997, третье издание – 2010 г.); «Энциклопедию профессионального образования» в 3-х томах (Москва, 1998); «Историю профессионального образования» (Москва, 2003). Эти труды, с одной стороны, систематизировали профессиональную педагогику как область научного педагогического знания, а с другой – стали программными документами для развития дальнейших исследований.

Такие его книги, как «Производственная педагогика» (1976), «Научная организация учебно-воспитательного процесса» (1980) и «Очерки истории профессионально-технического образования» (1981), отмечены премиями им. Н.К. Крупской, К.Д. Ушинского, академической премией и золотой медалью ВДНХ СССР. В 1998 году за разработку проблем профессиональной педагогики академик С. Я. Батышев был удостоен Премии Президента РФ в области образования.

Наряду с огромным личным вкладом С. Я. Батышева в науку, им была создана

крупнейшая научная школа в профессиональной педагогике. Под его научным руководством подготовлено более 80 докторов и кандидатов педагогических наук – единомышленников, ставших преемниками его дела.

В 70-е годы XX века ведущим отраслям отечественного производства – машиностроению и нефтехимии – понадобились более квалифицированные рабочие, готовить которых были призваны трехгодичные средние профессионально-технические училища. Довольно слабый контингент СПТУ за три года обучения должен был освоить двухлетнюю программу средней школы и одновременно двухлетнюю программу профтехучилища. Для решения целой серии непростых задач, возникающих на этом пути, требовался труд ученых. Эти обстоятельства обусловили открытие в г. Казани в 1975 году научно-исследовательского института профессионально-технической педагогики Академии педагогических наук СССР.

Идея создания института принадлежала академику С. Я. Батышеву. Первым директором нового академического института был назначен бывший в те годы министром просвещения ТАССР известный в стране ученый М. И. Махмутов.

С тех пор в течение 40 лет Институт, несколько раз за эти годы менявший свое название, занимается научной разработкой фундаментальных и прикладных проблем профессиональной педагогики. Здесь выросла большая научная школа, «выпускники» которой успешно трудятся сегодня в различных вузах и городах страны, в том числе и в Казани.

В 1976-1980 гг. учеными института под руководством С. Я. Батышева и М. И. Махмутова на основе теоретических идей, локальных экспериментов и обобщения передового опыта были разработаны: общие вопросы исследования в педагогике профессиональной школы; содержание и структура современного урока; система методов проблемно-развивающего обучения в средних ПТУ; психолого-педагогические основы комплексного применения технических средств обучения в системе методов обучения; теоретические основы системного подхода к оборудованию и оснащению учебных кабинетов по общеобразовательным предметам с учетом специфики средних ПТУ; экспериментальные программы курсов физики и математики; способы реализации профнаправленности в преподавании гуманитарных предметов в средних ПТУ; рекомендации по учету принципа

преимущества в трудовой подготовке школьников и профессиональной подготовке учащихся ПТУ; велись социально-психологические исследования условий эффективного управления деятельностью инженерно-педагогических коллективов средних ПТУ.

В названный исторический период в стране возникло и бурно развивалось наставничество – движение, представляющее собой содружество и преемственность поколений, осуществляемое трудовыми коллективами и их отдельными представителями по подготовке и воспитанию своей достойной трудовой смены. Очень быстро наставничество получило массовый размах, и есть все необходимые основания считать, что оно действительно стало одним из важнейших социальных институтов – специфическим образованием, обеспечивающим устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества.

С. Я. Батышев определил ряд проблем, которые, по его мнению, надо было разрабатывать. Институту было поручено задание госкомитета по науке и технике на разработку психолого-педагогических основ наставничества, для чего была создана специальная научная лаборатория. Уже в июне 1977 года на базе института была проведена Всесоюзная научно-практическая конференция, к которой были изданы материалы в 2-х томах. С ведущими докладами на конференции выступили С. Я. Батышев, С. С. Витченко и многие другие известные в стране ученые и практики. Конференция послужила мощным импульсом для дальнейшего развития наставничества. В 1981 году в московском издательстве «Советская Россия» вышла книга «Педагогика наставничества».

В 1981-1985 гг. исследования ученых Института были сосредоточены вокруг двух основных проблем: дидактика и методика преподавания общеобразовательных предметов в средних профтехучилищах; совершенствование воспитания учащихся. На основе логики процесса усвоения нового знания было дано теоретическое обоснование урока в среднем профтехучилище как целостной системы, предложена дидактическая структура урока. За книгу «Современный урок» (М.: Педагогика, 1981. 191 с.) М. И. Махмутов получил высшую академическую награду – премию им. Н. К. Крупской.

В те годы были сформулированы психолого-педагогические и дидактические основы преемственности и профнаправленности в обучении, выявлены оптимальные формы и

методы воспитания у учащихся устойчивого интереса к избранной профессии в процессе производственного обучения, деятельности ученических общественных организаций и органов самоуправления.

В период с начала 1986 по 1990 гг. дальнейшее развитие получила проблема взаимосвязи. В центре внимания исследований были две темы: «Методологические основы взаимосвязи общего и профессионального образования (руководитель академик М. И. Махмутов) и «Теория целостного процесса обучения в средних профтехучилищах» (руководители – член-корр. РАО А. А. Кирсанов, к.п.н. О. С. Гребенюк). В области процесса обучения появилась одна из первых работ по педагогическим технологиям в средней профессиональной школе, в которой была предложена целостная классификация педагогических технологий (руководитель ныне член-корреспондент РАО Г. И. Ибрагимов).

Большое внимание уделялось методике преподавания курсов химии (И. Я. Курамшин и др.), физики (А. А. Пинский, О. С. Гребенюк и др.), общетехнических дисциплин (А. З. Шакирзянов, И. А. Халиуллин и др.). Были сделаны пионерские разработки, связанные с концептуальными идеями, изложенными в научных трудах и монографиях Р. Х. Шакурова, среди которых «Психология перестройки» и «Социально-психологические основы управления: руководитель и педагогический коллектив». Новые возможности совершенствования воспитания в системе профессионального образования открыла и синергетическая концепция воспитательного процесса, разработанная Н. М. Таланчуком. Более чем 500 учебных заведений России внедрили ее в воспитательный процесс.

Параллельно с задачами обеспечения системы профессионально-технического образования необходимо было исследовать, разрабатывать и распространять научные идеи в рамках системы среднего профессионального образования. Еще до наступления 1990-х годов соответствующий круг проблем был введен в тематику института, а в 1990-1995 годы данная тематика получила свое гармоничное развитие.

С середины 90-х годов методологические и теоретические проблемы среднего профессионального образования сосредоточились вокруг тематики, связанной с регионализацией образования. Основные результаты в этом направлении состояли прежде всего в разработке методологических и теоретических основ регионализации среднего профессионального образования (цели, принципы, условия, критерии), которые нашли

отражение в работах академика РАО Г. В. Мухаметзяновой «Региональные аспекты управления средним профессиональным образованием»; «Управление региональными аспектами среднего профессионального образования» и др. Работы в области методологии и теории регионализации среднего профессионального образования, проводившиеся в Институте в 90-х годах, были в определенной мере «пионерскими» и заложили основу для продолжения исследований на новом уровне и в изменившихся условиях.

Будучи почти четверть века членом ВАК, С. Я. Батышев приложил немало усилий для открытия в Казани диссертационного совета, в котором могли бы защищать свои работы специалисты, работающие в области профессионального образования, профессиональной педагогики. За годы функционирования диссертационного совета в нем защитились аспиранты и соискатели из многих регионов России, в том числе из Москвы, Екатеринбурга, Махачкалы, Оренбурга, Саранска, Йошкар-Олы, Перми, Тюмени, Томска и др. В числе защитившихся здесь докторов педагогических наук ставшие впоследствии академиками РАО М. А. Берулава, Б. С. Гершунский, В. С. Леднев, А. М. Новиков, членами-корреспондентами РАО В. М. Медведев, Е. Г. Осовский, Н. М. Таланчук, профессорами В. С. Безрукова, Л. И. Гурье, И. Я. Курамшин, Ю. А. Кустов, М. И. Рожков, Ю. С. Тюнников, Н. К. Чепяев, М. А. Чошанов, Н. Е. Эрганова и многие другие известные сегодня в стране ученые.

В 1994 году в связи с открытием в Казанском государственном технологическом университете Центра подготовки и повышения квалификации преподавателей высшей школы Поволжья и Урала на работу сюда перешли академик РАО А. А. Кирсанов, ставший первым директором этого центра, доктора педагогических наук И. Я. Курамшин, Л. И. Гурье – единомышленники С. Я. Батышева. Сегодня в КНИТУ трудятся и другие ученые, чье профессиональное становление проходило под влиянием научных трудов С. Я. Батышева.

С.Я. Батышев оставил нам богатейшее научное наследие, которое требует своего изучения, осмысления и воплощения в практику. Поэтому очень важно, чтобы научные исследования, которые он планировал,

продолжались, а его идеи служили для них надежной методологической основой.

Через год после смерти С. Я. Батышева, в 2001 г., Ассоциацией «Профессиональное образование» учрежден Центр профессионального образования им. С. Я. Батышева, продолжающий реализовывать его замыслы. По инициативе АПН Украины и РАО и при участии Центра осенью 2003 г. в г. Николаеве проведены Первые международные чтения, посвященные памяти академика С. Я. Батышева, которые явились не только данью памяти видному ученому и общественному деятелю, но и способствовали творческому распространению его научного наследия.

19 октября 2015 г., в день рождения С. Я. Батышева в Москве прошли Седьмые международные научные чтения на тему «Профессиональное образование: современное состояние, проблемы и перспективы развития», посвященные его памяти. Цель чтений – обмен опытом развития национальных образовательных систем, особенностей развития уровней непрерывного профессионального образования для дальнейшего совершенствования национальных систем непрерывного профессионального образования на основе общих принципов, теоретических положений и международной практики.

В этом году президиум РАО принял положение об именной медали Российской академии образования имени С. Я. Батышева, которой награждаются ученые, деятели науки и отечественного образования, педагоги и психологи общеобразовательной и профессиональной школы за значительные достижения и существенный вклад в совершенствование системы современного профессионального образования. Именная медаль присуждается за фундаментальные научные труды, экспериментальные исследования и разработки, внесшие весомый вклад в развитие теории и методологии профессионального образования, создание образцовых учебников и учебно-методической литературы, современных технологий и инновационных систем профессионального образования. Будем надеяться, что её обладателями станут и казанские ученые, в становление которых С. Я. Батышев внес неоценимый вклад.

Сведения об авторе:

©Осипов Петр Николаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: posipov@rambler.ru.

Information about the author:

©**Osipov Petr Nikolaevich** – Doctor of Pedagogical Science, Professor of the Department of Engineering Pedagogics and Psychology, Kazan National Research Technological University Russian Federation, Kazan, e-mail: posipov@rambler.ru.

Ф. Ш. Мухаметзянова, Е. Ю. Левина

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Ключевые слова: образовательные системы, управление развитием, государственно-общественное управление, методологические подходы, моделирование.

Цель статьи – определение задач управления развитием образовательных систем в современных социально-экономических условиях, определяющих возможности повышения управляемости образовательных систем. Ведущей идеей статьи выступает применение системного, факторного, процессного и информационного подходов, позволяющих осуществлять управление образовательными системами на методологическом, теоретическом и праксиологическом уровнях.

F. Sh. Mukhametzyanova, E. Yu. Levina

MANAGERING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF CONTEMPORARY EDUCATIONAL SYSTEMS

Keywords: educational system, development management, public-public management, methodological approaches, modeling.

The purpose of the article is to define the tasks of management of educational systems development in the current social and economic context which determines the possibility of increasing the controllability of educational systems. The main idea of the article consists in the use of the system, factor, process and information approaches that permit to control the educational systems on the methodological, theoretical and praxeological levels.

Развитие образования как следствие необратимых положительных элементов системы и ее элементов под внешним и внутренним управленческим воздействием должно быть результативным, то есть обеспечивать в глобальном смысле развитие технологий, конкурентоспособность экономики, рост валового дохода, социальную обеспеченность и защищенность населения. Стратегическим направлением отечественного профессионального образования можно считать переход от модели государственного управления и жесткой системы стандартизации к развитию системы государственно-общественного управления и формированию содержания образования на основе ответственности образовательной организации (вариативность ФГОС), то есть переход к социально-рыночной, динамической модели управления с элементами государственного регулирования [6].

Под образовательной системой мы, опираясь на определение Д.А. Новикова [5], понимаем совокупность образовательных учреждений, реализующих преемственные образовательные программы различного уровня и направленности.

На каждом этапе развития общества состояние образовательной системы определяется тенденциями социально-экономического развития и технологическими укладами развития экономики, возникают новые условия, возможности и потребности (финансовые; нормативно-правовые; научно-технические; организационные; информационные; мотивационные и др.). Тогда при каждом изменении других систем меняются условия и цели реализации образования [3]. То есть возникает *задача определения роли и места образования в ценностях других систем* (рис. 1).

Уникальная многомерная роль образования заключается во взаиморелевантности образования и общества как системы, обеспечивающей одновременно целостность, воспроизводство и развитие общества. Текущее положение образовательной системы – сервисное, обеспечивающее другие системы кадрами. Однако современные концептуальные тенденции развития образования: личностная и общественная направленность, (гуманизация и демократизация), непрерывность и прочее – требуют не только равновесного состояния образовательной системы, по сравнению с

другими, но и создания опережающего образования, когда образовательная система формирует воззрения, установки, условия жизни, определяя интеллект (знания) как важнейший национальный ресурс. Для образовательной системы формируется специфическая совокупность заинтересованных групп (образовательных агентов или стейкхолдеров), к которым можно отнести: органы власти; бизнес-структуры, личность, общество, сотрудников образовательных учреждений, так или иначе влияющих на формирование внешней и внутренней среды образовательной системы. В настоящее время в исследованиях, посвященных разработке институциональных

стратегий и стратегическому менеджменту, намечилось формирование так называемого стейкхолдерского подхода (stakeholder approach) [1], что подтверждает возрастающую степень ответственности бизнеса за результаты своей деятельности в экономической, социальной и политической сфере. Аналогичная функция в этом смысле и у образовательных систем, при этом уровень ответственности системы перед социумом не только существенно выше, но и определяется личностными характеристиками каждого ее участника.

? Место образовательной системы

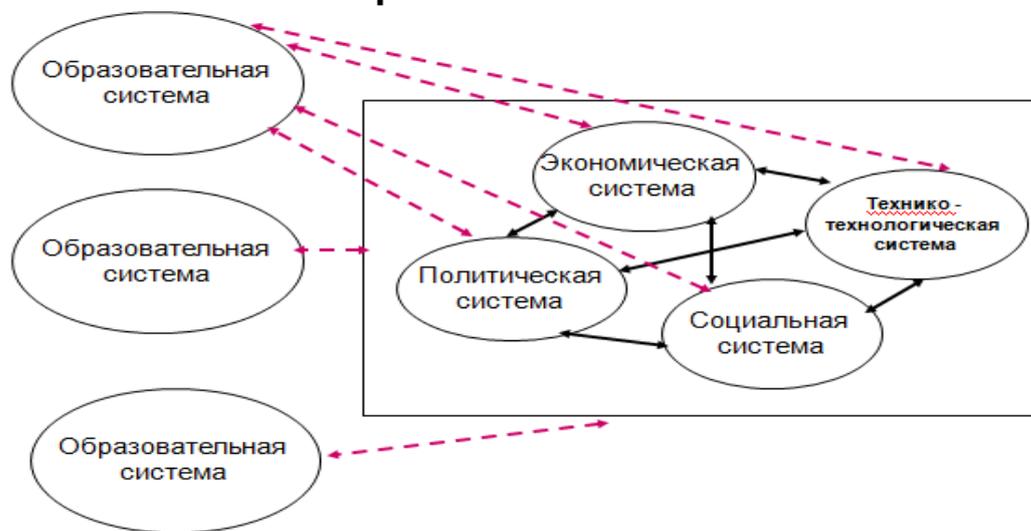

Рис. 1 – Определение места образовательной системы в ряду других систем

Тогда второй задачей управления развитием образовательной системой в условиях реализации государственно-общественного управления будет *структуризация и обеспечение интересов образовательных агентов с учетом их взаимодействия*, неизбежно возникающего конфликта интересов и уровня влияния, то есть тех групп, которые реализуют деятельность или принимают результаты деятельности образовательных систем. Нами определен приоритет взаимодействия образовательных агентов как необходимый элемент устойчивого развития образовательной системы, для чего необходимо включить его в процесс стратегического планирования, разработки образовательных инновационных проектов, определяя возможности эффективного участия стейкхолдеров образования в зоне координации финансового, интеллектуального и социального капитала [2].

Особенности методологического подхода обуславливают приоритет отдельных

компонент и критериев эффективности образовательного процесса для исходной цели. *Выбор методологического подхода* является следующей задачей управления развитием образовательных систем и включает в себя описание типовых компонент образовательной деятельности и их свойства, функциональное взаимодействие, технологию получения результата и обусловлен приоритетом критериев эффективности управления.

Нами предлагаются следующие подходы в качестве методологического основания исследования образовательных систем:

- *Системный подход*, обуславливающий описание совокупности взаимодействующих объектов, их сущностей и отношений в рамках рассматриваемой системы с определенными закономерностями развития.

- *Факторный подход*, согласно которому выделяются факторы образовательной системы: институциональный, кадровый, технологический, информационный,

организационный, гармоничное сочетание которых является необходимым и достаточным условием развития образовательной системы.

- *Процессный подход*, обеспечивающий поставленные цели при условии управления всей деятельностью как отдельными процессами, в которой используются ресурсы для преобразования входов в выходы. Выбор нами процессного подхода к управлению развитием образовательных систем определен исходным качественным критерием, позволяющим получить заранее запланированный уровень образования и достичь необходимого уровня образования обучающихся.

- *Информационный подход*, служащий для моделирования и исследования образовательных систем и использующий информацию для отражения объективной реальности, формализации системы, обобщении законов функционирования и развития системы. Этот подход позволяет исследовать проблему количественной оценки степени целостности системы и свободы ее элементов, осуществить технологическое решение задачи управления развитием образовательных систем на уровне мониторинга состояния и поддержки принятия управленческих решений.

Система образования является динамической, то есть изменяемой во времени и активной, тогда как управляемые элементы системы могут изменять свое состояние самостоятельно. Субъекты активной образовательной системы имеют возможность свободы выбора траекторий действий (на основе собственных предпочтений) по реализации образовательного процесса, т.е. коммуникативной деятельности по передаче/приему профессионально-ориентированной научной, учебной, воспитательной и организационной информации, обеспечивающей преобразование личности обучаемого и его витальную функциональность. Управление системой образования, как и любой активной системой, должно учитывать проявления активности управляемых субъектов, которые в меру собственного уровня предпочтений, ценностей и мотивов изменяют управленческие воздействия. Тогда в этих условиях следующая задача управления развитием сводится к *поиску оптимальной траектории управления развитием* при достижении его максимальной эффективности, то есть удовлетворении интересов всех стейкхолдеров образования [4].

Современные образовательные организации значительно разнятся по

результативности своей работы – уровню (качеству) подготовки выпускников, находясь при этом в равных законодательных, финансовых, региональных и др. условиях реализации деятельности.

Постановка задачи оптимизации управления образовательными системами в контексте ее развития заключается:

- в определении параметров функции управления $F(x_1, x_2, \dots, x_n)$ и критерия оптимизации;
- в учете ограничений (условий) на параметры управления;
- в выявлении коридоров вариации параметров, которые создает активная система.

Для реализации процессного управления развитием образовательной системы необходимо обладать необходимой и достаточной информацией, позволяющей осуществлять мониторинг всех его процессов или субъектов в процессе подготовки обучающихся, иметь сведения о деятельности каждого субъекта образовательной деятельности и организации информационных потоков всех педагогических процессов, следовательно, возникает необходимость разработать *информационную модель взаимодействия процессов образовательной системы* (задача управления развитием). Решение этой задачи заключается, на наш взгляд, в создании информационно-логической модели образовательной деятельности и разработки на ее основе автоматизированной информационной системы.

Моделирование дает возможность выявления различных путей развития исследуемой системы, ее компонентов, явлений, происходящих внутри нее, путем создания множества моделей, описывающих взаимодействие объектов, что позволяет адекватно оценивать их, прогнозировать тенденции их развития, а также эффективно управлять этим развитием. Это достигается обоснованным использованием информатического подхода к проектированию модели образовательной системы, увязывающего все информационные потоки данных, определяющего основу установления необходимых показателей педагогических процессов, перечня последовательности и способов выполнения операций, порядка работы специалистов, временных регламентов взаимодействия и т.п.

В такого рода модели управление предстает как процесс взаимодействия с управляющей информацией на входе и выходе, структура управления образовательной деятельностью ответственна за ход и результаты каждого из педагогических процессов (собственно процессы обучения и

воспитания). В результате применения подобного подхода на каждом этапе обработки происходит построение модели исследуемого педагогического процесса, которая составлена из гипотетических блоков, соединенных последовательно или параллельно и реализующих определенные функции. Оптимизация, то есть получение параметров, наилучшим образом удовлетворяющих целевой функции и граничным условиям данной модели, даст возможность управления исходной информацией в реальной среде и возможность достижения оптимального состояния образовательной системы в целом.

Согласно теории активных систем модель активной образовательной системы задается комплексом параметров:

- совокупностью участников системы (обучаемые, их семьи, социальные и профессиональные группы, административные институты и институты гражданского общества);
- совокупностью связей между субъектами системы (управляющие, иерархические, информационные);
- последовательностью функционирования (направленностью управляющих и информационных потоков);

- динамичностью функционирования (длина циклов управления субъектами образовательной системы);
- уровнем воздействий (степень влияния субъектов системы на состояние системы);
- параметрами эффективности состояния системы (критерии управления);
- условиями функционирования (совокупность приемлемых для субъектов системы состояний);
- определенностью участников и заинтересованных групп системы (уровень информированности при принятии решений).

Названные параметры задают механизм взаимодействия ее элементов, т.е. возможный механизм управления ее функционированием с различных позиций.

Поставленные нами задачи и пути их решения, безусловно, не исчерпывают всего спектра вопросов управления развитием образовательных систем. Однако их решение на методологическом, технологическом и праксиологическом уровнях, очевидно, способствуют развитию теории и практики образовательного менеджмента.

Литература

1. Гумеров А.В. Концепция стратегического планирования на основе методологии менеджмента качества // Управление экономическими системами: электрон. науч. журн. – 2012. – № 9. URL: <http://uecs.ru> (дата обращения: 10.10.2015).
2. Левина Е.Ю. К проблеме управления развитием образования: стейкхолдерский подход // Казанский педагогический журнал.- 2015.- № 6 (Ч.1). -С. 11-14.
3. Мухаметзянова Ф.Ш., Левина Е.Ю. Проблемы управления развитием образовательных систем и процессов. Сборник докладов I Всероссийской научно-практической заочной конференции «Современные проблемы социально-гуманитарных наук» / Научный ред. д.э.н, проф. А.В. Гумеров. Казань: «Отечество», 2015. - С.7-10.
4. Мухаметзянова Ф.Ш., Левина Е.Ю. Типология управления развитием образовательных систем // Теория и практика общественного развития .- 2015.- № 19 . -С. 201-203.
5. Новиков Д.А. Теория управления образовательными системами. -М: Народное образование. 2009. 452 с.
6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации". URL: <http://base.garant.ru/70291362/#ixzz3jhxGCP4Z> (дата обращения: 10.10.2015).

Сведения об авторах:

©**Мухаметзянова Фарида Шамилевна** – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, директор Института педагогики и психологии профессионального образования РАО, Российская Федерация, Казань, e-mail: iprro-rao@mail.ru.

©**Левина Елена Юрьевна** – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт педагогики и психологии профессионального образования» Российской академии образования, Российская Федерация, Казань, e-mail: solo73@inbox.ru.

Information about the author:

©**Mukhametzyanova Farida Shamilevna** – corresponding member of the Russian Academy of Education (RAE), doctor of pedagogic sciences, full professor, head of Institute of Pedagogy and Psychology of Professional Educa-

tion of Russian Academy of Education, Russian Federation, Kazan, e-mail: ipppo-rao@mail.ru.

©**Levina Elena Yurievna** – candidate of pedagogic sciences, senior research officer of "Institute of Pedagogy and Psychology of Professional Education of the Russian Academy of Education", Russian Federation, Kazan, e-mail: solo73@inbox.ru.

М. Ф. Галиханов, И. М. Городецкая, В. Г. Иванов, Ф. Т. Шагеева, Г. А. Низамова

**НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ
ИННОВАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРСОНАЛА РЕГИОНАЛЬНОГО
ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА**

Ключевые слова: инновационные компетенции, региональный территориально-промышленный комплекс, непрерывное профессиональное образование.

В данной статье рассматриваются необходимость и возможность развития инновационных компетенций инженерных кадров через непрерывное образование в рамках регионального территориально-промышленного кластера. Проанализированы результаты анкетирования проходивших повышение квалификации в ИДПО специалистов предприятий. Отмечено, что для развития инновационной компетенции важным фактором является создание инновационной среды и усиление интерактивного компонента обучения.

M. F. Galikhanov., I. M. Gorodetskaya, V. G. Ivanov, F. T. Shageeva, A. G. Nizamova

**LIFE LEARNING PROFESSIONAL EDUCATION AS AN INSTRUMENT FOR DEVELOPMENT
OF INDUSTRY EMPLOYEES' INNOVATIONAL COMPETENCES WITHIN REGIONAL
TERRITORIAL-PRODUCTION CLUSTER**

Keywords: innovational competence, regional territorial-production cluster, continuous professional education.

This article discusses the necessity and possibility of development of innovation competence of engineering staff through continuous education within the framework of regional territorial-industrial cluster. Questioning results of the enterprises specialists passing the advanced training at the Institute of Additional Professional Education have been analysed. It is noted that the creation of the innovative environment and the strengthening of the interactive training component are the important factor for development of innovative competence.

Характерной чертой современного экономического развития большинства стран является их переход к инновационному типу, который представляет собой построение экономики, базирующейся преимущественно на генерации, распространении и использовании знаний [1]. Особое место среди современных форм интеграции производства, науки, образования и государственного управления в рамках одного объединения занимают кластеры [2]. Инновационная деятельность как деятельность по созданию и внедрению принципиально новых образцов продукции, новых или усовершенствованных технологических процессов требует от людей, трудовых коллективов, социальных общностей новых компетенций, новых профессиональных и социальных качеств, свойств человеческого потенциала. Сегодня качество инженерных кадров становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности государства и, что принципиально важно, основой для его технологической и экономической независимости [3].

Инновационная деятельность как деятельность по созданию и внедрению принципиально новых образцов продукции, новых или усовершенствованных технологических процессов требует от людей, трудовых коллективов, социальных общностей новых профессиональных и социальных качеств, свойств человеческого потенциала и новых компетенций, которые называют инновационными. Инновационные компетенции – интеграция знаний основ научной мысли, осознания доминирующих тенденций развития общества в целом и своей профессиональной отрасли в частности, мотивационного стремления специалистов творчески реализоваться в профессии, а также наработки необходимых для инновационной деятельности умений и навыков.

В этом аспекте на первый план выходит проблема формирования человеческого потенциала, восприимчивого к инновациям, готового к включению в научные и производственные процессы в условиях стремительно обновляющихся технологий.

В настоящее время в России нет единого подхода к развитию инновационных компетенций инженеров. Сегодня необходимые для инновационной деятельности компетенции в высшем профессиональном образовании обеспечиваются частично или вообще не обеспечиваются. Однако владение инновационными компетенциями – необходимое условие формирования не только инновационного человека, но и перехода к инновационной экономике. Формирование компетенций, отвечающих требованиям инновационного развития человеческого потенциала, на сегодняшний день обеспечивает в большей степени дополнительное профессиональное образование.

Для этого может быть предложена модификация программ дополнительного профессионального образования специалистов предприятий, входящих в состав инновационных территориально-производственных кластеров, суть которой заключается в акценте на формирование у готовых специалистов инновационных компетенций. Институт дополнительного профессионального образования Казанского национального исследовательского технологического университета (ИДПО КНИТУ) планирует запускать модифицированные программы в обучение кадров предприятий, входящих в состав Камского инновационного территориально-производственного кластера.

В Камском инновационном территориально-производственном кластере (КИТПК), расположенном в Республике Татарстан, ярко выражено комплексное развитие территории, основанное на взаимовыгодном взаимодействии участников Кластера с университетскими центрами. Это позволяет формировать долгосрочный устойчивый спрос на инновации и существенно расширить свое присутствие на внутреннем и мировом рынках высокотехнологичной продукции.

В программе поддержки Камского инновационного территориально-производственного кластера на 2013 – 2016 годы, утвержденной Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 03.09.2013 года № 624 отмечается, что важной отличительной чертой Кластера является его инновационная ориентированность, проявляющаяся в быстром освоении новейших видов техники и технологии производства с последующим выходом на новые рынки [4].

Роль кластеров в развитии инновационной деятельности заключается в

том, что в их рамках образуются устойчивые связи между участниками инновационной системы, сосредоточенными в региональных центрах инновационного развития («инновационные ядра» кластеров), и предприятиями традиционных отраслей («производственные площадки» кластеров).

ИДПО КНИТУ, который уже не первый год проводит обучение специалистов предприятий, входящих в КИТПК, провело анкетирование слушателей программ дополнительного профессионального образования. В качестве анкетлируемых были выбраны слушатели, прошедшие повышение квалификации по программам «Производство и переработка полимеров и композитов» (520 часов) и «Современные полимерные наноконпозиционные материалы» (72 часа). Это направление было выбрано не случайно. Во-первых, производство и переработка полимерных композитов является специализацией абсолютного большинства предприятий Камского Инновационного Территориально-Производственного Кластера [4]. Во-вторых, программа «Современные полимерные наноконпозиционные материалы» включена в базу данных лучших программ России в рамках реализации Президентской программы повышения квалификации инженерных кадров на 2012-2014 годы [5]. В-третьих, данные программы проводятся и в 2015 году, что позволяет наглядно и корректно сравнить результаты обучения до и после их модификации с целью формирования у готовых специалистов инновационных компетенций.

Указанные программы дополнительного образования были разработаны в соответствии с алгоритмом организации и реализации программ дополнительного профессионального образования для работников организаций производственной сферы на базе национального исследовательского университета, представленном в работе [6]. Для этого была проделана работа по повышению квалификации и профессиональной переподготовки научно-педагогических работников и учебно-вспомогательного персонала университета путем стажировок в ведущих российских и зарубежных университетах и научных центрах, иных организациях, являющихся мировыми лидерами в данной области или поставляющих конкретные технологии. Например, часть профессорско-преподавательского состава стажировались в Perdue University (West Lafayette, Indiana, США) - крупнейшем исследовательском университете США. Во

время стажировки преподавателями использовались различные методики освоения материала – были организованы и посещение ведущих предприятий США по выпуску продукции из полимерных композитов (Flying-S Composites, Palestine, Иллинойс; Global Caravan Technologies, Indianapolis, Индиана; ACE Composites, Indianapolis, Индиана), и практическая исследовательская работа в лабораториях Университета (Purdue Chemical Engineering - Polymer Laboratory), и ознакомительные экскурсии в технологические музеи страны (Indianapolis Speedway Museum, Indiana; Museum of Science and Industry, Chicago, Illinois). Интересной частью стажировки было ознакомление преподавателей с работой инжиниринговых центров университета – Discovery Park и Research Park. Все это позволило подготовить качественные и актуальные программы повышения квалификации, в том числе за счет усиления методической базы.

Участие в анкетировании приняло более 60 слушателей ИДПО КНИТУ. Анкета состояла из 14 вопросов, которые включали в себя общую информацию о респонденте, о причине,

побудившей его пройти обучение, о новизне программы для слушателей. Помимо этого, слушатели отметили основные результаты обучения, ответили на вопрос, касающийся общей удовлетворенности обучения в ИДПО КНИТУ по той или иной дополнительной профессиональной программе.

Возраст анкетированных варьировался от 22 до 64 лет, при этом 52 % слушателей – мужчины и 48 % – женщины. Стоит отметить, что 88 % слушателей имели высшее образование, а 12 % – среднее или средне-специальное образование, причем 5 слушателей являются кандидатами технических наук. 49 % слушателей работают по специальности, полученной в вузе, 21% слушателей работают не по специальности, для 30% работа лишь частично касается полученной квалификации. На вопрос «Сколько времени прошло после Вашего предыдущего повышения квалификации?» 3% выбрали ответ «более 10 лет», столько же человек выбрали ответ «от 6 до 10 лет», 58% слушателей выбрали ответ «от года до 5 лет», и впервые обучалось 36 % слушателей.

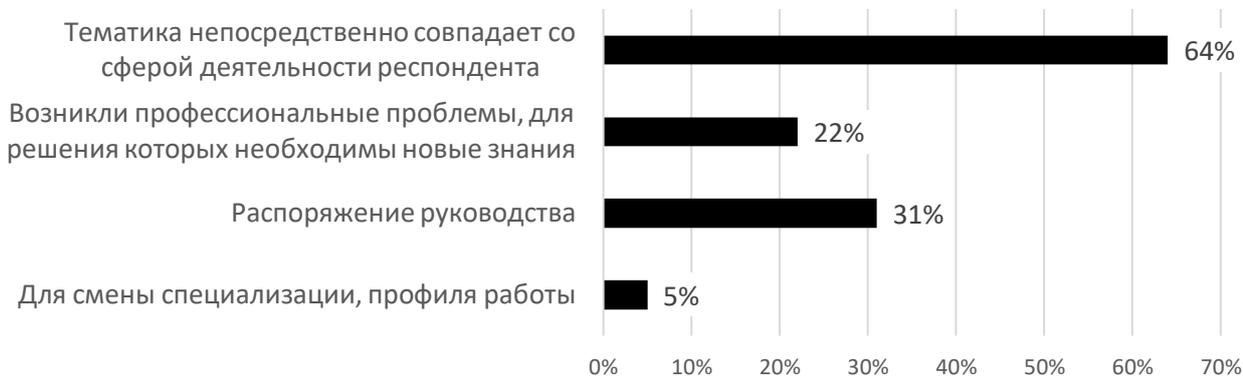

Рис. 1 - Причины, побудившие пройти обучение слушателей программ дополнительного профессионального образования предприятий, входящих в КИТПК

Причины, побудившие слушателей пройти обучение, проиллюстрированы с помощью диаграммы на рисунке 1.

Как видно из диаграммы, респонденты имели внутренние («тематика программы непосредственно связана с профессиональной деятельностью») и внешние мотивы («распоряжение руководства»), побудившие их пройти обучение. Некоторые респонденты отмечали более одной причины, поэтому общая сумма превышает 100%.

Пилотажное анкетирование выявило, что все слушатели удовлетворены тем, как прошло обучение. Для многих (39 % слушателей) информация оказалась новой,

большинство слушателей (57%) отметили, что информация оказалась частично новой. Лишь 4% слушателей отметили, что в содержании курсов повышения квалификации практически отсутствовала новизна. В качестве результатов обучения по дополнительным профессиональным программам практически половина слушателей выбрали ответ «расширение кругозора», а другая половина – «систематизация имеющихся знаний».

Однако, несмотря на общую удовлетворенность качеством проведения обучения, при обработке анкет выяснилось, что никто из слушателей не отметил инновационную составляющую как результат

обучения. Другими словами, результаты анкетирования выявили необходимость модификации программ дополнительного профессионального образования для специалистов КИТПК, предприятия которых ориентированы на инновационную деятельность.

Результатом инновационной деятельности предприятий являются новые или дополнительные товары, услуги или товары, услуги с новыми качествами, стимулирующие развитие общества в целом и человеческого капитала как фактора развития этого общества в эпоху глобализации. В связи с этим в процесс подготовки специалистов к инновационной деятельности в условиях дополнительного профессионального образования необходимо включать комплекс методов и образовательных технологий, направленных на развитие креативных навыков, чувствительности к проблемным ситуациям, навыков эффективной командной и индивидуальной работы, поиска оптимальных решений в условиях неопределённости или риска, умений интерпретировать результаты деятельности и других составляющих инновационной компетенции.

Поскольку инновационность предполагает наличие компетенций как в сфере восприятия и осмысления, так и при необходимости, в области модификации и внедрения новых креативных идей, то в практике развития инновационной компетентности могут быть использованы процедуры, направленные на развитие двух ее указанных аспектов. С одной стороны, необходимо направить усилия на повышение чувствительности субъекта к новому и нестандартному, а с другой – на развитие способности оперировать этими продуктами творческой деятельности. Речь идет об их доработке, адаптации, внедрении и распространении [7].

Кроме того, по нашему мнению, системное развитие инновационной компетенции должно включать в себя развитие следующих её компонентов: когнитивного, личностного, мотивационного, деятельностного, средового (социально-психологического). Системный подход позволяет рассматривать инновационную компетентность в единстве и взаимосвязи её элементов, когда развитие одного компонента влечет качественные изменения в остальных. Фактор среды является ключевым при создании условий как формирования, развития, так и проявления инновационности субъекта деятельности в индивидуальном и групповом

контексте. В программах дополнительного профессионального образования особое внимание имеет смысл уделить развитию мотивации инновационной деятельности, особенно на стартовом этапе программы, так как именно мотивационные факторы являются основой саморазвития и самообучения взрослой категории профессионалов, обуславливая успешность усвоения информации, развития мышления и личности, а также внедрения инноваций в деятельность предприятий. Наряду с мотивационным, важным фактором является создание инновационной среды, то есть таких условий обучения и деятельности, при которых актуализируется инновационный потенциал личности.

С этой целью был усилен интерактивный компонент обучения: наряду с традиционными формами, в программы ДПО были включены занятия в формате тренингов, мастер-классов, «перевёрнутых классов» с последующими дискуссиями. Используются образовательные технологии, позволяющие дифференцировать и индивидуализировать программу, сделать её более гибкой и адаптивной с учетом потребностей обучающихся и запросов предприятий: проблемное, модульное, проектное обучение, образование в сотрудничестве.

В частности, в качестве начального модуля в программы был включен курс «Тренинг инновационного взаимодействия в рабочей группе». Основной задачей тренинга является формирование инновационной установки на предстоящее обучение, создание инновационно-креативной среды в группе, актуализация соответствующей мотивации и осознание необходимости развития инновационных компетенций в условиях профессиональной деятельности на предприятиях кластера.

В формате семинара-тренинга со слушателями программы обсуждались актуальность и необходимость инновационного подхода к решению технологических и управленческих профессиональных задач в современном мире, взаимосвязь креативности и инновационности личности, методы стимулирования креативно-инновационного подхода в индивидуальной деятельности и при работе в коллективе, основные психологические барьеры при внедрении инноваций и пути их преодоления. В программу курса, наряду с информационно-лекционным блоком, включены задачи-кейсы, направленные на выявление проблемных зон,

мотивационная деловая игра, работа в микрогруппах и групповая дискуссия.

В настоящее время квалификация инженерно-технического персонала становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности государства. Инновационная компетентность инженеров - это один из важнейших элементов экономического и социального развития

мирового общества. Мы считаем, что непрерывное образование является эффективным инструментом для развития инновационного потенциала регионального кластера сотрудииков.

Литература

1. Нехорошева Л. Н., Богдан Н. И. Инновационные системы современной экономики. – Минск: БГЭУ, 2003. – 219 с.
2. Куликова О. Н. Роль инновационных территориальных кластеров в развитии интеграции науки и образования // Альманах «Наука. Инновации. Образование». – 2013. – Вып. 13. – С. 181-187.
3. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседании Совета науки и образования. 23 июня 2014 года. Москва, Кремль. URL: <http://kremlin.ru/news/45962> (дата обращения: 20.09.2015).
4. Программа поддержки Камского Инновационного Территориально-Производственного Кластера на 2013-2016 годы. Утверждена Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 03.09.2013 года №624.
5. <http://engineer-cadry.ru/> (дата обращения: 20.09.2015).
6. Galikhanov M. F., Guzhova A. A. Complex approach for preparation and implementation of continuous professional education programs in technological university // International Conference on Interactive Collaborative Learning (ICL), Kazan, 25-27 Sept. 2013. – P. 54–55.
7. Яголковский С. Р. Психология инновации: подходы, модели, процессы – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 272 с.

Сведения об авторах:

©**Галиханов Мансур Флоридович** – доктор технических наук, профессор кафедры технологии и переработки полимеров и композиционных материалов, ведущий аналитик центра переподготовки и повышения квалификации преподавателей вузов ИДПО ФГБОУ ВПО «КНИТУ», Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: mgalikhanov@yandex.ru.

©**Городецкая Инна Михайловна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань.

©**Иванов Василий Григорьевич** – доктор педагогических наук, профессор, первый проректор по УР ФГБОУ ВПО «КНИТУ», директор института ИДПО ФГБОУ ВПО «КНИТУ», зав. кафедрой инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: mrcprkt@mail.ru.

©**Шагеева Фарида Тагировна** – доктор педагогических наук, профессор кафедры инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: faridash@bk.ru.

©**Низамова Гульназ Азатовна** – аспирант кафедры инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: gulek3@mail.ru.

Information about the author:

©**Galikhanov Mansour Floridovich** – Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Technology and processing of polymers and composite materials, a leading analyst with the centre for retraining and advanced training of University teachers ICE KNRTU, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: mgalikhanov@yandex.ru.

©**Gorodetskaya Inna Mikhaelovna** – Candidate of Psychological Science, Associate Professor of the Department of Engineering Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan.

©**Ivanov Vasily Grigoryevich** - Doctor of Pedagogical Science, Professor, first Pro-rector on scientific work of Kazan National Research Technological University, Director of the Institute ICE KNRTU, The Head of the Department of Engineering Pedagogics and Psychology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: mrcpkr@mail.ru.

©**Shageeva Farida Tagirovna** – Doctor of Pedagogical Science, Professor of the Department of Engineering Pedagogics and Psychology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: faridash@bk.ru.

©**Nizamova Gulnaz Azatovna** – postgraduate student of the Department of Engineering Pedagogics and Psychology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: gulek3@mail.ru.

УДК 377.1.35

Ю. Н. Зиятдинова, П. Н. Осипов, Э. Э. Валеева, А. Н. Безруков, Д. Ш. Султанова

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН**

Ключевые слова: инженерное образование, интернационализация, проектирование модели интернационализации, Республика Татарстан.

Автор представляет проект исследования по разработке, научному обоснованию и экспериментальной апробации концепции интернационализации инженерного образования в Республике Татарстан. В процессе исследования предусмотрено психолого-педагогическое и нормативно-правовое обеспечение интернационализации инженерного образования на основе структурно-функциональной модели на базе Казанского национального исследовательского технологического университета с учетом опыта других инженерных вузов РФ и зарубежных университетов.

J. N. Ziyatdinova, P. N. Osipov, E. E. Valeeva, A. N. Bezrukov, D. Sh. Sultanova

**DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF ENGINEERING EDUCATION
INTERNATIONALIZATION MODEL IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

Key words: engineering education, internationalization, internationalization model design, Republic of Tatarstan.

The authors present a research project aimed at developing, explaining and implementing a universal model for engineering education internationalization in the Republic of Tatarstan, as well its pedagogical and regulatory framework. The experiment on implementing the model is carried out at Kazan National Research Technological University based on internationalization experience of other Russian national research universities and foreign engineering universities.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного гранта «Проектирование и реализация модели интернационализации инженерного образования в Республике Татарстан» № 15-16-16003.

Сегодня система образования становится единой для всех стран, и Россия также входит в нее, чему способствует участие во Всемирной торговой организации, Болонском процессе, а также международных университетских рейтингах. Об этом свидетельствует активное развитие процессов академической мобильности на разных уровнях образовательной и исследовательской деятельности, усиление роли неправительственных международных организаций в сфере образования.

Инновационное развитие России направлено на усиление доли высокотехнологичного производства в экономике. Интеграция государства в мировую экономику обуславливает рост конкуренции за высококвалифицированных специалистов мирового уровня в приоритетных сферах науки и технологии. Анализ приоритетов и списка

критических технологий выявляет острую потребность в специалистах естественно-научного и технологического профиля, которых могут подготовить только высококласные учреждения инженерного образования.

В данных условиях особая роль отводится тем регионам, которые занимают лидирующие позиции в развитии высокотехнологичного производства, одним из них является Республика Татарстан. На образовательный рынок именно таких регионов приходится больше всего международных поставщиков образовательных услуг, в том числе в сфере инженерного образования, ярким свидетельством чего является открытие в сентябре 2014 года на базе Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева Германо-Российского института новых

технологий. Это показывает, что российские университеты также вынуждены интернационализироваться; интернационализация становится основной стратегией развития высшего образования, подразумевающей включение международных аспектов во все уровни деятельности университета. Международная направленность становится инструментом повышения качества образовательного процесса и научных исследований.

«Избежать интернационализации российским университетам невозможно, – считает один из ведущих экспертов в области мировых политических процессов, профессор МГИМО(У) М. Лебедева. – В современных условиях это приведет к быстрому и резкому отставанию не только образования и науки, но и страны в целом» [2, с.259].

Высшее образование, особенно элитное, к которому относится инженерное образование в силу востребованности инженерной мысли в современном мире, ориентируется на запросы современного общества. Страны конкурируют друг с другом на мировом рынке труда за самых квалифицированных инженерных специалистов с «планетарным» типом мышления, которые могут работать как за рубежом своей родины, продвигая на международном рынке российские продукты и технологии, так и у себя дома, продвигая на собственном рынке зарубежные высокие технологии.

Об интернационализации инженерного образования также свидетельствует активная деятельность международных неправительственных организаций в сфере образования, таких как Международное общество по инженерной педагогике IGIP, Международное общество инженерного образования SEFI, Американское общество инженерного образования ASEE, Международная федерация обществ инженерного образования IFEES, Глобальный совет инженерных деканов GEDC, способствующих формированию единых стратегий в сфере инженерного образования.

Ядро интернационализации инженерного образования России – это национальные исследовательские университеты (НИУ), крупные научные, технологические и инженерные центры, в Республике Татарстан действует два таких вуза – Казанский национальный исследовательский технологический университет и Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева. Анализ отчетов о реализации программ их развития

демонстрирует, что парадигма интернационализации носит, в основном, «догоняющий» характер с ориентацией на показатели ведущих мировых вузов.

Кроме того, в республике действует целый ряд других инженерных университетов (Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казанский государственный энергетический университет и др.), хотя и не получивших статус НИУ, но готовящих инженеров на высоком уровне. Анализ их деятельности также свидетельствует о том, что интернационализация рассматривается как элемент их развития, однако не прослеживается на всех уровнях деятельности вуза, что недопустимо на современном уровне конкурентной борьбы в сфере образования и науки.

Анализ практики инженерных университетов Республики Татарстан свидетельствует, что на пути их интернационализации отчетливо проявляется ряд противоречий:

- между социальным заказом глобально-ориентированного мира на специалистов, способных осуществлять профессиональную деятельность на международном уровне, и недостаточной готовностью выпускников и преподавателей инженерных вузов к межкультурной коммуникации;

- между необходимостью международного признания результатов научных исследований инженерных университетов Республики Татарстан и невысоким уровнем присутствия ученых в системе международных грантов, публикаций и конференций;

- между необходимостью разработки и реализации международных образовательных программ для повышения конкурентоспособности инженерного университета в условиях вступления России в ВТО и наличием ряда барьеров для профессорско-преподавательского состава (недостаточность междисциплинарных связей, отсутствие опыта работы в профессионально-ориентированной мультиязычной среде, низкая эффективность личных международных контактов, психологическая неготовность к межкультурной коммуникации);

- между необходимостью расширения международного присутствия инженерного университета, социальным заказом общества и государства занимать ведущие места в международных университетских рейтингах и реальным положением инженерных университетов Республики Татарстан на мировом рынке образовательных услуг;

- между необходимостью международной интеграции инженерного образования, науки и производства, наличием успешного международного опыта развития инженерного предпринимательства и коммерциализации результатов научных исследований и отсутствием эффективных механизмов заимствования и практической реализации данного опыта;

- между наличием концептуальных подходов к интернационализации инженерного образования в развитых странах мира, эмпирически формирующимся опытом ее осуществления в инженерных вузах Республики Татарстан и отсутствием научного осмысления, описания, критического анализа и систематизации этих подходов и опыта разработки на этой основе концепции интернационализации инженерного образования.

Кроме того, анализ свидетельствует также и о том, что инженерные вузы республики недостаточно учитывают исторический потенциал Татарстана, ее образовательные, научные и культурные связи на постсоветском, восточно-европейском, ближневосточном и азиатском пространствах, которые могут стать конкурентными преимуществами в интернационализации науки и образования

Очевидно, что налицо необходимость разработки, научного обоснования и экспериментальной апробации концепции интернационализации инженерного образования в Республике Татарстан, её психолого-педагогического и нормативно-правового обеспечения. В настоящее время данная научная задача решается на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский национальный исследовательский технологический университет» с учетом опыта других инженерных вузов РТ и зарубежных университетов.

В последние десятилетия исследования проблем интернационализации образования становятся очень актуальными в мире. В ведущих инженерных университетах мира создаются центры и подразделения, которые занимаются изучением данных вопросов.

Термин «интернационализация» вошел в научную литературу в 1990-х годах для описания процесса интеграции международного, межкультурного и глобального измерения в цель, функции и методы предоставления высшего образования. Вопросы интернационализации систем

высшего образования в развитых странах и формирование международного рынка образовательных услуг исследует целый ряд зарубежных ученых, таких как Ф. Альтбах, Э. Биркенс, М. ван дер Венде, Х. де Вит, Л. Гребнев, А. Люйтент Люб, С. Маргинсон, Т. Маццарол, Р. Найду, Дж. Найт, П. Скотт, Дж. Сулар, У. Тайхлер и др.

В публикациях российских исследователей, изучающих проблему интернационализации образования, уделяется мало внимания инженерному образованию в частности, и в большинстве случаев данные публикации представляют собой фактический материал по деятельности отдельно взятого университета. Тем не менее, интерес представляют работы И. В. Аржановой, В. М. Жураковского, Е. А. Князева, М. В. Ларионовой, М. М. Лебедевой, О. В. Перфильевой, В. М. Филиппова и др.

Особого внимания заслуживают коллективные монографии, изданные при поддержке Национального фонда подготовки кадров «Императивы интернационализации» (2013), «Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего» (2010).

В последнее десятилетие в области экономических наук защищен целый ряд кандидатских и докторских диссертаций, посвященных интернационализации российской экономики в целом (А. В. Кузнецов (2008), Р. С. Ибрагимов (2006), В. Г. Сурвилло (2003) и др.) и отдельно взятых промышленных предприятий и инновационных компаний (А. Ю. Останин (2006), П. В. Новикова (2007), И. В. Шинкарев (2003), О. В. Синнер (2008), О. С. Андреева (2007) и др.).

Более того, ряд работ по экономике посвящен вопросам интернационализации систем высшего образования, а именно: интернационализации как тенденции развития систем высшего образования (А. С. Елкина (2010)), направлениям интегрирования российских вузов в международную среду (Н. С. Яровая (2010)).

Кроме того, имеются работы в области социологии и философии, посвященные вопросам интернационализации как феномена общественной и духовной жизни (Ю. В. Попков (1999), Е. Г. Леонтьева (2002), В. Н. Нехай (2007) и др.).

К сожалению, вопросы интернационализации инженерного образования практически не нашли системного отражения в диссертационных работах по педагогическим наукам, где они чаще всего ограничиваются обучением иностранным

языкам, что применимо только с позиций дидактики. С другой стороны, есть авторы, считающие, что интернационализацию можно рассматривать как часть гуманистической концепции образования.

Таким образом, анализ литературы показывает, что есть достаточно оснований придать интернационализации статус принципа модернизации системы инженерного образования. Несмотря на целый комплекс предпосылок и присутствие различных аспектов интернационализации высшего образования в ряде работ, интернационализация как принцип модернизации инженерного образования не нашла комплексного изучения в современной науке. До настоящего времени она не стала предметом комплексного педагогического исследования.

Настоящее научное исследование направлено на выявление способов решения данной проблемы путем проектирования, психолого-педагогического и нормативно-правового обеспечения и последующей реализации модели интернационализации инженерного образования в инженерных университетах Республики Татарстан.

Научная новизна проекта состоит в следующем:

1. Впервые рассматривается как предмет исследования, описывается и проектируется как системно-интегративное и развивающееся явление структурно-функциональная модель системы интернационализации инженерного образования как фактора конкурентоспособности университета в мировом научном и образовательном пространстве, определяющая теоретико-методологическую базу моделирования (подходы и принципы); отражающая субъектный состав системы; характеризующая структуру противоречивого, динамического процесса, отличающегося проникновением во все сферы жизнедеятельности университета, включая образование, науку, проектную деятельность и социальную роль; учитывающая проведение анализа соответствия результатов подготовки требованиям глобального мира и предусматривающая коррекцию для достижения цели.

2. Выявляются особенности моделирования системы интернационализации инженерного образования в Республике Татарстан: разработка комплекса мероприятий усиленной иноязычной и социокультурной подготовки, направленных на дальнейшую профессиональную деятельность студентов и

преподавателей на международном уровне; преодоление барьеров для разработки и реализации международных образовательных программ через создание мотивационной базы для ППС, развитие междисциплинарных связей и профессионально-ориентированной мультиязычной среды; активизация научной публикационной и грантовой деятельности на международном уровне.

3. Проводится комплексный анализ социального заказа российского общества и государства на расширение международного присутствия инженерного университета, разрабатываются механизмы повышения репутации национального исследовательского университета в академической среде и бизнес-сообществе.

4. Разрабатываются уникальные эффективные механизмы коммерциализации результатов научных исследований и развития инновационного предпринимательства в вузе на основе успешного зарубежного опыта.

5. Разрабатывается оригинальная университетская нормативно-правовая база интернационализации инженерного образования с учетом зарубежного опыта, направленная на а) формирование единой политики интернационализации университета; б) внедрение единой, интегрированной системы управления процессами интернационализации; в) создание мультикультурной мультиязычной среды университета; г) непрерывный мониторинг качества процесса интернационализации инженерного образования на всех уровнях подготовки.

6. Впервые систематизируются исторические предпосылки интернационализации инженерного образования, выделяются этапы развития процесса интернационализации инженерного образования в национальном исследовательском университете: декларативный (намерение направить образовательный процесс на подготовку конкурентоспособных на мировом и внутреннем рынках специалистов), поисковый (включение различных международных аспектов в образовательную, исследовательскую, предпринимательскую и административную деятельность инженерного университета), продуктивный (достижение высокой международной репутации в академической среде и бизнес-сообществе).

7. Разрабатывается комплекс критериев и показателей эффективности реализации концепции интернационализации инженерного образования в национальном исследовательском университете,

определяемый полнотой и уровнем реализации предложенной в исследовании модели.

8. Обогащается понятийный аппарат педагогической науки путем обоснования «принципа интернационализации» для модернизации инженерного образования, лежащего в основе развития всех направлений деятельности университета, где субъектом интернационализации выступает формирующаяся в процессе образования личность, а сферой действия – целостная образовательная, научная, предпринимательская и административная деятельность университета.

В процессе исследования предусмотрено:

- разработка концепции интернационализации инженерного образования и создание на ее основе структурно-функциональной модели системы интернационализации инженерного образования, механизмов и организационно-педагогических условий ее реализации;

- разработка и обоснование теории интернационализации инженерного образования.

- формирование методологии развития инновационного предпринимательства в вузе с целью ускорения процессов коммерциализации результатов научно-технических разработок, развития молодежного инновационного предпринимательства;

- практическая реализация модели интернационализации инженерного образования, включающей систему развития международного инновационного предпринимательства на примере ФГБОУ ВПО "КНИТУ";

- реализация комплекса мероприятий усиленной иноязычной и социокультурной подготовки, в том числе в системе дополнительного профессионального образования, направленных на дальнейшую профессиональную деятельность студентов и преподавателей на международном уровне;

- преодоление барьеров для разработки и реализации международных образовательных программ благодаря созданию мотивационной базы, развитию междисциплинарных связей и

профессионально-ориентированной мультиязычной среды;

- разработка эффективных механизмов коммерциализации результатов научных исследований и развития инновационного предпринимательства в вузе на основе успешного зарубежного опыта;

- разработка университетской нормативно-правовой базы интернационализации инженерного образования с учетом зарубежного опыта;

- расширение международного присутствия инженерного университета путем повышения его репутации в академической среде и среди работодателей.

Таким образом, исследование позволит решить проблему интернационализации инженерного образования путем проектирования, психолого-педагогического и нормативно-правового обеспечения и последующей реализации модели интернационализации инженерного образования в инженерных университетах Республики Татарстан. На основе разработанной и научно обоснованной концепции будет разработано и внедрено организационное и нормативно-правовое обеспечение интернационализации инженерного образования через реализацию в инженерных вузах Республики Татарстан комплекса мероприятий усиленной иноязычной и социокультурной подготовки, в том числе в системе дополнительного профессионального образования, направленных на дальнейшую профессиональную деятельность студентов и преподавателей на международном уровне. Это будет способствовать расширению международного присутствия инженерных вузов путем повышения их репутации в академической среде и среди работодателей.

В 2015 году исследовательской группе удалось опубликовать более десяти статей в изданиях, включенных в перечень ВАК, четыре доклада в международных конференциях (с включением в Scopus), монографию (16 усл. печ. л.), три учебных и учебно-методических пособия (20 усл. печ. л.) [1-6, 7-13 и др.]. Аналогичные показатели запланированы и на 2016 год.

Литература

1. Безруков А. Н. Профессиональная иноязычная среда как условие интернационализации инженерного образования / А. Н. Безруков, Ю. Н. Зиятдинова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. – С. 402.

2. Бурьлина Г. Г. Развитие молодежного инновационного предпринимательства в КНИТУ: опыт внедрения передовых зарубежных практик / Г. Г. Бурьлина, Д. Д. Исхакова, Д. Ш. Султанова // Казанская наука. – 2015. – № 6. – С. 51-53.
3. Валеева Э. Э. Новые методики обучения профессионально-ориентированному иностранному языку в рамках интернационализации инженерного образования / Э. Э. Валеева, А. Н. Безруков // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1. – С. 431.
4. Зиятдинова Ю. Н. Инновационная образовательная среда исследовательского университета // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №3. – С. 471.
5. Зиятдинова Ю. Н. Интернационализация инженерного образования / Ю. Н. Зиятдинова, А. Н. Безруков // Профессиональное образование. Столица. – 2015. – №5. – С. 21-23.
6. Зиятдинова Ю. Н. Интернационализация инженерного образования: российский вариант: Монография. / Ю. Н. Зиятдинова, А. Н. Безруков, Э. Э. Валеева, П. Н. Осипов, Д. Ш. Султанова. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2015. – 256 с.
7. Императивы интернационализации / Отв. ред. М. В. Ларионова, О. В. Перфильева. – М.: Логос, 2013. – 420 с.
8. Осипов П. Н. Глобализация как фактор саморазвития студентов / П. Н. Осипов, Ю. Н. Зиятдинова // Высшее образование в России. – 2015. – №1. – С. 140-145.
9. Осипов П. Н. Интернационализация инженерного образования как многоаспектный феномен / П. Н. Осипов, Ю. Н. Зиятдинова // Образование и саморазвитие. – 2015. – №3. – С. 190-197.
10. Осипов П. Н. Принципы интернационализации инженерного образования в российском исследовательском университете / П. Н. Осипов, Ю. Н. Зиятдинова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3; URL: <http://www.science-education.ru/123-20140> (дата обращения: 30.06.2015).
11. Осипов П. Н. Управление интернационализацией образования на институциональном уровне / П. Н. Осипов, Ю. Н. Зиятдинова, А. В. Горновская // Право и образование. – 2015. – №9. – С. 4-14.
12. Валеева Э. Э. Место преподавателя в современной образовательной культуре исследовательского вуза в условиях интернационализации / Э. Э. Валеева, Н. В. Крайсман // Казанский педагогический журнал. – 2015. – №4-1(111). – С. 62-66.
13. Султанова Д. Ш. Реализация концепции предпринимательского университета / Д. Ш. Султанова, Г. Г. Бурьлина // Казанский педагогический журнал. – 2015. – №5. – С. 125-128.

Сведения об авторах:

©**Зиятдинова Юлия Надировна** – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации, начальник Управления международной деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: uliziat@yandex.ru.

©**Осипов Петр Николаевич** – доктор педагогических наук, профессор кафедры инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: posipov@rambler.ru.

©**Валеева Эльвира Энверовна** – кандидат технических наук, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: elviravaleeva75@yandex.ru.

©**Безруков Артем Николаевич** – кандидат химических наук, доцент кафедры физической и коллоидной химии, начальник Отдела протокола Управления международной деятельности Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: artem-bezrukov@rambler.ru.

©**Султанова Дильбар Шамилевна** – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой инноватики в химической технологии Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: econsultan@mail.ru.

Information about the authors:

©**Ziyatdinova Julia Nadirovna** – Candidate of Pedagogic Sciences, Director of International Affairs, The Head for the Department of Foreign Languages for Professional Communication, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: uliziat@yandex.ru.

©**Osipov Peter Nikolaevich** – Doctor of Pedagogic Science, Professor of the Department of Engineering Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University Russian Federation, Kazan, e-mail: posipov@rambler.ru.

©**Valeeva Elvira Enverovna** – Candidate of Technological Science, Associate Professor of the Department of Foreign Languages for Professional Education, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: elviravaleeva75@yandex.ru

©**Bezrukov Artem Nikolaevich** – Candidate of Chemical Science, The Head of Protocol Office of International Affairs, Associate Professor Department of Physical and Colloid Chemistry, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: artem_bezrukov@kstu.ru.

©**Sultanova Dilbar Shamilevna** – Doctor of Economic Science, The Head for Department of Innovations in Chemical Technology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: econsultan@mail.ru

УДК 338.2

Р. И. Зинурова, С. С. Берман

УПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМОЙ РЕСУРСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ВУЗА

Ключевые слова: национальный исследовательский университет, программа развития вуза, система управления, ресурсы, оценка эффективности реализации программы.

Статья посвящена проблемам создания в России национального исследовательского университета в ситуации реформирования системы высшего образования в стране. В статье представлен обзор системы высшего образования России, изложена история трансформации технологического вуза в национальный исследовательский университет, рассмотрены результаты двух этапов реализации программы развития вуза и трудности трансформационного процесса. Данная информация позволяет провести анализ путей создания национальных исследовательских университетов в России и разработать стратегические альтернативы дальнейшего развития вуза.

R. I. Zinurova, S. S. Berman

MANAGEMENT OF RESOURCE PROVIDING SYSTEM OF UNIVERSITY'S SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Key words: a national research university, the development program of the university, control system, resources, performance evaluations of the program.

Article is devoted to the problems of creation of a national research university in Russia in the situation of higher education reforming in the country. Overview of higher education system in Russia and history of technological transformation of the university in a national research university are introduced in the article. Results of two phases of the development program of the university and difficulties of the transformation process are considered here. This information allows to analyze ways for creation of national research universities in Russia and to work out strategic alternatives for further development of the university.

A paradoxical challenge of the present situation in the sphere of university education is its perceived gaps with basic science and the lack of

integration of university research to the real economy, especially in the development and implementation of new industrial technologies.

There are both public and private higher education institutions (HEIs), many of which have branches and representative offices across the country and abroad (mainly in CIS countries). Currently, there are five types of higher education institution: - Federal university a leading higher education institution and centre of research at federal level. Currently, there are nine federal universities that were established following the merger of a number of regional universities. - National Research University: a recent addition to the system. A higher education institution integrating regional research activities. Currently, there are 29 such universities. - University: a higher education institution offering a wide range of programmes in many disciplines. - Academy: a higher education institution that delivers diverse programmes in a certain area (e.g. agriculture, health, arts etc.). - Institute: an education institution which trains specialists for a specific profession. A new type of university emerged recently that is not stipulated in the Law on Higher and Postgraduate Education and came about as a result of the national priority project on education, namely that of an innovative university. This is a higher education institution which offers innovative programmes and courses and pursues a strong development and innovation agenda [1].

The Russian system of governance of higher education has retained certain features of the soviet system that followed a linear and highly centralised model. The distribution of responsibilities is not contingent on the types of tertiary education institutions and/or programmes. Most of the higher education institutions are affiliated and fall under the jurisdiction of 24 federal ministries that are the founders of state higher education institutions. These are: the RF Ministry of Education and Science (337 HEI), the Ministry of Agriculture (58 HEI), the Ministry of Health and Social Development (47), the Ministry of Culture and Mass Communications (44). Eight additional ministries are in charge of two higher education institutions each. The Federal Law of 2004 delineated the responsibilities and the financing regulations in the system of education between different parties, such as the federal centre, regions and local autonomous governments/authorities. According to the amended legislation, the state higher education institutions were transferred to the federal level and are financed from the federal budget. As for the regulation of secondary vocational education and training (SVET) colleges, currently all of them have been transferred to regional jurisdiction. The federal authorities (the Ministry of Education and Science) are responsible for setting state education standards and for overall policy in education, including the financial policy and legal regulation of

the system of higher professional and vocational education. The implementation of the policy is vested in the regional education administrations and education institutions that have significant autonomy. Regional education administrations (departments, Ministries or committees) can adopt their own regulations and regional parliaments can adopt education legislation appropriate to regional needs. Within the structure of the Ministry, the Federal Inspection Service in the sphere of education and science and the Federal Service for Intellectual Property, Patents and Trade Marks have been established. The Federal Inspection controls the implementation of legislation in the sphere of education, performs quality controls in education, in the licensing and accreditation of education establishments and in research organisations. It is responsible for regulating the recognition of degrees and qualifications in education. The influence of the Ministry in the system of higher education is still very high, as it controls almost the entire budget (on average, every state higher education institution gets up to 70-80 % of its funding from the state budget). Apart from state education establishments, there are higher education establishments founded and regulated by the RF regions and municipalities. At regional level, higher education departments are established to coordinate all institutions of higher education in the region. Since the mid-90s, the administrative, financial and academic autonomy of higher education institutions has grown considerably. Namely, they currently have the right to: independently form their structure, identify goals and objectives of academic and research activities, determine admission rules, set the level of tuition fees and raise them; develop courses and identify areas of training. They may also award qualifications at all levels of higher education, recruit teaching staff (on a competitive basis) and conclude contracts of employment with them, implement up-skilling programmes and engage in international cooperation. The enhanced financial autonomy of higher education institutions (namely the right to develop their own medium-term budget plans) has created new job positions within the HEI structure, such as vice-rector for economic policy. About 1/3 of higher education institutions have started planning strategically and quite a few have formed committees for university management [2].

The head of a higher education institution is the rector who is elected for five years and who has a number of deputy/vice-rectors responsible for specific activities and in charge of operational issues. Issues related to the development of the higher education institution are vested in the Academic Council that is elected for five years. The Academic Council comprises the rector (as chair-

person), vice rectors and may also include departmental deans. The structure of higher education institutions is made up of faculties that comprise chairs/units. University and academy faculties may have the status of institutes. Key academic and research entities at higher education institutions are known as chairs.

The 1992 law on Education provided the right to establish private higher education. Exceptions to this rule are: the rectors of Moscow and St. Petersburg State Universities as they are appointed by presidential decree for five years and the rectors of the federal universities as they are appointed by government decree also for five years. Institutions and gave higher education establishments the right to raise funds and to offer paid tuition. As a consequence, the funding sources of higher education have been diversified. The sources and mechanisms of financing state and private higher education institutions differ considerably. State higher education institutions regularly (on an annual basis) receive funding from the budget (mostly the federal budget). Moreover, the state provides higher education institutions under its jurisdiction with premises, hostels and other property free of charge. Traditionally, private HEIs did not receive state funding. Their key source of income was tuition fees. The jurisdiction of the founders and the HEI administration allocated funds. However, recently, with the introduction of per capita funding, private universities are entitled to the same funding scheme as state universities. State HEIs must comply with legal constraints relating to obtaining loans and credits and to making profit from the use of state property. Currently, the following new financing mechanisms are being piloted: per capita funding, funding of development programmes of education institutions, state support through education loans etc. Besides the basic financing, which state-owned higher education institutions and colleges receive based on the number of students, HEIs are entitled to raise funds from a number of sources. One of them is grants from various federal and regional programmes and projects. Both state and private education institutions are entitled to compete for participation in these programmes and projects. The key grant programmes are the federal

programme for development of education and the priority regional projects on education. Other sources of funding are: tuition fees, provision of supplementary services, provision of consultative services, state contracts for training and retraining certain target groups, such as civil servants, teaching staff at regional universities etc; state contracts for research: provision of services to the public sector; state grants for pure and applied research; income from using rights to intellectual property; income generated by renting out state property managed by HEIs. The non-budgetary funds are managed by HEIs' Academic Councils within the limits of the estimate of expenses and income that must be approved by the Federal Treasury. Non-budgetary funds comprise, on average, one half of the state higher education institutions budget, sometimes they may represent up to 70%. Students themselves and their parents also contribute to funding their studies. Employer contributions are still insignificant. The recent adoption of the Federal Law on Autonomous Institutions aims at granting more freedom to higher education institutions to allocate funds and at freeing them from close financial and administrative control, as well as at enhancing their responsibility for the rational management of resources [3].

The development goal of the university is staffing, academic and technological support of working out and high technologies transfer of manufacturing cluster of multi-functional polymer and composite materials and products. To achieve this goal the university has set the following tasks:

integration of basic and applied science and bringing of competitive national and foreign inventions in the sphere of chemical technology to practical use in industry;

formation of unique branch academic environment in the sphere of chemistry, materials technology on the base of generation of new knowledge of the world level and reproduction of scientific and industrial staff;

infrastructure support of modernization of chemical complex and integration of science, education and industry.

Table 1 - Extend dynamics of main results of the NRU milestone report

Key results	Expected result to the end of the year		
	1 stage	2 stage	3 stage
Task 1			
The number of scientific laboratories for NRU PSD equipped with high-tech equipment, units	2	3	5
The share of incomes for RND from all sources for the NRU PSD in total revenues of NRU, %	58,1	60,7	62,4

Task 2			
The share of profession-oriented students of NRU, employed at the end of training in the specialty, in the the total number, of profession-oriented students of NRU %	95,8	96,3	98,0
The number of young scientists from other organizations that have passed professional retraining or advanced training in respect of NRU PSD, per one NPR	0,19	0,27	0,44
The effectiveness of the post-graduate and doctoral studies in respect of NRU PSD %	35,0	42,0	50,0
Task 3			
NRU incomes from all sources of educational and scientific activities per NPR, million.	1,65	1,82	1,89
The share of graduate students and the NPR with experience (previous internships) in the world's leading research and university centers%	2,4	3,0	4,0

The achievement of the program goal of the national research university development is based on the perspective directions which are historically formed, dynamics and corresponds to priority trends of innovative development of Russia. All of them are aimed to production new materials and products as a result of knowledge intensive inventions in these directions which are compared to world level and demand on the market today and in the foreseeable future. One of the development trends is interpenetration and interinfluence of priority directions of development and formation of interdisciplinary scientific and academic spheres.

Time- frame and stages of project realization include three stages:

Stage of modernization (2010-2011 гг.).

Stage of steady growth (2012-2014 гг.).

Stage of perspective development (2015-2019 гг.).

The purpose of the financial and economic strategy of the university is the accumulation of their own financial resources for 5 years (stages «modernization" and "steady growth"), which are sufficient for a sustainable innovative development of self-financing projects to create advanced polymer and composite materials and technologies (the stage « perspective development»).

The total investment is 3811,01 ml roubles in the forecast period (2010-2019 гг.). Among them, the federal budget allocated amount to 1.8 billion roubles, and extra-budgetary resources - 52.8% of the total budget - 2011,01 ml roubles to

the National Research University for the Development Program.

Measures implementation in the 2010-2014 is realized at the expense of:

1. Financing of scientific and innovative activities (1,287,800,000. Rub.) is aimed at the acquisition of scientific and technological equipment for commercializable projects in the value of \$ 1.087 billion roubles, as well as funding costs associated with the commercialization of the project in the amount of 200,8ml. roubles from extra-budgetary sources.

2. Financing of staffing infrastructure of the chemical complex development in a total volume of 1003,1 billion roubles from the accumulated funds of NRU (591.2 million roubles are budgetary funds, 411.9 million roubles are extra-budgetary resources). Some of funds will be allocated to equip the laboratories by the educational and laboratory equipment of a world level in the amount of 791.3 million roubles.

3. Development financing of NRU infrastructure in the amount of 189.1 million. roubles, one of them 121.8 million roubles are budgetary funds; 67.3 million. roubles are extra-budgetary sources. Distribution of the total volume of financing of the NRU main activities is shown in Fig. 1. Fig.2. and 3 show the dynamics of volumes and directions of funds distribution of budget and extra-budgetary sources.

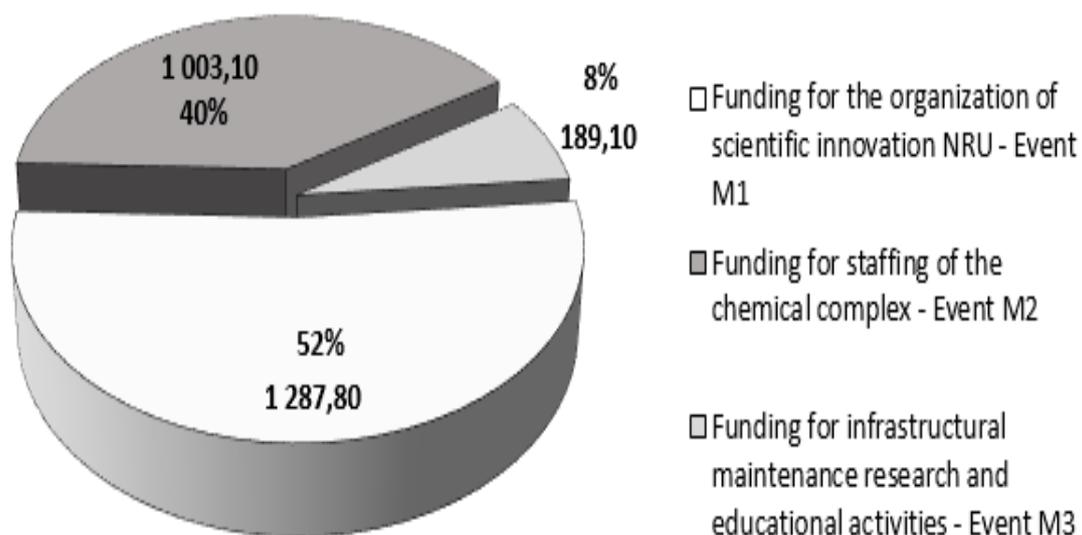

Fig. 1 – The structure of funds distribution for development of the NRU program's activities in 2010-2014, mln. Roubles [4]

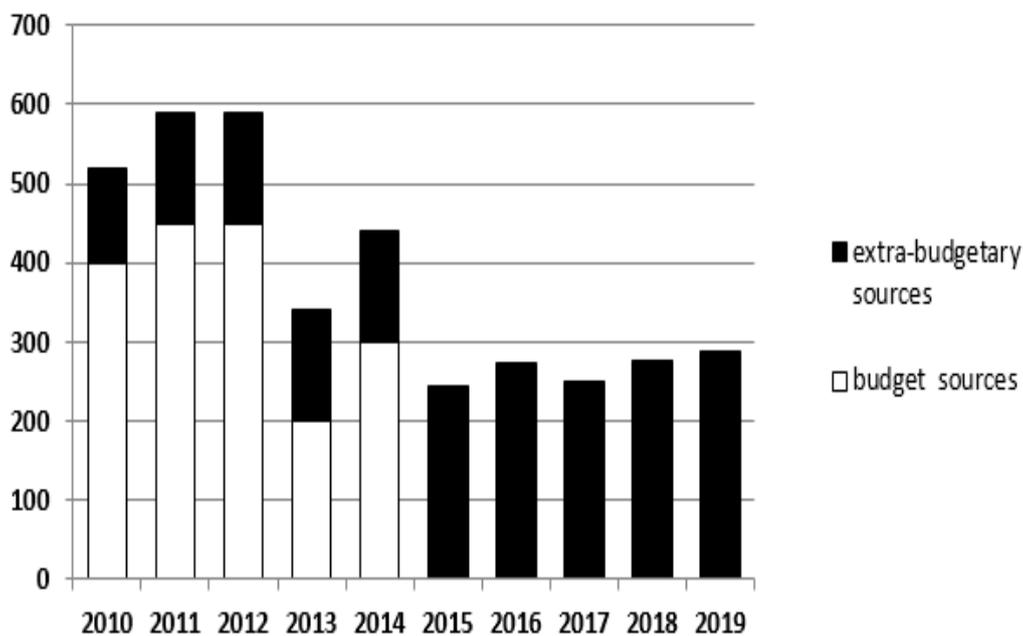

Fig. 2 – Dynamics of budgetary and extra-budgetary sources of the program financing in 2010-2019, mln. Roubles [4]

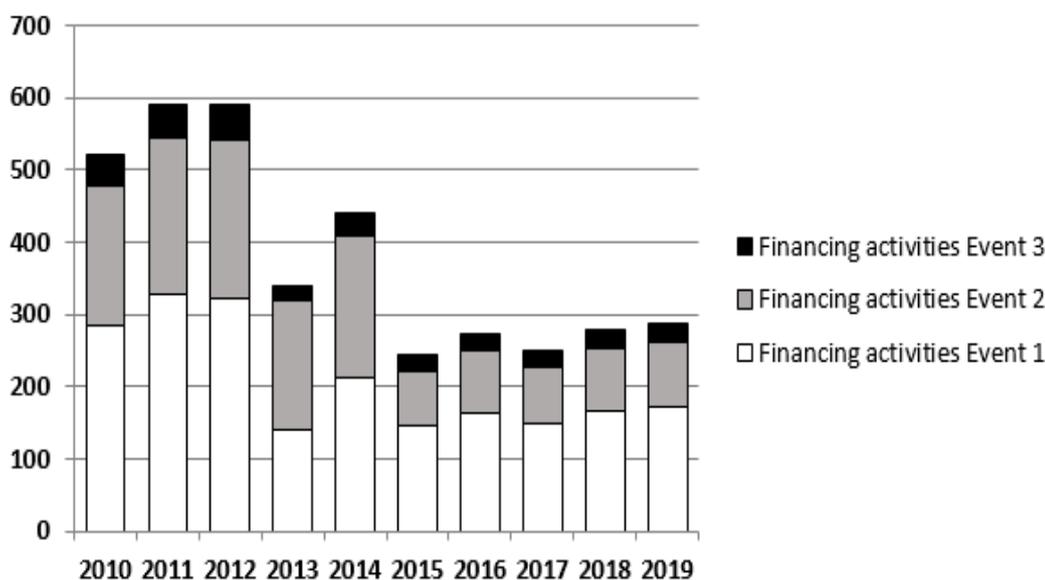

Fig. 3 – Directions of financial resources under the Program in 2010-2019, mln. Roubles [4]

It is expected that the financial sustainability of the University on the third stage of the project (the stage of perspective development of NRU in 2015-2019) will be supported at the end of budget financing by the following programs and results:

- Net income is the profit generated from the sale of commercializable projects (472.9 million. roub.) for the period of mixed financing (2010-2014). This profit is sufficient to run the projects and preparation for the commercialization on the stage of perspective development. Accumulated net income of commer-

cializable projects will amount to 1.803,9 billion. roubles for 10 years. ;

- self-financing of the program from the phase of the university perspective development. Net income from operations of commercializable projects is projected at 1331,01 mln. roubles for the period 2015-2019;
- PSD activities will lead to the transformation of the structure of the University income with 58% from research and innovative activities currently to 83% in 2019.

Bibliography

1. Berman S., Gayazova E. The higher professional education system: theoretical conceptualization // European Social Science Journal. – 2014. – №4. Т 2. – P. 35-40.
2. Гаязова Э.Б. Вариативность национальных моделей двухуровневой подготовки: сравнительный анализ / Э.Б. Гаязова, Р.И.Зинурова, З.Б. Маслова //Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 22. – С. 269-275.
3. Higher education in the Russian Federation. National Tempus Office Russian Federation. July 2012. URL:http://eacea.ec.europa.eu/tempus/participating_countries/overview/russia_country_fiche_final.pdf(дата обращения: 26.09.2015)
4. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Организационное проектирование развития современных российских университетов // Вестник Казанского технологического университета. - 2014. - № 15. – С. 420-423.

Сведения об авторах:

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, зав. кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Берман Светлана Сергеевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: sv180@mail.ru.

Information about the authors:

©**Zinurova Raushanya Ilshatovna**—Doctor of Sociological Sciences, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Berman Svetlana Sergeevna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Innovative Entrepreneurship and Finanacial Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: sv180@mail.ru.

Л. А. Шимановская

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУТЕНТИЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ ТИПА PROSPECTUS ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Ключевые слова: лингвострановедческая компетенция, аутентичные образовательные ресурсы, фоновые знания, слова-реалии, безэквивалентная лексика, переводческая компетенция.

В статье подчёркивается важность расширения лингвострановедческой компетенции на занятиях по английскому языку в технологическом университете в соответствии с программными требованиями. Нами представлены и описаны аутентичные рекламные образовательные материалы типа Prospectus, которые могут быть успешно использованы в практике преподавания английского языка. Определено, что для полного понимания и перевода материалов необходимы переводческие знания, навыки и умения. В качестве основного вывода формулируется задача активного применения аутентичных изданий, в том числе для сравнительного анализа систем высшего образования в Великобритании и России.

L. A. Shimanovskaya

ACTUALITY OF USAGE OF ADVERTISING TEACHING PROSPECTUS-TYPE EDITIONS FOR ENHANCEMENT LANGUAGE-COUNTRY COMPETENCE

Key words: language and country studies, authentic teaching resources, background knowledge, cultural reference items, untranslatable words, translating competence.

The paper emphasizes the importance of background and cultural knowledge for enhancement English language proficiency level. The study and close analysis of authentic materials such as prospectus have brought us to the conclusion that their usage in practical language studies can help the students get a better command of English. Translation studies are necessary for better understanding of cultural reference items. It is concluded that authentic sources for English language studies can be also used for comparison between higher education systems in Great Britain and Russia.

Повышение лингвострановедческой компетенции является одним из важных факторов формирования профессиональной, а также коммуникативной компетенций в процессе обучения иностранному языку студентов технологического университета. Суть лингвострановедческой компетенции раскрывается в следующем определении: «Знание национальных обычаев, традиций, реалий страны изучаемого языка, способность извлекать из единиц языка страноведческую информацию и пользоваться ею, добиваясь полноценной коммуникации» [1]. Не вызывает сомнения тот факт, что лингвострановедческая компетенция является неотъемлемым компонентом иноязычной коммуникативной компетенции и обеспечивает качественное владение иностранным языком, способствует усвоению общекультурных знаний и развитию кругозора.

Однако в силу разных причин развитию лингвострановедческой компетенции на

занятиях по иностранному языку в технологическом вузе уделяется мало внимания. По нашему мнению, это связано, прежде всего, с тем, что отсутствует полноценный современный оригинальный языковой материал для ознакомления со многими лингвострановедческими и социокультурными аспектами, в том числе в образовательной сфере. Традиционно в качестве учебного материала используются тексты, написанные русскоязычными авторами, которые представляют информацию в сухом «энциклопедическом стиле». Материалы не представляют интерес ни в плане содержания, ни в плане выражения (языковое оформление не отличается ни новизной, ни яркой стилистикой с современными оборотами речи). В лучшем случае отдельные информационные блоки представляют собой сокращенные или адаптированные части информации из периодических изданий. Таким образом, налицо противоречие между потребностью в

оригинальном интересном англоязычном материале для изучения и его отсутствием в повседневной практике проведения занятий.

Проблема поиска и использования оригинального аутентичного материала особенно актуальна для изучения такого аспекта, как лингвострановедение с использованием образовательных ресурсов Великобритании.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить англоязычные рекламные образовательные издания типа Prospectus, которые могут быть использованы в практике преподавания иностранного языка для повышения лингвострановедческой компетенции.

Следует отметить, что включение вопросов лингвострановедения в программу изучения иностранного языка не случайно, так как именно лингвострановедение, с одной стороны, включает в себя обучение языку (*General English* и *Professional English*), а с другой стороны, дает полезную информацию о стране изучаемого языка, ее системе образования и специфике образовательных центров, а также о современных образовательных технологиях Великобритании. Такая «универсальность» этого аспекта непременно должна быть реализована практически на каждом занятии по иностранному языку.

Теоретической основой для изучения и лучшего понимания основ лингвострановедения, его терминосистемы и аспектов может служить интересная монография Я. Б. Емельяновой «Лингвострановедческая компетенция переводчика: теория и практика» [2]. В данной монографии автор подчеркивает, что традиционно в научной литературе лингвострановедческая компетенция рассматривается в терминах знаний, навыков и умений. Знания – это фоновая информация. Умения и навыки – это поиск, расшифровка и перевод слов-реалий на русский язык с использованием справочной литературы, то есть переводческая компетенция. Лингвострановедческие словари и, в первую очередь, справочные издания о США Г. Д. Томашина могут стать яркой иллюстрацией всего многообразия лингвострановедческой лексики. Уникальной для изучения лингвострановедения является книга С. Г. Тер-Минасовой «Война и мир языков и культур» [3].

Лингвострановедение тесно связано с теорией перевода, так как изучение лингвострановедческих текстов, как правило,

сопровождается переводом на русский язык, что часто бывает затруднительно. Раскрывая значения некоторых терминов и понятий, таких как географические и социально-бытовые реалии, фоновые знания, фоновые слова, безэквивалентная лексика, мы вынуждены изучать вопросы лингвистики и переводоведения. Следует заметить, например, частое употребление лексических единиц с национально-культурной спецификой, в том числе и так называемых «buzz words», т.е. слов, отражающих новые ключевые понятия иноязычного менталитета – *challenge*, *politically correct*, *user friendly*, *assertiveness* и др.

Кроме того, вопросы лингвострановедения связаны с концепцией «культурной грамотности», разработанной профессором английского языка Виргинского университета Э.Д. Хиршем, который в результате проведенных исследований определил объем знаний, включенный в обязательный минимум культурной грамотности американцев [4]. Эту идею можно попытаться реализовать на занятиях по иностранному языку, составляя такой минимум для русскоязычных студентов, изучающих британский вариант английского языка (BE).

Рассматривая лингвострановедение как отдельную дисциплину, следует остановиться на его основоположниках в России – Е. М. Верещагине и В. Г. Костомарове. Именно они сделали попытку научного обоснования объективности существования фоновых знаний, отражаемых в накопительной функции лексической семантики в составе кумулятивной функции языка в целом [5]. По мнению В. Г. Костомарова, определяющим в дисциплине является изучение того, как национальная ментальность отражается в языковых явлениях.

Для понимания некоторых лексических единиц требуется знание того, что именно «скрывает» слово, почему это понятие является важным и ценным элементом для их менталитета. Здесь мы сталкиваемся с имплицитным смыслом и вопросом интерпретации как переосмысления семантического значения на основе лингвистического и ситуационного контекста. Однако при чтении и переводе аутентичного текста следует помнить также о явлении интерференции, особенно на лексическом уровне. Работе с псевдоинтернациональными словами, которые иногда называют «ложными друзьями переводчика», например *accurate* – не аккуратный, а «точный», всегда необходимо уделять особое внимание.

В данной статье мы предлагаем для рассмотрения несколько аутентичных

рекламных образовательных изданий типа Prospectus (Великобритания) для разных категорий студентов (Undergraduate & Postgraduate). Цель таких изданий – представить полную информацию об учебном заведении и его местонахождении, направлениях деятельности и специальностях, возможностях профессионального роста и интеллектуального развития. Все издания имеют нестандартный формат, яркое дизайнерское оформление и качественную печать и могут служить образцом источника информации для образовательно-просветительских целей.

Особенность изданий состоит в четком структурировании информации по определенной схеме: заголовок с названием учебного заведения, обращение руководителя учебного заведения (the Principal), оглавление-содержание проспекта (Contents), географическое название местности и окрестностей (the Surrounding Area), информация о кампусе и размещении (Life on Campus, Accommodation and Catering), учебное обеспечение (Learning Support and Study Resources, иногда Academic Facilities), информация о возможностях научно-исследовательской деятельности (Research Activity), список предлагаемых курсов (Course Directory), информация о факультетах и отделениях (Faculties and Departments), научные центры и школы (Centres and Schools).

В каждом издании дается дополнительная информация (Further Information): как добраться (How to get to, Approaches to), где жить (The Campus, Campus Life), как поступить (How to Apply), какие курсы предлагаются (Taught Courses), какие документы об окончании выдаются (Diplomas and Certificates), какие ученые степени присуждаются (бакалавр BA/ BSc; магистр MA (Master of Arts) и MSc (Master of Science)).

Однако есть некоторая специфика в языковом ресурсе каждого издания – в лексических и стилистических особенностях подачи информации, полноте и содержательности текста каждого отдельного проспекта, что необходимо учитывать при использовании материала на занятиях по английскому языку. Например, рассмотрим рекламное издание "*Queen Mary and Westfield College / University of London*" [6]. Помимо традиционной схемы изложения информации, дается раздел (*English Language & Study Skills*), рассказывающий о требованиях к уровню знаний английского языка и предоставляемых возможностях совершенствования навыков владения языком для учебных целей (*Studying*

English for Academic Purposes) и коммуникативных задач (*English Language support while you study*). Из этого проспекта с учетом специализации вуза наиболее интересен для наших занятий будет материал об инженерных, компьютерных и экономических науках (*Faculty of Engineering, Faculty of Informatics and Mathematical Sciences, Faculty of Social Sciences*). И, наконец, в проспекте содержится наиболее важная справочная информация для презентации своих личных будущих исследований и статей – оформление, названия должностей и научных степеней профессорско-преподавательского состава (*Staff*), профессор (*Professor*), заслуженный профессор (*Emeritus Professor*), преподаватель университета (*Lecturer, Reader*), старший преподаватель (*Senior lecturer*), профессор-совместитель (*Visiting professor*), руководитель лаборатории (*Laboratory Manager*). Материалы проспекта также дают возможность правильно расшифровывать сокращенные названия ученых степеней – бакалавр – BSc, магистр – MSc, доктор – PhD. Кроме того, некоторые сокращения информируют нас о том, где была получена степень – PhD (*Lond*), PhD (*Wales*). Например: *Jakup Paker Deg E Engl (Tech Uni, Istanbul) MS PhD (Columb,USA), Professor of Parallel Computing: parallel architectures and systems*.

Из проспекта, кроме страноведческой информации, можно узнать следующие «тонкости» английского языка, которые следует учесть при написании аннотаций, рефератов и статей на английском языке:

- грамматические, связанные с употреблением предлогов – *department of, professor of, lecturer in, research on, teaching on each course, focus on topics, to write dissertation of about 10,000 words, information over telephone;*

- лексические (заимствованные слова из латинского и греческого языков) – *colloquia, spectrum, techniques, curriculum, appendix, campus, index;*

В проспекте содержится много неологизмов и сложных слов – *practical-based course, hands-on experience, a full-time one-year project*. Проспект может быть справочным изданием, регламентирующим правильный выбор устоявшегося общепринятого в данном контексте слова. Например: *in collaboration with* (не *cooperation*), *research areas* (не *fields*), *research fellow* (не *colleague*), *new waste management practices* (не *experience*).

В другом проспекте *University of Wolverhampton* (недалеко от Бирмингема) основное внимание уделено подготовке к выполнению

научной работы, что отмечается как *Postgraduate, professional and research opportunities* [7]. Соответственно название рубрик несколько отличается от предыдущего проспекта, центральное место занимает материал о возможностях научно-исследовательской работы (*Academic Life*) в комплексе с разделом о доступности обучающих средств (*Learning Facilities*) и информацией о лучших академических центрах (*Academic Schools and Centres*). Этот проспект предоставляет ценную информацию также о названиях специальностей. Например: *Environmental Management, Environmental Technology, Design for Interior, Textiles Graphic Communication, Wood / Metal Plastics, Strategic Information Technology Management, Human Resource Management*.

Проспект нового современного *University of Bedfordshire* (расположен в 50 милях к северу от Лондона, создан в 2006 г.) отличается современным графическим оформлением, элементами рекламной символики и большим объемом информации, что, возможно, связано с тем, что этот проспект для «начинающих» студентов (*undergraduates*) [8]. В содержание проспекта, помимо учебных вопросов (*Learning resources*), включена информация о спорте, студенческих союзах, о возможностях получения работы (*Careers*). Учебная работа в течение 2-х лет (*Foundation Degree*), 4-х лет (*Extended Degree*) завершается получением диплома *BA* или *BSc*. по таким специальностям, как *Marketing and Media Practices, Computer Systems Engineering, Youth and Community Studies* и многим другим специальностям прикладного характера. Поскольку изложение материала доступно, языковые средства и грамматика текстов проста для восприятия, это издание можно рекомендовать для изучения вопросов лингвострановедения на первом курсе университета.

Проспект *Writtle College* как партнерская структура университета *University of Essex* рекламирует возможности получения степени магистра в области изучения природы, растительного и животного мира [9].

Представленные в начале проспекта карта расположения колледжа, яркие фотографии - это богатый материал для изучения бережного отношения англичан к природе, животному и растительному миру. Материалы красочно иллюстрированы, дают лингвострановедческую информацию об этом научном центре Англии. Рекламные тексты отличаются богатым разнообразием современных лексико-стилистических средств

подачи информации. Многие слова и словосочетания могут быть использованы в разговорной практике. Вместе с тем, они, как реалии языка, сложны для перевода и поиска эквивалентов, часто требуют использования описательного перевода. Например: *overseas students, social evenings, guided self-exploration, job search, self -presentation skills, research community, tutorials, workshop, case study, in-depth knowledge, to integrate into life*. Также полезны для запоминания общеупотребительные слова и словосочетания: *email address, internet access, homesickness, entry requirements, certified copies, printing and scanning facilities*.

Проспект *Writtle College* экспериментально использовался нами в рамках нашего проекта Workshop "Creative studies". Отмечены положительные результаты в обсуждении тематики статей проспекта. Заметим, что работа с подобным аутентичным материалом способствует активному, качественному повышению уровня владения английским языком для практических и переводческих целей не только студентов, но и преподавателей. Таким образом, изучение аутентичных рекламных образовательных изданий типа Prospectus и их использование в университетской практике преподавания английского языка позволяет сделать следующие выводы:

- 1) аутентичные статьи проспектов являются полноценным лингводидактическим материалом как по содержанию, так и по языковому оформлению;
- 2) использование материалов повышает качество подготовки обучаемых по иностранному языку за счёт их поисковой и творческой деятельности в области переводоведения и лингвистики;
- 3) расширяется область применения аутентичного материала в общей образовательной среде, в том числе для сравнительного анализа систем высшего образования в Великобритании и России;
- 4) повышается познавательный интерес к системе образования в Великобритании и её специфике, к информации о наиболее значимых учебных и научных центрах страны;
- 5) усиливается мотивация к качественному овладению иностранным языком для последующей научной работы.

В заключение приведем замечательные слова известного современного лингвиста, профессора С. Г. Тер-Минасовой: «За словами разных языков – разные миры. Слова – как вуаль над реальной жизнью, некая паутина, занавес. Главная задача пользующегося

иностранным языком – не забыть заглянуть за внязыковую реальность ведут тропинки
вуаль, за занавес слов, понять, куда, в какую значений слов» [3, с. 144].

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Изд-во Икар, 2009. – 448 с.
2. Емельянова Я. Б. Лингвострановедческая компетентность переводчика: теория и практика: Монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Нижний Новгород: ООО «Стимул-СТ», 2010. – 201 с.
3. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: (Учеб. пособие) – М.: Слово / Slovo, 2008. – 344 с.
4. Hirsh A. D. The Dictionary of Cultural Literacy: What every American needs to know. – Boston, 1988. – 276 p.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: «Русский язык», 1976. – 248 с.
6. University of Wolverhampton / postgraduate, professional and research opportunities 2003-2004/ – 168 p. URL: wlv.ac.uk (дата обращения 12.09.2015).
7. Queen Mary and Westfield College / University of London. – 156 p. URL: www. qmw.ac.uk (дата обращения 12.09.2015).
8. University of Bedfordshire. Grow with Prospectus. – 196 p. URL: www.beds.ac.uk (дата обращения 12.09.2015).
9. Writtle College/ / Postgraduate Prospectus. – 53 p. URL: www. writtle.ac.uk (дата обращения 12.09.2015).

Сведения об авторе:

©**Шимановская Людмила Анатольевна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: lashim@mail.ru.

Information about the author:

©**Shimanovskaya Ludmila Anatolevna** – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages for Professional Communication, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: lashim@mail.ru.

Все статьи поступили в редакцию до 30.11.2015

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Управление устойчивым развитием» составлен из оригинальных статей теоретического и экспериментального характера ведущих специалистов, работающих в области социологических, экономических и педагогических наук, развиваемых в настоящее время в вузе.

К публикации принимаются статьи по научным направлениям:

- 08.00.00 Экономические науки
- 13.00.00 Педагогические науки
- 22.00.00 Социологические науки

При оформлении представляемых к публикации материалов следует соблюдать следующие правила.

1. Авторы направляют в редакционную коллегия журнала по адресу 420015, Казань, ул. Карла Маркса, 68, редакция журнала «Управление устойчивым развитием», development_knrtu@mail.ru или передают ответственному секретарю журнала (КНИТУ, корпус В, аудитория В-313) 1 экз. статьи на бумаге формата А4, подписанный всеми авторами, и ее компьютерный вариант.

2. Текст должен быть напечатан в редакторе «Word», параметры страницы: верхнее поле 2 см, нижнее - 1.5 см, левое – 1,75, правое - по 2 см, верхний колонтитул - 1.5 см, нижний - 1.5 см; шрифт текста статьи - Times New Roman Cyr 11 кгл через один интервал. Абзацный отступ - 1.25 см.

3. Цитируемая литература нумеруется в порядке упоминания, в тексте порядковый номер ссылки заключается в квадратные скобки. Список используемой литературы помещается в конце статьи и оформляется без абзацных отступов в соответствии с правилами оформления литературы по ГОСТ 7.0.5 – 2008.

4. На последней странице статьи, после приведенного списка литературы, необходимо указать сведения об авторах: Ф.И.О., звание, должность, структурное подразделение, организация, e-mail, корреспондентский почтовый адрес и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех авторов) с полным переводом данных сведений на английский язык.

RESEARCH PAPER REQUIREMENTS

The “Sustainable Development Management” journal publishes original research papers written by the leading university faculty dealing with theoretical and experimental issues in Sociology, Economics and Pedagogy.

Papers in the following research areas are published:

- 08.00.00 *Economic Sciences*;
- 13.00.00 *Pedagogical Sciences*;
- 22.00.00 *Sociological Sciences*.

Requirements for all papers submitted for publication:

1. The authors are to send their papers to the Editorial Board to the following postal address: 68 Karl Marx street, Kazan, 420015, Russian Federation, for editorial staff of the “Sustainable Development Management” journal; to the email address development_knrtu@mail.ru; or forward to the journal executive secretary (KNRTU, building V, office V-313). A single hard copy of the paper on the A4 format sheets, signed by all authors is to be submitted together with its electronic version.

2. The text is to be in the Word file format with the following page setups: A4 paper size, 2 cm top margin, 1.5 cm bottom margin, 1.75 cm left margin, 2 cm right margin, 1.5 cm header, 1.5 cm footer, Times New Roman Cyr font, font size – 11 pt, single-spaced, 1.25 cm paragraph indent.

3. The cited literature is to be numbered in the text reference order; the text reference number is to be put in round brackets in the text. The list of the references is to be given at the end of the paper without any paragraph indents in accordance with the reference rules GOST 7.0.5 – 2008.

4. The following author information is to be provided on the last page after the reference list: full name, title, position, organization department, organization name, e-mail address, postal address and contact phone number (one for all authors). All the author information is to be given both in Russian and in English.

ПУБЛИЧНЫЙ ЛИЦЕНЗИОННЫЙ ДОГОВОР-ОФЕРТА

Редакция журнала «Управление устойчивым развитием» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала на безвозмездной основе. Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2015 №1 (1)

Ответственный за выпуск и оригинал-макет

С. А. Алексеев

Дизайн

И. А. Фролова

Подписано в печать

Бумага офсетная

Издательство Казанского национального исследовательского технологического университета

Офсетная лаборатория Казанского национального исследовательского технологического
университета

420015, Казань, К. Маркса, 68